

Революция и контрреволюция в России

(Елена и Александр Харламенко, 2001)

Правильно понять характер событий, происшедших на одной шестой части земной суши в уходящем веке и оказавших огромное влияние на весь мир, непросто. Дело не только во всякого рода идеологических иллюзиях и пропагандистской демагогии, загромождающих путь. Исследование объективно затруднено тем, что речь идет о рождении, становлении, кризисе и гибели *исторически нового* общества, которое не достигло и не могло достичь за время своего существования зрелого состояния (что бы там ни писали о “развитом социализме”). Общество *переходное* по определению не имеет ставшей сущности, своих сложившихся закономерностей, не развивается на собственной основе. Его можно исследовать лишь на основе закономерностей предшествующего общества, причем надо еще верно определить, *какое именно* общество выступает предшествующим, т.е. подвергается диалектическому отрицанию. И даже в этом случае исследование неизбежно останется односторонним. Преодоление этой односторонности остается на долю будущих историков, которые смогут смотреть на нашу эпоху уже из сложившегося, действительно зрелого бесклассового общества, отправляться от закономерностей не только прошлого, но и (для нас) будущего.

Объект рассмотрения особо сложен. Частным, но чрезвычайно важным, случаем этой сложности является то, что в первом приближении можно назвать диалектикой внутренних и внешних факторов. В первом приближении потому, что в реальной истории - и особенно в рассматриваемую эпоху - “внутреннее” и “внешнее” не только взаимосвязаны и взаимно обусловлены, но и взаимно переходят друг в друга. То, что на одном этапе развития выступает как внешнее, затем нередко становится неотъемлемой частью внутренней структуры данного общества; то, что было внутренним, более того - специфичным для него, получает международное, в наше время - глобальное, измерение.

Мы не претендуем на комплексное рассмотрение столь сложного процесса, да этого и невозможно сделать в пределах небольшой работы. В частности, нам придется в основном абстрагироваться от международных аспектов судьбы раннего социализма в СССР, касаясь их вкратце лишь в самых необходимых случаях, но постоянно имея их в виду. Более подробное рассмотрение этого круга вопросов требует специального исследования.

Еще меньше мы претендуем на последнее приближение к истине. Скорее - на первое приближение. О событиях последних пятнадцати лет написано очень много. Мы хотели бы предложить *подход* к проблеме, несколько отличный от тех, которые сейчас у всех на слуху.

1. Понятия и схемы.

Те, кто направлял или пытался направлять события последних 15 лет, говорили сначала о “*революционной перестройке*” (Горбачев и его группа), потом о “*реформах*” (Ельцин, его окружение и их преемники). Так называемая патриотическая оппозиция предпочитает говорить о *катастрофе* (разрушение СССР, потеря независимости, междоусобные войны, вымирание народа), вызванной происками империалистических спецслужб и их агентов влияния или, того проще, “*жидо-масонским заговором*”. Оппозиция, именующая себя коммунистической, признает *контрреволюционный* характер переворотов 1991-93 гг., но не дает серьезного анализа их исторических причин; последние сводятся опять-таки к внешним и субъективным факторам: подрывным действиям империализма, просчетам руководства СССР, измене Горбачева, Ельцина и им подобных делу социализма.*

Чтобы разобраться в реальном положении вещей, необходимо прежде всего обращаться с понятиями “*революция*” и “*контрреволюция*” как с научными категориями, вкладывая в них четко определенный смысл. В классической марксистской традиции эти категории были наиболее глубоко разработаны В.И. Лениным. Следуя этой традиции, мы будем понимать под *революцией* процесс

коренных общественных преобразований, возглавляемый передовым в данную историческую эпоху классом; на протяжении большей части XX века это - переход от капитализма и в целом от эксплуататорского общества к ранним формам социализма при ведущей роли пролетариата. Под *контрреволюцией* мы будем понимать сопротивление революционным преобразованиям, а в случае ее успеха - временный социальный реванш; в центре ее стоит эксплуататорский класс, превратившийся в препятствие на пути общественного прогресса (в наше время - империалистическая буржуазия).

Революция и контрреволюция - двуединый процесс, диалектическое единство противоположностей. Не бывает революции без контрреволюции и наоборот. С этой точки зрения, говорить о контрреволюционном характере разрушения СССР научно верно лишь в том случае, если удастся показать, что "демократические" силы противостояли именно революции, что она не завершилась много лет назад, а в тех или иных формах продолжалась.

Такая постановка вопроса кажется парадоксальной и естественно вызывает вопросы: мог ли единый революционный процесс занять около 70 лет, причем вторую половину этого срока происходить в формах, по видимости эволюционных и даже консервативных? И если да, то каковы критерии революции?

Для ответа на эти вопросы необходимо разграничить понятия революции в узком и широком смысле. *Революция в узком смысле* - это довольно краткий период острейшей классовой борьбы, когда решается основной вопрос всякой революции - вопрос о политической власти того или иного класса; когда разрушается репрессивный аппарат старого государства и из организаций революционного класса вырастают новые органы власти. В этот период проводятся первоочередные социальные преобразования, определяемые прежде всего логикой борьбы за власть. Стабилизация новой власти и новых социальных условий, на которые она опирается, свидетельствует об окончании революции *в узком смысле*. Но это - лишь начало *революции в широком смысле*. Она продолжается до тех пор, пока не будут решены все объективные задачи революции, вытекающие из породивших ее общественных противоречий, и новое общество не начнет развиваться на собственной основе, в силу своих *внутренних* противоречий. Лишь тогда исчезает почва как революции, так и контрреволюции, и борьба общественных сил принимает принципиально иной, эволюционный характер.

В широком смысле Английская революция продолжалась с 1640 по 1660 г., Великая Французская - с 1789 по 1815 г., и это если не включать в них периоды реставрации и последующих "малых революций" 1688 и 1830 гг., представлявших собой компромиссы имущих классов. Лишь после них наступал действительно эволюционный период: в Англии очень длительный, во Франции совсем короткий, быстро сменившийся новой полосой революций, но уже иного, позднебуржуазного и пролетарского, типа.

Некоторые идеологи нынешней российской оппозиции переносят этот опыт компромиссного преодоления Реставрации на современность. Однако, такая аналогия весьма сомнительна. Английская и Французская революции происходили уже в условиях господства капиталистической тенденции мирового развития, утвержденной великими географическими открытиями и колониальными захватами. Поэтому реставрация могла быть только кратким эпизодом. Вопрос состоял уже не в том, быть или не быть капиталистической формации, а лишь в том, как быстро и в какой форме ей предстояло утвердиться в данной стране. В эпоху раннебуржуазных революций все было гораздо сложнее и трагичнее: их победа или поражение решали судьбы целых регионов мира на столетия.

Социалистическая революция, повторим, означает не просто начало перехода от формации к формации, а начало перехода от эксплуататорского общества в целом к постэксплуататорскому, коммунистическому обществу. Это переход сопоставим только с переходом от доклассового первобытного общества к классовому, занявшим не одно тысячелетие. Поэтому его революционная составляющая должна длиться гораздо дольше буржуазной революции. Если считать революцией только короткий период борьбы за власть, то в нашей стране она завершилась действительно десятки лет назад. Но тогда необъяснимыми оказываются не только современные события, но и реставрация Стюартов и Бурбонов. Если бы в самом обществе не существовало предпосылок контрреволюции, никакая интервенция не могла бы ему ее навязать. Если же они существуют, значит революция еще не завершена.

Разумеется, такое представление несовместимо с основными трактовками сущности советского общества, имевшими и имеющими хождение как в нашей стране, так и за ее пределами. Первая, официально принятая в СССР, состояла в том, что страна находится на этапе “развитого социализма” и постепенного перехода к коммунизму, точнее к его второй фазе; в обществе давно уже нет классовых антагонизмов, а государство носит общенародный характер. Естественно, с этой точки зрения революция воспринималась как далекое прошлое. Другая трактовка идет от тех, кто пытался критиковать существовавший в СССР строй справа или “слева” (меньшевики, Л.Д. Троцкий, М. Джилас, маоисты и др.). Советское государство, по крайней мере последних десятилетий, представлялось ими как враждебное трудящимся и, более того, тотально отчужденное от общества, как своего рода частная собственность бюрократии или “нового класса” номенклатуры. С этой точки зрения, революционная власть в СССР давно пала или переродилась - либо в годы “сталинских репрессий”, либо в период развенчания “культы личности” 40-45 лет назад, либо, самое позднее, в период “застоя” 70-х гг.; подлинным революционерам оставалось лишь призывать трудящихся к *новой* революции, направленной *против* данного режима. На деле же вышло так, что приверженцы подобных взглядов вольно или невольно помогли “демократам” в конце 80-х - начале 90-х гг. третировать своих оппонентов как правых реакционеров, а себя выдавать за левых революционеров.

Ход и исход событий последнего десятилетия XX века опровергают и тот, и другой подход. Если бы советское общество действительно было свободно от антагонизмов, достигло развитого социализма и вступило в период развернутого строительства коммунизма, контрреволюции в нем неоткуда было бы взяться. Если же контрреволюция победила уже при Сталине, Хрущеве или Брежневе, то кому и зачем она понадобилась теперь?

При этом оба подхода обнаруживают единую методологическую основу. Они опираются на общие схемы, механически прилагаемые к стране, а не на предметное изучение ее специфического положения во взаимосвязанном мире и ее исторического опыта. Догматикам любого рода подавай либо классическую диктатуру пролетариата, непосредственно перерастающую в первую фазу коммунизма, а та - во вторую; либо столь же классическую буржуазную революцию, когда за якобинской диктатурой следует термидор, а за ним - брюмер.

Предпосылкой применения к нашей стране обеих этих схем явилась концепция исторического пути российского общества и его состояния к концу XIX - началу XX века, выдвинутая еще в то время либеральными историками и “легальными марксистами”. Она сводится к тому, что Россия прямо-таки невероятно отстала от передовых стран: когда там уже совершались буржуазные революции, у нас, варваров, еще всюду цвел и укреплялся феодализм, принявший особо варварскую форму крепостничества. Лишь после отмены в 1861 г. крепостного права Россия вступила наконец на путь капитализма, но в ней сохранялись феодальные институты, прежде всего самодержавие и помещичье землевладение. Следовательно, на повестке дня стояли буржуазные преобразования, мыслившиеся либералами по образцу “прусского пути”, а социал-демократами - по образцу Великой Французской революции, в лучшем случае с поправками на более развитый пролетариат. Раскол российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков не затронул основ этой концепции: он шел в первую очередь по вопросу о том, кому должна принадлежать гегемония в буржуазной революции - пролетариату или либеральной буржуазии. В дальнейшем В.И. Ленин пришел к выводу, что изменившиеся условия, прежде всего международные, не позволяют России остановиться на этапе буржуазной революции и требуют идти дальше, к социализму, решая задачи буржуазной революции мимоходом. Тем не менее, основы концепции пересмотрены не были: Россия, кроме анклавов крупной промышленности, по-прежнему считалась крайне отсталой полуфеодальной страной, главный пережиток феодализма усматривался в помещичьем землевладении, а крестьянское движение считалось в основе своей буржуазно-демократическим.

Эта концепция всегда вызывала реакцию в виде отрицания общих и абсолютизации специфических черт России. С таких позиций в XIX в. выступали народники, в начале XX в. - эсеры. Такая же абсолютизация характерна для теперешних “национал-патриотов” (А. Проханов, С. Кара-Мурза) и находящихся под их влиянием руководителей КПРФ (Г. Зюганов, Ю. Белов). Продолжая традиции, в лучшем случае, славянофилов и народников, в худшем - идеологов самодержавия и черной сотни¹, эти деятели утверждают, будто русскому народу искони присущи общинность и соборность, воспитанная

православием, а потому капитализм для России чужероден, привнесен извне, социализм же, наоборот, предписан чуть ли не самым всевышним, но особый, национально самобытный. Марксистская же идеология, привнесенная со злобного Запада, только мешала нашей самобытности проявляться, обрекала страну на излишние жертвы и в конечном счете - на нынешнюю катастрофу.

2. Зависимый капитализм и община

Представляется, однако, что историческая специфика нашей страны состоит не в том, в чем усматривают ее национал-патриоты. Российское общество было связано с мировым развитием отнюдь не чисто внешне, как неявно принимается и концепцией феодальной отсталости, и концепцией общинной самобытности; без учета этой связи нельзя понять динамику его внутреннего развития. Уже средневековая Русь составляла неотъемлемую часть феодальной Евразии, включенную в ее военные, торговые, церковные связи. Превращение Руси в Россию шло на рубеже Средневековья и Нового времени в тесной связи с ее втягиванием в мировое капиталистическое разделение труда. С XVI века она была экспортером сырья, а с конца XVIII по начало XX века - и продовольствия в цивилизованную Европу. Именно потребности этого экспорта вызвали непомерное развитие крепостничества, которое нельзя считать феодальным институтом: подлинное феодальное Средневековье его не знало, в России закрепощение крестьян началось только в конце XVI в. С конца XVI по начало XX в. наша страна следовала по пути *капиталистического* развития, но не *метропольного* ("цивилизованного" на языке "демократов"), а *периферийно-зависимого*. В этом отношении Россия делила судьбу Центральной, Южной и Юго-Восточной Европы, Латинской Америки, Африки, большей части Азии. Во всех этих регионах зависимо-капиталистическое развитие долгое время облекалось в крепостнические, плантационно-рабовладельческие и иные формы, которые при поверхностном рассмотрении выглядят докапиталистическими.

Однако, в отличие от других стран зависимой периферии, Россия входила в концерт европейских держав, выполняя в нем, особенно в XVIII-XIX веках, военно-политические функции, не менее важные для стабильности мировой капиталистической системы, чем российское сырье. Поэтому она имела некоторую возможность развивать промышленность, образование и науку европейского уровня, что создавало определенные предпосылки ограничения зависимости.

Действительная проблема состоит в следующем: почему страна, давно и глубоко втянутая в системные отношения *антагонистического классового* общества, дольше всех европейских и большинства азиатских стран сохраняла в себе многие черты (их даже нельзя назвать пережитками) давно минувшей эпохи общества *протоклассового*?

Первой и главной из этих черт было сохранение *крестьянской общины*, причем не как локального явления, а как *системы* общин, охватывавших абсолютное большинство населения. Конечно, в стране, где уже давно сложились отношения классовой эксплуатации, не могла сохраниться в первозданном виде протоклассовая *иерархия общин*, вершина которой - власть государя - возвышается над ними как выразительница их общей воли, исполнитель общих дел, а не как отчужденное от общества "государство в собственном смысле". Российское самодержавное государство давно вступило на путь отчуждения от народных масс. Тем не менее объем *общественно необходимых* функций государства был в России значительно выше среднего для эксплуататорских обществ. Особенно это относится к одной из важнейших его функций - военной. С раннего Средневековья Руси приходилось воевать со степными кочевниками и Золотой Ордой, а России с XVI по XIX в. - с агрессивными соседями, окружавшими ее со всех сторон (Ливонский Орден, Речь Посполитая, Османская империя и т. д.). В этих государствах покоренные народы подвергались социальному и национальному угнетению гораздо более тяжелому, чем в России. Войны, которые вела против них Россия, не носили типичного для эксплуататорских обществ грабительского и угнетательского характера. Они, как правило, велись за отвоение плодородных земель у кочевников и защиту земледельцев от их набегов, за выход к жизненно необходимым России морям, за освобождение дружественных народов от чужеземного ига или даже спасение их от физического истребления. Не составляли исключения даже войны самодержавия против буржуазных революций в Польше и Венгрии, ибо большинству славянских

народов эти революции несли только ужесточение гнета, и белорусы, украинцы, словаки, югославы ждали русских как спасителей. Когда же сама Россия подвергалась вторжению, народ безошибочно чувствовал угрозу всему укладу своей жизни и поднимался на отечественную войну: в 1610-1617 гг. - против польских и шведских завоевателей, в 1812 г. - против Наполеона. Отечественная война, руководимая государственной властью, но ведущаяся всем народом (ополчением, партизанскими отрядами) - явление не типичное для зрелых классовых обществ. Последние знают либо войны *между государствами*, либо национально-освободительные и гражданские войны за *создание* того или иного государства, причем в обоих случаях национальные задачи обусловлены социально-классовыми. Отечественная же война основывается на *приоритете* общих (даже не национальных, ибо речь идет о многонациональной стране) задач над частными; она возможна лишь там, где социальный антагонизм не пронизывает всех отношений между людьми, а власть не вполне отчуждена от народа.

Вопреки мнению “национал-патриотов”, общинность не имеет отношения ни к православию, ни к самодержавию. Она была обусловлена в первую очередь *характером взаимосвязи общества и природы* большей части империи - собственно России, Великороссии, почти целиком располагавшейся в зоне рискованного земледелия, на огромных пространствах почти полного бездорожья. Здесь надо было укладывать сельскохозяйственные работы в четыре-пять месяцев, иметь страховой запас продовольствия на время частых неурожаев, осваивать огромные массивы целинных земель. В этих условиях никакое земледельческое хозяйство до начала XX в., если не дольше, было невозможно без крестьянской общины. Без нее не могли обойтись не только сами крестьяне, но и помещики. К тому же никакие запреты и кары не могли совсем закрыть беглым крестьянам путь на осваиваемые окраины, и с этих окраин четырежды за два века (XVII-XVIII) грозно поднималось пламя крестьянских войн. В такой стране нельзя было и помышлять о насильственном разрушении общины и экспроприации общинных земель крепостниками на манер тогдашней Центральной Европы. Волей-неволей приходилось организовывать хозяйство так, чтобы крепостные трудились не только “за страх”, но и “за совесть” - в соответствии с общинным распорядком жизни.

Не в меньшей степени нуждалось в общине и государство - и для управления государственными крестьянами, которые составляли около половины всего крестьянства, и для выполнения военно-административных функций. В огромной крестьянской стране без опоры на общину нельзя было ни собрать налоги, ни набрать солдат. Военное дело в России было организовано в значительной мере соответственно общинным традициям. В отличие от остальной Европы и Азии Россия не знала наемного войска. С 1699 по 1874 г. армия комплектовалась путем рекрутского набора, а позже - всеобщей воинской обязанности. И второе, и особенно первое в общинно-крестьянской стране являлось не столько индивидуальной повинностью, сколько обязательством общины перед государством. Оно не было совершенно чуждо сознанию крестьян-общинников и держалось не на одном принуждении. М.Ю. Лермонтов, поэт, живший в середине XIX века, вкладывает в уста солдата такую характеристику хорошего офицера: “Слуга царю, отец солдатам”. В XVIII в. популярность в русской армии Суворова объясняется не только его военными дарованиями, но и его поведением “отца солдат”. Характеристика эта восходит еще ко временам раннефеодальных дружин, которые осознавались как братства, а вступление в них - как новое рождение.

Протоклассовые черты, не вполне утраченные российским обществом, в еще большей степени были свойственны народному сознанию. В нем устойчиво сохранялась установка на *взаимные* обязательства правящих и управляемых сословий, более того - на особую ответственность первых перед вторыми. Именно сохранением этой установки у представителей господствующих классов и возникшей в XIX веке разночинной интеллигенции² объясняется феномен, который принято называть “русской духовностью”, - обостренный интерес к большим общественным проблемам, высокие культурные запросы при относительно низких материальных. В конечном счете именно общинная традиция питала столь популярный на Западе русский роман XIX века. Общинность российской деревни налагала отпечаток на всю жизнь страны, препятствуя, даже в условиях развития капитализма, превращению человека в атомизированного индивида. Но она же обуславливала устойчивость представления о “царе-батюшке”, который *обязан* заботиться обо всех подданных. Хотя реальные Романовы- Гольштейн-Готторпы давно уже не имели с этим образом ничего общего, он продолжал

жить в народном сознании, поддерживая то пресловутое российское терпение, которое либералы принимают за рабское.

Конечно, видеть в российском обществе *только* общинные и производные от них институты, как поступали народники и ныне поступают их эпигоны, ошибочно. Уже к концу Средневековья в России сложилось сословие горожан, занятых ремеслами и мелкой торговлей. Городское сословие, получившее с XVIII в. название *мещанства*³, было основательно втянуто в товарно-денежные отношения. В городе постепенно сложился мелкобуржуазный уклад. Однако, крупная буржуазия складывалась не столько на его основе, сколько на базе крупнооптовой, в том числе внешней, торговли и мануфактурной, а позже фабричной промышленности, опекаемой или прямо организуемой самодержавным государством (подряды, откупа и т. д.). Показательно, что в России не было единого “третьего сословия”: мещанство и купечество были разными сословиями. Не только помещики, но и большая часть городской буржуазии были заинтересованы в росте экспорта сырья и продовольствия. Эта общая заинтересованность идеологически выражалась в преклонении перед цивилизованной Европой, ставшем еще со времен Петра I характерной чертой “приличного общества”.

К середине XIX в. начавшееся развитие капиталистической промышленности потребовало свободной рабочей силы - свободной как от крепостного состояния, так и от связи со средствами производства, обусловленной общинным землевладением крестьян. Отмена в 1861 г. крепостного права сопровождалась экспроприацией в пользу помещиков значительной части земель, находившихся раньше в пользовании крестьян. В начале XX века 70 тысячам помещиков принадлежало почти столько же земли, сколько 70 миллионам крестьян, причем, как правило, помещикам отошли земли лучшего качества. Кроме того, самодержавное государство сверх обычных налогов взимало с крестьян выкупные платежи, которыми компенсировало помещикам утрату “крещеной собственности” и части земли. Но обе эти меры были отнюдь не проявлениями феодальной реакции, а типичным для зависимого *капиталистического* развития *внеэкономическим принуждением* крестьян-общинников к продаже на капиталистическом рынке либо своей рабочей силы, либо продуктов своего хозяйства, либо того и другого. Поэтому заинтересованность в зависимом капиталистическом развитии была общим коренным интересом всех имущих классов и социальных групп. Как ни остры были противоречия между ними, в решительные моменты они отходили на задний план. Буржуазия не только не стремилась дать крестьянам землю, но и объективно не могла этого сделать, не подрывая основ собственного господства. То же относится и к иностранному капиталу, активно проникавшему в Россию. Показательно, что большая часть помещичьих земель была заложена в банках, контролировавшихся французским и английским финансовым капиталом, а самодержавное государство было в неоплатных долгах у него же.

Такая же противоположность явления и сущности обнаруживается и при рассмотрении развития капитализма в деревне. Российские марксисты более 100 лет назад с фактами в руках показали глубокое расслоение общины. Сохраняя ряд общих черт социального облика, крестьянство уже не было единым классом. Примерно 60 % сельских жителей составляла беднота, которая не могла прокормиться со своих наделов и была вынуждена регулярно работать по найму - либо у помещиков и богатых односельчан, выразительно прозванных *кулаками-мироедами*⁴, либо в городе как отходники. В.И. Ленин считал большинство российских крестьян *полупролетариями*: “В отсталых капиталистических странах, вроде России, большинство населения принадлежит к полупролетариям, т.е. к людям, постоянно часть года проводившим по-пролетарски, постоянно снискивающим себе пропитание, в известной части, работой по найму в капиталистических предприятиях”.⁵

Капиталистической по сути эксплуатации подвергалось и среднее крестьянство, составлявшее до революции около 25%. В стране рискованного земледелия крестьяне, пахавшие свои наделы прадедовской сохой, едва могли досыта накормить свои семьи, и то не каждый год. Но чтобы расплатиться за свою землю с казной и за арендуемую с помещиком, им приходилось продавать часть необходимого продукта, самим же почти постоянно недоедать, а в неурожайные годы - голодать. Именно после отмены крепостного права голод стал охватывать целые губернии раз в несколько лет; зато, как теперь с гордостью пишат наши национал-патриоты, “Россия кормила хлебом Европу”. На деле экспорт зерна был голодным, а товарность крестьянского хозяйства - по большей части принудительной; тут гордиться, мягко говоря, нечем.

Будучи капиталистически эксплуатируемым, в большинстве - полупролетарским, российское крестьянство на другую половину оставалось общинным, хотя и эта сторона его социального бытия наполнялась новым классовым содержанием. В условиях жесточайшей эксплуатации беднота и середняки попросту не могли выжить без общины. В ней еще были живы обычаи взаимопомощи, позволявшей иногда обойтись без кабальной ссуды у “мироеда”; а главное, община не давала ему совсем согнать бедняка с земли, выделяла каждой семье хоть клочок, с которого можно было, пусть впроголодь, прожить, в худшем случае - сдать в аренду соседу-кулаку, пока нет работы или недостает кормильцев (наши теперешние демократы называют это уравниловкой, т.е. *принудительным равенством*). Разрушение общины в этих условиях несло многим миллионам людей голодную смерть. Вот почему, когда в 1906 г. премьер Столыпин, горячо любимый ныне и “демократами”, и “патриотами”, попытался разрушить общину, его реформа натолкнулась на почти всеобщий стихийный бойкот.

Таким образом, в России крестьянство *в целом* не представляло собой мелкобуржуазной массы, какой считали его меньшевики и их последователи. Крестьян и пролетариев не разделяла социально-культурная пропасть. Городские рабочие в большинстве были выходцами из крестьян в первом-втором поколении и сохраняли тесные связи с деревней и многие черты общинного сознания. Неудивительно, что до начала XX века они в массе своей искренне верили в “царя-батюшку”. 9 (22) января 1905 года питерские рабочие с женами и детьми шли искать у царя правды, как их далекие предки в XVI-XVII веках. Расстрел мирного шествия на улицах Петербурга, в том числе прямо под окнами Зимнего дворца, был ни с чем не сравнимым потрясением, навсегда уничтожившим доверие рабочих к династии Романовых.

Ту же роль, что “Кровавое воскресенье” для крупных городов, для глубинной сельской России сыграли две империалистические войны: русско-японская и особенно Первая Мировая. Впервые в истории народ России не мог воспринимать войны как справедливые и необходимые для Отечества. К тому же велись они на редкость бездарно. Не жалея крови солдат, правители вызывающе пренебрегали лишениями их семей, выставляли роскошь, коррупцию и разврат напоказ голодающей стране. Все это создало условия для соединения пролетарской революции с последним изданием крестьянской войны. Ленин в конце жизни отмечал: “Мы могли осуществить именно тот союз “крестьянской войны” с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой “марксист”, как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии”⁶. Это соединение произошло путем беспрецедентной в истории революционизации *воюющей* армии. Фронтовые части избрали Советы солдатских депутатов, восприняли большевистский лозунг мира без аннексий и контрибуций. Показательно, что из всех фронтов сохранил боеспособность до конца 1917 года только Кавказский, где война была не чисто несправедливой, как на других, а объективно двойственной по характеру, включая в себя справедливое дело спасения миллионов армян и ассирийцев от турецкого геноцида.

Революционизировавшаяся армия перестала быть основой репрессивного аппарата капиталистического государства, обеспечив его фактический слом. Старая армия распалась, когда одетые в шинели крестьяне двинулись домой делить землю. Но как только страна подверглась империалистической интервенции, придавшей гражданской войне общероссийский размах, на руинах старой армии возникла новая, Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Гражданская война быстро приобрела черты отечественной войны против интервентов, за независимость страны, и закономерно, что Красная Армия вобрала в себя не только сынов рабочих и крестьян, но и лучшую часть старого офицерства.

Именно Красная Армия в ходе гражданской войны несла революцию в деревенские захолустья. Крестьянская война за землю и волю *в целом* не приняла традиционного характера стихийной жакерии или герильи, хотя местами происходило и то и другое, а была централизована и организована, став общероссийским революционным движением. Реакционные тенденции крестьянской войны были тем самым нейтрализованы, а ее полупролетарская составляющая органически вошла в фундамент диктатуры пролетариата.

Можно ли называть это грандиозное движение трудящихся и эксплуатируемых *крестьянской* войной? Нет, если понимать последнюю только как совокупность деревенских бунтов, лишенных политического сознания и потому колебавшихся между сторонами гражданского противостояния. Да,

потому что революционное движение пролетариата и полупролетариата, подчинявшее себе эти бунты, а иногда вынужденное их подавлять, могло при этом опираться на *общинную* традицию - действительную основу всех крестьянских войн. Тем самым пролетарская революция обрела "тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню".⁷

Марксистам того времени, не исключая большевиков, крестьянская революция представлялась *буржуазно-демократической*, постепенно перерастающей в пролетарско-социалистическую. Объективно же задачи *аграрной* революции, призванной дать крестьянам землю, *сливались воедино* с задачами революции *антиимпериалистической*, призванной вывести страну из теснин зависимого развития, и революции *антикапиталистической*, освобождавшей пролетариев, всех трудящихся и эксплуатируемых от ига капитала.

3. Советская власть и общинные традиции

Еще в ходе революции 1905-1907 гг. самодержавие было вынуждено создать какой ни на есть представительный орган - Думу. Была введена система модернизированного сословного представительства по куриям - дворянской, городской, крестьянской и рабочей. Больше всего "весил" голос помещика, меньше всего - голос рабочего. При этом рабочие посылали выборщиков от предприятий, т.е., как ни парадоксально, по *производственному* принципу. Таким образом опыт думских выборов подготовил рабочих к тому, чтобы избрать в 1917 г. свои Советы уже не в качестве стачкомов или даже органов местной власти, а в качестве *общенациональной системы власти*, построенной по *производственно-территориальному* принципу. Трудящиеся избирали депутатов на своих предприятиях, т.е. там, где их действительно знали, могли проверять их работу и при плохой работе отзываться. Вышестоящие Советы, построенные по территориальному принципу, избирались не прямым голосованием граждан, а съездами Советов нижестоящих, т.е. опять-таки людьми, знающими кандидатов не по предвыборным обещаниям, а по практической работе.

В деревне оба принципа - территориальный и производственный - совпадали. Первая советская Конституция (1918 г.) еще не устанавливала равных выборов, давая рабочим преимущество перед крестьянами, но никаких серьезных конфликтов на этой почве не было. Диктатура пролетариата *возглавлялась* передовыми фабрично-заводскими рабочими, но опиралась на *весь* многомиллионный пролетариат и полупролетариат, всех трудящихся, эксплуатируемых капиталом. Крестьяне, кроме кулаков, считали власть, давшую им землю, своей и были удовлетворены возможностью иметь во власти своих представителей. Полученную землю крестьяне делили "по едокам" и, действительно, впервые за столетия получили "свободу есть свой хлеб, свободу от голода"⁸. Теперь деревенской бедноте не приходилось залезать в кабалу, занимая зерно у кулака до нового урожая. Даже в период продразверстки⁹, изымая излишки продовольствия у кулаков, Советская власть только часть изъятого отправляла в город, другую же часть распределяла среди нее.

Правда, немного освоившись на полученной земле и убедившись, что белые больше не придут и не отберут ее, вчерашние бедняки почувствовали себя "хозяевами". Они захотели продавать излишки на "вольном рынке" и стали проявлять недовольство той же продразверсткой. Именно поэтому пришлось перейти к нэпу. Однако, из того, что новоявленные середняки почувствовали себя частными хозяйчиками, еще не следует, что они в самом деле стали мелкими буржуа. Этого не могло произойти уже потому, что товарность их хозяйства резко снизилась по сравнению с дореволюционной. Чтобы крестьянское хозяйство было товарным, требуется либо экономическое и внеэкономическое принуждение, которого теперь не было, либо резкий рост производительности труда. А для такого роста надо было, во-первых, индустриализовать страну, дать деревне трактора, другую технику, минеральные удобрения и т. д.; во-вторых, создать новые крупные хозяйства - на мелких наделах с техникой не развернуться. При этом индустриализация требовала больших средств, которые взять можно было только из деревни.

Именно вокруг путей разрешения этого противоречия развернулась политическая борьба 20-х - начала 30-х гг. "Левые" предлагали пойти путем налогового-ценовой эксплуатации деревни, оставляя ее единоличной. Это значило бы оттолкнуть от пролетарской власти всю деревню, самим отдать ее под влияние кулаков и уготовить стране ту самую Вандею, которой "левые" так боялись. По существу это

была линия не пролетарского, а *буржуазного* радикализма, ведущего дело к экспроприации крестьянства. “Правые” предлагали нечто вроде “рыночного социализма”, рассчитанного на длительное партнерство с кулачеством в деревне и нэпманами¹⁰ в городе. Этот путь тоже, хотя иным способом, отдавал деревню во власть кулаку и ставил государство в полную зависимость от него в части снабжения городов продовольствием. При этом он не создавал никаких серьезных источников накопления. В годы нэпа не строились новые предприятия, а лишь пускались в ход ранее остановленные. “Рынок” годился для оживления экономики, почти убитой двумя войнами, но не для рывка вперед.

В то же время он дал мощный импульс буржуазному перерождению аппарата власти. Быстро распространилась коррупция, без которой тогдашний, как и теперешний, российский частный капитал практически не мог существовать. В городе сохранялась и даже росла социальная база реакции: мелкобуржуазно-мещанская среда, включавшая не только торговцев и кустарей, но и мелких служащих, интеллигентов и даже так называемых рабочих, поступивших на производство с целью избежать мобилизации в армию, сделать карьеру и т. п. К этой среде примыкали еще более многочисленные маргинально-люмпенские слои. Город тех лет был гораздо более мелкобуржуазным, чем деревня, и именно отсюда Ленин ожидал главную опасность для пролетарской власти.

Единственным путем разрешения указанного противоречия, ведущим не к гибели революции, а к ее поступательному развитию, было создание крупного хозяйства не против трудящихся деревни, а при опоре на них, в форме, наследующей их социально-исторический опыт. Таким путем явилась коллективизация 1929-33 гг., представлявшая собой возрождение общинного строя на новой основе и в новой форме. Нет ничего нелепее утверждений правых и “левых” критиков, будто новый уклад был навязан сверху: в стране просто не было аппарата принуждения, не опирающегося на волю большинства. До конца 30-х гг. армия строилась по милиционной системе, а ее постоянные контингенты, стоявшие на границах, были малочисленны; органы госбезопасности состояли, как и новый госаппарат, в основном из недавних крестьян и рабочих. Безусловно, крестьянство уже сделало какие-то шаги по пути превращения в мелкую буржуазию, что затрудняло процесс коллективизации, но если бы она не соответствовала общинным традициям, памятным абсолютному большинству крестьян, то захлебнулась бы еще быстрее, чем столыпинская реформа. Один из наших профессиональных патриотов как-то заметил, что если бы все мужики просто сморкнулись в сторону Кремля, Советская власть была бы уничтожена. Замечание совершенно правильное, но из него не было сделано единственно правильного вывода: раз они так не поступили, значит, у них не было на то причин. Более того: издержки коллективизации и так называемые перегибы (репрессии в отношении кулаков и их приближенных, разрушение церквей и т. д.) свидетельствуют не об инициативе власти, которой все это было совершенно ни к чему, а о разгулявшейся стихии социальной мести бедняков всем тем, кого они считали угнетателями или предателями. То был последний акт “второго издания крестьянской войны”, власть же, если хотела удержаться, могла лишь в каких-то пределах направлять эту войну. Принудить массы к чему-либо она объективно не могла.

Не существовало в стране и аппарата массового промывания мозгов. В отличие от современной ситуации, в отличие даже от Германии 30-х годов, где широко распространялись “народные” радиоприемники, в СССР ни один “вождь” не имел возможности постоянно держать под контролем и формировать по своим потребностям общественное мнение. В таких условиях агитация и пропаганда могли быть успешны только в том случае, если опирались на какие-то очень значимые и очень устойчивые образования в общественном сознании, отражавшие существенные аспекты общественных отношений. Между прочим, в массовом восприятии В.И. Ленина и И.В. Сталина как “вождей” с неизбежностью проявилось именно возрождение общинного сознания. “Крестьянская война”, возглавленная пролетарским авангардом, была - подчеркнем еще раз - в основе не мелкобуржуазной, а полупролетарской-полуобщинной. Она соответствовала объективному и субъективному состоянию масс, поднятых революцией к новой жизни и историческому созиданию.

В то же время “крестьянская война” победила на качественно новой основе, продвинув общество не назад, а вперед. Не опираясь вначале на реальное обобществление производства, адекватное социализму (что и служит постоянным объектом нападок справа и слева), коллективизация создала необходимые условия такого обобществления не только в сельском хозяйстве, но и в стране в целом.

Устранение эксплуататорских элементов, концентрация сил и средств, раскрепощение вчерашних бедняков от нищеты, кулацкой кабалы и невежества - все это позволило стране, хотя и с немалыми потерями (неурожаи еще влекли за собой, как и до революции, голод в целых районах), снабдить города продовольствием, промышленность - сырьем, накопить средства для решающего этапа промышленного переворота. Рост промышленности позволил государству за несколько лет создать на селе систему машинно-тракторных станций. МТС и государственные хозяйства (совхозы) подвели под обобществление производства достаточно адекватную технологическую и организационную основу, а в перспективе могли стать плацдармами новых социальных отношений, близких тем, что складывались в социалистической промышленности. Производительность труда и доля накопления были повышены решающим для утверждения нового строя образом. Это было достигнуто не путем государственно-капиталистической или частнокапиталистической экспроприации крестьянства, а путем, диалектически соединявшим его общинное прошлое и социалистическое будущее.

4. Сила и слабость социалистического блока

За первые двадцать лет социалистического строительства в СССР частная собственность и связанные с ней классы и социальные группы практически прекратили существование. Абсолютное преобладание получила государственная собственность. Сложился блок социальных сил, осуществивший индустриализацию, коллективизацию, культурную революцию и выигравший Вторую мировую войну. Во главе его встала группа "социалистических управленцев", состоявшая из людей, руководивших народным хозяйством и осуществлявших политическую власть. В предвоенные годы ее политика была последовательно антиимпериалистической и направлялась на перспективное развитие страны. Она сумела обеспечить не просто повышение уровня жизни трудящихся масс по сравнению с дореволюционным, но улучшение ее качества: охрану здоровья, увеличение продолжительности жизни, доступ к образованию и культурным ценностям. Все это обеспечило руководству поддержку социальных групп, входивших в социалистический блок.

В сознании масс это отражалось как торжество социальной справедливости, преддверие коммунизма. Но на самом деле так могло быть лишь в том случае, если бы одновременно все больше развивался контроль ассоциированных трудящихся над государством и отмирание "государства в собственном смысле". Однако, объективных возможностей такого контроля не было. Во-первых, по мере разворачивания индустриализации в ряды городских рабочих вливались миллионы вчерашних крестьян; в их массе постепенно растворялось ядро кадрового пролетариата, место пролетарской психологии занимала общинно-крестьянская. Во-вторых, недостаточный образовательный уровень трудящихся, недостаток общественного свободного времени делали такой контроль проблематичным. В-третьих, международные условия требовали подчинять сегодняшние интересы долгосрочным приоритетам обороны и развития, а ясно понимать эти приоритеты большинство граждан не может.

И, наконец, в-четвертых - по счету, но не по важности, - сами трудящиеся в своей массе связывали свое социальное освобождение не столько со свободным временем и вне рабочей сферой жизнедеятельности (как ожидали классики марксизма), сколько с изменением человеческих отношений непосредственно на рабочем месте. В условиях еще не завершившегося промышленного переворота и еще не разрушенной крестьянской общины русский рабочий не был еще вполне отчужден от трудового процесса и воспринимал труд на заводе, фабрике по аналогии с трудом на земле - как необходимое условие человеческого существования вообще и собственного существования в частности. В процессе промышленного переворота благодаря разворачиванию сфер образования, здравоохранения, науки, культуры создавалось большое количество рабочих мест, на которых оказывались востребованы не только частные умения и навыки человека, но и его творческие способности и лучшие личные качества. В том же направлении вело развернувшееся в стране стахановское движение¹¹ - движение изобретателей и рационализаторов производства. Низовая общественная активность, центром которой были производственные партийные и профсоюзные ячейки, тоже позволяла рабочему человеку, независимо от характера труда, чувствовать себя не просто исполнителем, тем более - не придатком машины, а участником гораздо более разносторонней деятельности, подобной жизненной деятельности крестьянина-общинника. По всему этому крепло не

столько стремление увеличить общественное свободное время за счет рабочего времени, сколько превратить труд чуть ли не в свободную жизнедеятельность, удовлетворяющую основные интеллектуальные и личностные потребности человека.

Индустриализация города и коллективизация деревни были невозможны друг без друга. И в их процессе изменялось классовое и социальное положение большинства населения. Социальная структура империи исчезла, социальная структура Советской страны еще не сложилась. Неопределенность, неструктурированность социальных отношений, рыхлость и текучесть социальных групп порождали неопределенность социальных интересов. Все это вместе взятое делало весьма проблематичным складывание социалистической демократии. Демократия предполагает развитые общественные противоречия, которые делают ее необходимой, а также более или менее отчетливое их осознание если не всеми гражданами, то хотя бы авангардом классов и социальных групп, которое делает ее возможной. Зрелые формы пролетарски-социалистической государственности предполагают четко выраженную систему коллективных интересов, способность если не всех трудящихся, то их передовых отрядов организованно и сознательно отстаивать свои интересы, одновременно "защищать свое государство и защищаться от своего государства" (Ленин). Ничего этого в СССР не было.

Единственным исключением вначале были кадровые рабочие крупной промышленности. Первые 15 лет после Октября именно их организации - партийные, профсоюзные, советские, - построенные по производственно-территориальному принципу, составляли основу революционной пролетарской демократии. Однако, следует иметь в виду, что демократия периода "бури и натиска" революции всегда сильно отличается от демократии периода стабилизации ее завоеваний. Первая вовсе не обязательно перерастает во вторую. В СССР условия для такого перерастания были неблагоприятны. Кадровое ядро пролетариата понесло большие потери в мировой и гражданской войнах. Лучшие его люди десятками тысяч вливались в новый аппарат власти, переставая быть рабочими. Этот новый аппарат постоянно разъедал мелкобуржуазно-мещанская среда нэповского города, окружавшая рабочих-партийцев со всех сторон. Защитные меры - от создания Рабоче-крестьянской инспекции до ограничения индивидуальных доходов членов партии (партмаксимум) - оказывались в такой ситуации паллиативами. Видимо, длительное пребывание в положении *господствующего* (хоть и вынужденно) класса вообще противопоказано пролетариату (в отличие от эксплуататорских классов) и всегда чревато перерождением его власти.

Тенденция к этому наметилась уже в 20-е гг. и проявилась, с одной стороны, в деятельности "левой" и "правой" оппозиций, с другой - в свертывании внутрипартийной демократии, отмене партмаксимума. Процесс размывания пролетарской власти продолжался и в годы развернутой индустриализации. Верхушка аппарата определенно проявляла тенденцию к увековечению своего положения и обособлению от своего класса. Конституция 1936 г., главным автором которой был Н.И. Бухарин, отменила производственно-территориальный принцип построения Советов. Непрямые выборы были заменены прямыми - на первый взгляд более демократическими; на самом же деле малореальными стали осознанный выбор избирателя и отзыв плохо работающего депутата. Советы были максимально приближены к буржуазно-парламентской модели. Из Конституции было изъято упоминание о диктатуре пролетариата. Резко увеличилось число союзных республик, имевших право на выход из СССР. По существу, в Конституцию были заложены почти все юридические предпосылки будущей контрреволюции - но отнюдь не той, которую усматривают в 30-х гг. "левые" критики, а той, "демократической", что совершилась лишь полвека спустя.

Если бы страна в самом деле была столь мелкобуржуазной, как полагали тогдашние и полагают теперешние "левые", контрреволюционный переворот произошел бы куда быстрее. Однако, большая часть страны имела иной социальный облик и находилась в первой половине 30-х гг. еще на *восходящем* этапе революции. Коллективизация и индустриализация обусловили выдвижение на руководящую работу кадров новой формации. Они не были ни пролетарскими бойцами, ни бюрократизирующимися чиновниками. Их представления о социальной справедливости, обязанностях власти перед народом и народа перед властью отражали установки полупролетариев-полуобщинников, только что переживших "второе издание крестьянской войны". В сознании этого поколения кадров идеал самоотверженного служения Родине, народу и партии, уверенность в полной и необратимой победе социализма, острое неприятие любого перерождения и ненависть к

изменникам уживались со стихийной сакрализацией верховной власти, уходившей корнями в самые архаичные пласты народной культуры. Такая ситуация обрекала на социально-политическую и культурно-психологическую изоляцию как потенциальных участников “демократической” контрреволюции, так и потенциальных созидателей демократии социалистической. Создавались оптимальные условия для победы центристских сил, причем таких, которые группировались именно вокруг верховной власти.

5. К вопросу о “сталинизме”

Лидером этой тенденции стал И.В. Сталин. Он не был ни новым Бонапартом, вершителем бюрократической контрреволюции, каким изображают его “левые” критики; ни глубоко законспирировавшимся национал-патриотом и чуть ли не православным монархистом, образ коего рисуют нам газета “Завтра” и некоторые деятели КПРФ; ни подобным Ленину гением и героем борьбы с врагами социалистического Отечества, каким до сих пор считают его многие наши левые (без кавычек). Сталин никогда не выступал один против всех, как не раз выступал Ленин, когда был уверен в своей правоте. Все, что нам известно о линии Сталина на различных этапах политической биографии, свидетельствует о прагматизме и эмпиризме, предпочтении “синицы в руках” “журавлю в небе”. Эпоха “бури и натиска”, когда массы учились на собственном опыте, выработала в нем незаурядное умение улавливать господствующие настроения и в чем-то настраиваться на их волну, а в чем-то подчиняться им и менять курс лишь вместе с большинством. Но в новых условиях такой образ действий, будучи для лидера прагматически выигрышным, для партии и страны был чреват упущенными возможностями и неоправданными потерями.

Имея многолетний опыт революционной работы в нефтяном Баку - прообразе позднейших анклавов транснационального капитала, - Сталин, конечно, раньше и яснее многих ощутил масштабы империалистической угрозы. Отсюда следовал верный в принципе вывод о жизненной необходимости форсированной индустриализации СССР. Но осознание этой необходимости носило эмпирический характер, базировалось на представлениях о полуфеодальной отсталости России. Отсюда и установка на то, что Советская страна должна, говоря словами Сталина, пробежать в 10-15 лет путь, пройденный передовыми капиталистическими странами за 100-200 лет, т.е. догнать и перегнать их на том же самом пути. На самом деле “догнать”, строго говоря, невозможно, а “перегнать” можно только если найти принципиально иные пути. В экономике эта ошибка сказалась не сразу: многие из традиционных форм индустриализации первоначально соответствовали масштабам и возможностям советской экономики. Но в сфере социально-политической эмпиризм уже тогда оказался губительным. Дискуссии о возможности построения социализма “в одной отдельно взятой стране” вряд ли приняли бы столь непримиримый характер, если бы хоть одна из сторон смогла дать себе отчет в том, что “отдельная страна” - это целый субконтинент, сопоставимый со *всею* Западной и Центральной Европой; что Россия и “Запад” исторически взаимосвязаны и различаются не столько уровнем, сколько *типом* развития капитализма; что социализму предстоит еще долго решать главным образом антиимпериалистические задачи и вопрос о зрелости его предпосылок должен ставиться и решаться с учетом этого. С другой стороны, если бы руководство СССР не поддавалось “головокружению от успехов” и вовремя заметило тенденцию перерождения кадров, дело могло бы не дойти до политического кризиса с трагическими последствиями.

Репрессии 1935-1938 гг., которые до сих пор определяют отношение многих людей не только к Сталину, но и к советской истории, окружены множеством легенд. Информации о действительных событиях до сих пор недостаточно. Более или менее ясны лишь следующие моменты.

Во-первых, репрессии значительного масштаба всегда свидетельствуют о серьезности борьбы - “объяснения”, сводящие все к патологической подозрительности тирана, можно отбросить сразу. Во-вторых, репрессии не коснулись масс рабочих и крестьян, мало затронули рядовую интеллигенцию; им подверглись главным образом руководящие кадры. Значит, происшедшие события не были

контрреволюционным переворотом, который в стране, недавно совершившей революцию, необходимо требует насилия именно над трудящимися массами. В-третьих, пик репрессий пришелся на период от принятия Конституции (декабрь 1936 г.) до первых выборов в Верховный Совет год спустя. Это наводит на мысль о том, что был нанесен упреждающий удар по силам, которые могли бы воспользоваться Конституцией и выборами. В-четвертых, события не были фронтальным столкновением правых и левых, революции и контрреволюции, и не вполне контролировались верховной властью, пусть даже развязавшей их (что не представляется нам бесспорно доказанным). В них действовали силы, небезуспешно пытавшиеся повернуть острие репрессий против людей, которыми та же центральная власть очень и очень дорожила, - силы, очевидно, враждебные партии и Советской власти. Об этом свидетельствует неоднократная смена руководства органов безопасности, пересмотр многих дел, в том числе таких выдающихся людей, как К. К. Рокоссовский и С. П. Королев, пользовавшихся особым доверием Сталина. Разумеется, любые репрессии не обходятся без "инициативы снизу", диктуемой карьеризмом, сведением личных счетов и тому подобными мотивами. Из числа партийных руководителей активностью такого рода особенно отличался будущий разоблачитель "сталинских репрессий" - Н.С. Хрущев. На низовом уровне охотнее всех доносили служащие и интеллигенты, впитавшие худшие черты мещанской среды. Неудивительно, что в водоворот репрессий попадали многие люди, не имевшие отношения к политическим конфликтам, лежавшим в их основе.

В итоге потрясений 30-х гг. в СССР возобладала особая социально-политическая культура, порожденная "вторым изданием крестьянской войны". Тенденции справа и слева от нее оказались подавлены. Была пресечена (а отнюдь не восторжествовала, как представляется "левым" критикам) консолидация бюрократии как отчужденной от общества группы; угроза раннему социализму, которую она несла, была надолго отодвинута. Но это было достигнуто слишком дорогой ценой: практически перестал существовать и социальный авангард пролетарской диктатуры, который позволял бы ей постепенно создавать предпосылки социалистической демократии. Погибли многие из тех, кто мог бы в будущем возглавить подлинно авангардную партию, способную решать задачи завтрашнего дня. В этом свете особенно трагична гибель почти всего руководства комсомола и КИМа¹².

Место социального авангарда занял авангард политический. Показательно, что Конституция 1936 г. осталась в силе, но ведущую роль в повседневном управлении страной стали играть не Советы, а партия. Она, в отличие от Советов, сохранила производственно-территориальный принцип построения и взяла на себя целый ряд властных функций, обычно выполняемых государством, в первую очередь - функцию контроля. Такое положение на первых порах обеспечило жесткую централизацию управления. Партия сохраняла авангардный характер, пока была способна верно выбирать и обеспечивать приоритеты развития страны. Но эта способность больше не имела под собой прочной социально-классовой опоры и начинала непомерно зависеть от субъективного фактора.

6. Социалистический патернализм

Вместо социалистической демократии в стране сложилась структура управления обществом, в которой высокие уровни традиционно признавались делом "начальников" - уполномоченных на то людей. При этом массовое сознание - опять-таки в духе протоклассовых представлений - воспринимало как естественную норму, с одной стороны, так называемые привилегии, которые оно не отделяло от общественных функций начальников, а с другой - суровую ответственность этих людей перед высшей властью, вплоть до реальной возможности поплатиться за просчеты головой. Целостность этой структуре придавала Коммунистическая партия, впоследствии точно названная "ядром политической системы". Можно сказать, что "государство в собственном смысле" не существовало и в то же время существовало. Оно не существовало потому, что - и до тех пор, пока - во главе партии стоял действительный авангард, направлявший деятельность государства в общих интересах трудового народа, а не в эгоистических интересах управленцев, но существовало в том смысле, что управленцы составляли особую, объективно привилегированную социальную группу. Она была связана с остальным обществом отношениями не пролетарского коллективизма, а *социалистического патернализма*.

Критики раннего социализма яростно атакуют это явление справа и слева, не будучи в состоянии понять его истоки и содержание. Они отождествляют патернализм с бюрократизмом, социалистических управленцев - с бюрократией. На самом же деле эти явления не только не тождественны, но противоположны. Понятия "бюрократия" и "бюрократизм" выражают отчуждение государственной машины от общества в целом и от трудящихся в особенности. Понятие же "социалистический патернализм" выражает, на наш взгляд, неполное выделение государства из общества, исторически параллельное существовавшему в эпоху перехода от доклассового общества к классовому, а отчасти в самом деле унаследованное от той эпохи через посредство крестьянской общины и связанных с ней пласты народной культуры. Государство выступает здесь не только и не столько как аппарат принудительной власти, сколько как средоточие всех организаторских функций общества, с одной стороны, и как система взаимных обязательств (хотя и не фиксируемых большей частью юридически, о остающихся на уровне традиции) социальных "верхов" и "низов" - с другой.

Это не значит, что такая система власти исключает свое бюрократическое перерождение. Напротив, такая опасность всегда существует, и если она начнет осуществляться, то внутри системы не окажется никаких возможностей противодействия. Именно это и произошло с последним поколением советских управленцев, особенно с комсомольскими функционерами.

Однако, до последнего десятилетия существования СССР процесс перерождения шел относительно медленно и скрыто. В отношениях между государством и трудовым народом преобладал не антагонизм, а взаимопроникновение этих (все же) диалектических противоположностей. Действовал механизм выдвижения на руководящие посты производственников - вчерашних инженеров и позавчерашних рабочих, проявивших себя на партийной или профсоюзной работе. Каждый трудящийся, считавший свои права ущемленными, всегда мог обратиться с жалобой в партийную организацию - от цеховой вплоть до ЦК КПСС, послать письмо в газету, и, если были объективные основания, сверху обычно вмешивались и зарвавшихся администраторов ставили на место. Все это не позволяло раннесоциалистической системе власти в полной мере превратиться в государственность в собственном смысле слова. При всех, во многом справедливых, претензиях трудящихся к государству оно воспринималось ими как свое, родное, органически с ними связанное, которое не даст в обиду, если не нарушать установленных правил поведения. В этом заключается секрет того, почему сравнительно небольшой отход социалистических управленцев от такого поведения осуждался гораздо активнее, чем сейчас осуждаются в самом деле возмутительные действия новой бюрократии: с ней трудящиеся себя не отождествляют, а относиться к власти по-другому еще не научились.*

Трудно сказать, как долго просуществовал бы социалистический патернализм и чем сменился бы, если бы не Вторая Мировая война, вскоре ставшая для нашей страны Великой Отечественной. В ней совпали и слились две тенденции: государство вело против фашистских агрессоров *антиимпериалистическую* войну, для большинства же народа - крестьян, рабочих первого поколения и новой интеллигенции - это была именно *отечественная* война, по меньшей мере третья в истории России.

Война необычайно усилила в СССР "связь времен" между общинно-протоклассовыми традициями и ранним социализмом. Эта связь проявлялась буквально во всем - от пробудившегося интереса к прежним войнам в защиту Отечества до типично протоклассовой практики массового переселения целых народов по военно-политическим мотивам (*переселение* на другие земли - это все же не интернирование в лагерях, которому подвергли, например, японцев в США, и уж подавно не истребление целых народов, к которому прибегали не только фашисты и их предшественники младотурки, но и "демократические" державы в своих колониях).

Война и послевоенное восстановление больше, чем когда-либо, требовали жесткой централизации управления. Система власти, возникшая в 30-е гг., показала в этих условиях высокую эффективность. Накануне войны была создана массовая армия, построенная на принципе всеобщей воинской обязанности. В ходе войны сложилась система трудовых резервов, ставшая в дальнейшем основой единой государственной системы подготовки рабочих кадров. Государство укреплялось, но не путем отрыва от народа. Наоборот, дистанция между управленцами и народом сократилась до минимума. На пути отчуждения власти от народа встали мощные преграды социального и психологического характера. Война сильнее всех репрессий обновила аппарат управления и при этом

предъявила очень высокие требования к профессиональным и человеческим качествам управленцев. Люди, вместе ходившие в бой, и бойцы трудового фронта, вынесшие не меньшие испытания, были связаны не только служебной субординацией, но и чувством боевого братства. Отечественная война отодвинула на задний план прежние противоречия и обиды, воспитала целые поколения в сознании монолитного единства всего народа, кроме предателей Родины. Такое единство, когда-то присущее протоклассовому обществу, не успело исчезнуть из культурной памяти и возродилось теперь на новой основе.

7. “Оттепель” и ее последствия

После окончания войны СССР оказался перед лицом качественно новых задач. Он становился уже не единственной социалистической страной в капиталистическом окружении, а основной силой мировой системы социализма. Но он больше не мог использовать межимпериалистические противоречия в такой мере, как между мировыми войнами и тем более в их ходе. Теперь молодому социализму, и прежде всего СССР, противостоял единый капиталистический мир во главе с США, открыто заявившими о притязаниях на мировое господство и ликвидацию классового и геополитического соперника. В распоряжении мирового империализма были наиболее развитые производительные силы и ресурсы большей части мира. “Догнать и перегнать” такого противника прежними методами было невозможно.

Страна была истощена войной, в ходе которой потеряла миллионы наиболее трудоспособных граждан - молодых и среднего возраста мужчин. Было утрачено около 30 процентов национального богатства: полностью или частично разрушено 1710 городов и поселков городского типа, сожжено свыше 70 000 сел и деревень, лишены крова около 25 000 000 людей. Полностью или частично было уничтожено почти 32 000 промышленных предприятий, имущество 98 000 колхозов, 1876 совхозов, 2890 МТС. И, хотя объем промышленного производства был восстановлен за несколько послевоенных лет, в сельском хозяйстве такое было невозможно. Деревня не могла больше служить источником накопления, а, напротив, сама нуждалась в крупных вложениях. О благосостоянии же граждан вообще не приходилось говорить.

Сразу после войны “горячей”, без всякой передышки, нам была навязана “холодная” война. Она означала откровенное, прямо-таки вызывающее разворачивание курса на глобализацию империалистической экономики и идеологии под эгидой США с целью “выдавливания” социализма как опасного конкурента и классового врага. Значительную часть сил и средств СССР пришлось направить на срочное создание ядерных и ракетных вооружений.

Сложившаяся ситуация объективно ставила перед страной две группы задач. Во-первых, надо было во что бы то ни стало дать народу передышку, улучшить повседневную жизнь большинства. Во-вторых, надо было при этом обеспечить приоритетное развитие науки и техники, что диктовалось прежде всего нуждами обороны, но было необходимо и для перспективного развития страны в целом. Между этими двумя приоритетами при крайней ограниченности материальных и людских ресурсов возникало объективное противоречие, повторявшее на новом уровне дилемму 20-х годов. Соединить противоположности было очень непросто.

Выражением необходимости и сложности выбора дальнейшего курса стали противоречия в высшем руководстве. Его старшее поколение, несшее на себе груз трагедии 30-х гг., вошло во вкус власти и тяготилось суровой ответственностью. Попытки Сталина вновь, как 10-15 лет назад, опереться на молодые кадры, воспитанные войной, встретили скрытое, но жесткое сопротивление. Были спровоцированы новые раунды репрессий, менее масштабных, чем раньше, но не менее трагичных по последствиям. Их острие умело направляли против первых ростков нового политического авангарда, против передовых направлений научно-технической мысли. Показательно, что печально известные кампании против генетики и кибернетики имели не столько идеологические, сколько популистские мотивы: скажем, академик Лысенко обещал дать недоедавшей стране горы продуктов в кратчайший срок, и руководство, видимо, поддавалось соблазну, заставив замолчать трезвых ученых.

Эмпиризм снова и снова мешал своевременно уловить долгосрочные тенденции развития. В последней крупномасштабной работе Сталина - “Экономические проблемы социализма в СССР” -

воспроизводились прежние представления о межимпериалистическом антагонизме и даже грядущих войнах между империалистическими державами. Не было найдено адекватного ответа на идейный вызов “демократического” империализма. Власть ощущала опасность его воздействия на интеллигенцию, веками воспитанную в либерально-западническом духе - с комплексом неполноценности за “полуфеодалную отсталость” своей страны. Но причины этого зла, названного в те годы “космополитизмом”, глубоко осознаны не были; либеральная по существу схема истории России осталась в неприкосновенности. Попытки апеллировать, как в годы войны, к русскому патриотизму либо модифицировали ту же западническую традицию (“наши предки - не варвары, они были не менее культурны, чем остальная Европа”), либо возрождали славянофильские представления о российской самобытности. Подлинно антиимпериалистической идейной традиции так и не было сформировано. Идейный вакуум заполнялся сакрализацией носителя высшей власти, тем более гипертрофированной, чем меньше реальных полномочий оставалось у объекта поклонения.*

Кульминацией внутривнутрипартийной борьбы стала так называемая “критика культа личности Сталина”, начатая докладом Н.С. Хрущева XX съезду КПСС (февраль 1956 г.). Эта демагогическая кампания не имела ничего общего с критикой в ее марксистско-ленинском понимании, предполагающем научный анализ исторической ситуации, соотношения классовых сил, взаимодействия внутренних и международных условий. Целые поколения “марксистов” попросту отвыкли ставить вопрос подобным образом. Вместо этого исторические события объяснялись злой волей или просчетами одного человека. Поскольку с именем И.В. Сталина советский народ и весь мир, обоснованно или нет, связывали исторические успехи социализма, в том числе победу над фашизмом, волюнтаристическая смена наивно-восторженных оценок на негативные не могла не вызвать теоретической путаницы и морального смятения. Целые поколения оказались идейно и психологически дезориентированы. В партии и обществе возник раскол.

Прежний организационный и социально-психологический механизм, предполагавший суровую ответственность кадров, позволял руководству партии и государства выполнять функции авангарда: во-первых, неуклонно проводить свои решения в жизнь, преодолевая “вязкость” средних и низших уровней управления; во-вторых, улавливать потребности и мнение масс и реагировать на них, не становясь их рабом, пропуская наверх влияния своей социальной базы не как попало, а выборочно, в “отфильтрованном” виде; в-третьих, формировать свое мировоззрение и политику, осознавая общественное бытие страны и мира, а не приспособляясь к обывательским представлениям. В ходе “оттепели” этот механизм был дискредитирован и демонтирован, а новых форм социалистической демократии, способных его заменить, создано не было.

К этому надо добавить невысокий уровень образованности и культуры многих руководителей, начиная с Хрущева. Результатом стало неуклонное снижение способности высшего руководства верно определять стратегические приоритеты развития страны и проводить их в жизнь. Именно в это время началось, хотя и не набрало еще полную силу, бюрократическое перерождение аппарата управления. Все меньше отличаясь от остального общества по уровню своих теоретических и деловых качеств, управленческая верхушка все более обособлялась от него по своему образу жизни. Не последнюю роль сыграл тот момент, что у “начальников” выросли взрослые дети, поколение, которое воспринимало свое привилегированное положение как нечто само собой разумеющееся. Их дети пользовались привилегиями уже от рождения. Именно к этому времени относится появление “спецшкол” с расширенным преподаванием иностранных языков - нечто вроде пансионов для наследников высокого положения ради создания им предпочтительных стартовых возможностей.

В итоге группа социалистических управленцев, с одной стороны, стала консолидироваться как социальная группа со своими специфическими интересами, с другой - изменение характера отношений аппарата управления и масс побуждало искусственно создавать некий эрзац связи с народом.

Резко усилилась тенденция к популистской политике, формируемой по принципу: “Улучшить жизнь людей сегодня, сейчас, а дальше видно будет”. В числе первых решений правительства Хрущева было прекращение строительства объектов, перспективное значение которых ясно и неспециалисту: Большого Туркменского канала, железной дороги Лабытнанги-Надым¹³, туннеля между Сахалином и материком. Лихорадочно изыскивались любые возможности на чем-то сэкономить, даже если это завтра обернется многократно большими потерями. Кое-где были сделаны первые попытки решать

экономические проблемы за счет трудящихся, что привело к кровавым столкновениям (Новочеркасск 1962 г.). В поисках быстрого и легкого решения экономических проблем проводились реорганизации партийных, государственных и хозяйственных органов. Без учета мнения народа перекраивались границы союзных и автономных республик: Крым был передан Украине, левый берег Терека включен в состав Чечено-Ингушетии.

Размашистые эксперименты в масштабе огромной страны, без учета местных условий, имели самые печальные последствия в сельском хозяйстве. Может быть, где-то колхозы и совхозы уже не нуждались в МТС и могли лучше распорядиться техникой, но в других местах были к этому не готовы. Ликвидация МТС привела к большим потерям техники и снижению уровня обобществления производства, который был и без того недостаточен. Хрущев и его группа пытались повысить этот уровень административными мерами, рассчитывая почти без затрат получить экономическое чудо. Так, многие колхозы искусственно преобразовывались в совхозы. Началось наступление на крестьянские приусадебные хозяйства, как якобы отвлекающие тружеников села от общественно-полезного труда и мешающие “сближению форм собственности”. Проверенные системы земледелия и животноводства принудительно заменяли новыми, не учитывая хозяйственных традиций и даже природных условий (борьба с травопольной системой¹⁴, внедрение кукурузы по всей стране).

Чуда, конечно, не произошло. Наоборот, СССР впервые пришлось закупать зерно в США. Новое обобществление оставалось чисто формальным, не оправдывало себя экономически, подрывало общинные традиции деревни, основанные на слитности привычного уклада хозяйства с природной средой. Элементы отчуждения не преодолевались, а нарастали. Усиливалась миграция из деревни.

В силу тех же причин и с такими же результатами в городе административным путем велось огосударствление мелкого производства и сферы обслуживания, ликвидировались кустарные промыслы и потребительская кооперация. Зато форсировалось развитие экологически грязных и трудоемких отраслей промышленности, для которых привлекали рабочую силу из деревни.

Несмотря на все это, экономика СССР в те годы развивалась довольно динамично. Возможности ее экстенсивного развития еще не были исчерпаны. Именно в 50-е - начале 60-х гг. по-настоящему началось освоение целинных земель, сырьевых и энергетических ресурсов Сибири и Казахстана. Страна смогла наконец заняться улучшением материальных условий жизни десятков миллионов людей. Была создана строительная индустрия и развернуто массовое жилищное строительство, большинство семей горожан впервые получили отдельные квартиры. Бурно развивался научно-технический комплекс, заявивший о себе всему миру с космических орбит.

Успехи вскружили головы многим руководителям. Они приписывали все достигнутое только себе, повторяя путь многих “великих” правителей, на самом деле пожинавших плоды действительно великих свершений предшественников. На волне “критики культа личности” от имени КПСС были выдвинуты “новаторские” положения, претендовавшие на развитие марксистско-ленинской теории. Было заявлено о полной и окончательной победе социализма в СССР и провозглашен лозунг построения коммунизма при жизни одного поколения. Это не соответствовало ни реальному положению в стране, заложившей лишь основы социализма, ни мировой ситуации: социализм отнюдь еще не стал определяющей силой “всей мировой политики”, что В.И. Ленин считал необходимым условием окончательной победы и невозможности контрреволюции. Основоположники же марксизма мыслили действительный переход к коммунизму как универсальный процесс; уже в середине XIX в. они отчетливо сознавали, что “всякое расширение общения упразднило бы местный коммунизм”¹⁵. Представление, будто СССР может стать коммунистическим в то время, когда большая часть мира останется капиталистической, совершенно игнорировало объективную взаимосвязь мирового развития. С таких позиций не могла быть поставлена одна из основных задач революции - задача *полного и окончательного преодоления зависимой включенности* социалистических стран в мировую капиталистическую систему. Нерешенность этой задачи свидетельствовала о незавершенности революционного процесса, новая же идеологическая схема отодвигала революцию в далекое прошлое, а “соревнование двух систем” представляла так, что СССР надо по всем статьям догнать и перегнать США.

Совершенно безграмотным в теоретическом отношении был тезис о превращении Советского государства в общенародное. В нем возродилось положение Готской программы о “свободном

народном государстве”, отвергнутое К. Марксом и Ф. Энгельсом. Основатели марксизма, а затем и В.И. Ленин, всегда подчеркивали, что диктатура пролетариата, не будучи “государством в собственном смысле”, до полного отмирания сохраняет классовый характер. Программное отрицание этого принципиального марксистского положения лишало внутреннюю и внешнюю политику СССР классовых ориентиров. В то же время тезис об общенародном государстве, которому будто бы предстоит непосредственно перерасти в коммунистическое общественное самоуправление, принципиально снимал вопрос о развитии зрелых форм социалистической демократии.

Все эти положения были включены в III Программу КПСС, принятую XXII съездом (1961 г.) и были оставлены в силе после бесславного завершения карьеры Хрущева так как, судя по всему, соответствовали общему теоретическому и политическому уровню нового поколения партийного руководства. Не зная и не понимая марксистской теории, но будучи вынужденными в соответствии с традицией именоваться марксистами-ленинцами, большинство руководителей КПСС могло использовать марксизм только в качестве парадной фразы. Всякие попытки развить те или иные положения марксизма или хотя бы предложить их новую интерпретацию оказались под запретом; о некоторых мыслях классиков вообще не принято стало упоминать. Целые направления мировой культуры отвергались или, в лучшем случае, не поощрялись как опасные для социализма, хотя на самом деле решительно никакой опасности не представляли, и будь наши руководители людьми не столь ограниченными, они прекрасно поняли бы это. Под именем марксизма-ленинизма фактически стала пропагандироваться идеология зависимости, родственная той, что экспортируется Западом в страны "третьего мира", - идеология догоняющего развития, выраженная в лозунге “Догнать и перегнать Америку”. Догонять предполагалось в первую очередь по уровню потребления. С самых высоких трибун Никита Сергеевич разъяснял, что коммунизм - это когда много сала. У значительной части граждан, в первую очередь интеллигенции и студенчества, все это вызывало неприятие, вело к отторжению марксизма и попыткам поиска “высоких идей” где-то в других местах.

В эти годы идейно формировалось поколение так называемых “шестидесятников”, появившееся на свет в 1930-1943 гг., которое можно назвать поколением разрушенной веры и обманутых надежд. Ему выпала сомнительная историческая миссия - стать человеческим материалом контрреволюции. В 1953-1956 гг. “шестидесятники” были подростками и юношами, росшими в атмосфере “культы личности” и воспринимавшими его как нечто само собой разумеющееся. Наше поколение узнало об “ошибках Сталина” в детстве и из “разоблачения” их вынесло полезный урок: ошибаться могут все и слепо верить никому нельзя, надо думать своей головой. Они же из хрущевской “критики” сделали такой вывод: раз Сталин был то ли великим путаником, то ли великим обманщиком, значит, вся наша предшествующая жизнь строилась на лжи. И этого еще мало. Если в позитивном варианте “культы” Сталин представал вождем народа, выразителем его воли и руководителем его силы, то хрущевский культ наизнанку придал личности Иосифа Виссарионовича черты какого-то Аримана, бога зла, способного в одиночку толкнуть многомиллионную и многонациональную общность людей на неверную дорогу. Какое же представление о роли “героев” и “толпы” в истории должно было сложиться у молодых? Подсознательно они заранее признали себя инертным материалом в руках неких сил, и, при всей их, вроде бы, общественной активности, именно от людей этого поколения чаще всего можно услышать: “От нас ничего не зависит”. Это идеальный психологический тип для всяческого манипулирования. Большинство “шестидесятников” до последнего времени не осознали всего этого и продолжают пребывать в уверенности, что они выполняли миссию благородную, прогрессивную, которая почему-то не получилась. Вероятнее всего, потому, что народ у нас то ли недостаточно подготовленный, то ли в принципе ни к чему прогрессивному не пригодный. Однако, в сознании некоторых из них зарождается смутная догадка. “Мне кажется, нами манипулировали всю жизнь”, - сказала одна дама, еще недавно весьма “демократически” настроенная, и если мы ее правильно поняли, то для такого признания ей понадобилось немало честности и мужества.

Многие из “шестидесятников” выросли в семьях, так или иначе пострадавших от драматических потрясений первой половины XX века: гражданской войны, коллективизации, политических репрессий, депортации некоторых народов в 30-е - 40-е годы. В отличие от старших поколений, они сами одних событий не застали, а другие пережили в раннем детстве и ясного представления о них не имели. Политика государства, сформулированная тем же Сталиным: “Сын за отца не отвечает” - позволила

многим из них получить высшее образование. После XX съезда власть даже создавала им благоприятные условия, стараясь искупить действительную или воображаемую вину перед ними. Большинство этих людей честно трудились, успешно продвигались по службе, но очень многие из них несли глубоко в душе обиду или внутренний надлом, тем более, что не получали внятного объяснения драматических эпизодов в жизни страны и в судьбе их родных. Эта категория людей вносила немалый вклад в формирование среды “шестидесятников”. Были среди них и такие, кто, черпая большой ложкой все блага Советской власти, был психологически готов при первой возможности свести с ней счеты. Назовем хотя бы М. Горбачева и Б. Ельцина - близких родственников раскулаченных.

Все же первым побуждением “шестидесятников”, надо отдать им справедливость, был некий ленинский фундаментализм, стремление вернуться к незамутненным революционным истокам. Но именно это оказалось под негласным запретом. При всем этом лучшие из “шестидесятников” ухитрились сохранить не только до зрелых лет, но и до седых волос подростковый максимализм и инфантильное чувство справедливости. Любой намек на какие-то издержки, возникшие в ходе революции и послереволюционного строительства, вызывал у них благородное негодование, им хотелось, чтобы белое было стерильно белым, а черное - абсолютно черным. И, когда оказалось, что в жизни дело обстояло несколько сложнее, чем на первомайских плакатах, они развернулись на 180 градусов. Кто-то обернулся лицом на Запад и сделался “диссидентом”, кто-то заболел ностальгией по дореволюционной “России, которую мы потеряли”. И те, и другие получали от своей оппозиционности чувство превосходства над толпой, серой массой, неспособной подняться над своим убожеством и критически отнестись к вдалбливаемым в их темные головы догмам. Убожества собственного, с позволения сказать, критического мышления они не осознавали. А состояло оно в том, что, глотая любую приманку в пестрой западной или ветхой дореволюционной обертке, они сосредоточивались на обертке, а не на ее содержимом. Одни ориентировались на Запад и шарахались от собственной истории, другие предавали анафеме западные влияния, к которым относили и марксизм, и молились на исконные российские лапти и духовные устои самодержавия, православия и народности.

В эти годы начали складываться два литературных направления: так называемые городское и деревенское. Первое отражало разочарование все более многочисленной части горожан, особенно молодежи, вызванное тем, что большинству их не удавалось осуществить надежды на самовыражение личности в творческом труде, а “оттепель” не стала началом развития демократии. Второе выражало болезненную реакцию на окончательное разложение общинного уклада деревни, открывавшее дорогу мещанским нравам, массовой культуре западного толка и порождавшее у людей безответственность перед прошлым и будущим. Но все это осознавалось неадекватно. “Городские” писатели все больше ориентировались на стереотипы западного либерализма, а писатели - “деревенщики” идеализировали дореволюционную, чуть ли не допетровскую Россию. Поэтому из первого течения вышли идеологи “демократов”, а из второго - “национал-патриотов”.

Не имея возможности влиять на принятие решений в политике и культуре, “шестидесятники” в большинстве своем заняли традиционную для российского либерального интеллигента позицию “кукиш в кармане”. Самым оригинальным образом это проявилось в появлении так называемых “придворных диссидентов”. Получая от власти все мыслимые и немыслимые привилегии и награды, будучи вхожими в кабинеты и гостиные сильных мира сего, эти люди не упускали случая так или иначе лягнуть власть. Такими были, например, наши знаменитые поэты А. Вознесенский и Е. Евтушенко, которые ныне обретаются где-то на цивилизованном Западе. “Диссиденты” менее высокого полета проявляли свою оппозиционность на собственной кухне за бутылкой русского патриотического напитка. Такого рода псевдооппозиция, не предлагая обществу никакой серьезной альтернативы, вносила немалый вклад в разложение культурной среды социалистического патернализма.

8. На пути к кризису

За окончанием хрущевской “оттепели” последовали 20 лет относительной политической стабильности. Двадцатилетие “застоя” было на деле временем глубокой, хотя и не во всем очевидной, ломки социальных отношений, обусловленной развитием общественного производства. За эти годы СССР примерно удвоил экономический потенциал. Значительно повысился уровень благосостояния

народа. Качество жизни советских людей было намного выше, чем выражаемый в долларах уровень потребления. Страна занимала передовые позиции в образовании, науке, здравоохранении и культуре; их достижения были гораздо более доступны людям труда, чем в самой богатой капиталистической стране. Личная безопасность и уверенность в завтрашнем дне, основные социальные гарантии, жизненно важные блага, получаемые бесплатно или за символическую плату, - все это стало привычным и не замечалось, как воздух, которым дышат. Однако, эти достижения покоились на зыбкой почве. Негативные тенденции, наметившиеся в предыдущий период, постепенно набирали силу.*

Уже к началу 60-х гг. прежняя стратегия развития страны утратила силу. Поставленные ею задачи отчасти были выполнены с завершением промышленного переворота, отчасти устарели, поскольку мир вступил в эпоху научно-технической революции и индустриальный тип производства, особенно в его экстенсивной разновидности, перестал быть передовым.

Прирост экономических показателей, хотя и значительный, не основывался на качественной трансформации производственной базы, сложившейся в период индустриализации. Развитие производства оставалось по преимуществу экстенсивным, не опиралось на достижения научно-технической революции и, в свою очередь, не обеспечивало ее приоритетов. Такое положение вступало во все более острое противоречие со сформировавшейся в обществе установкой на творческие профессии, на получение высшего образования даже в ущерб личному благосостоянию. Эта установка, будучи благоприятной для общества, в то же время налагала на него обязанность создавать количество "творческих" рабочих мест, достаточное для всех, кто стремится к такому труду. Однако, рабочих мест в науке и наукоемких производствах создавалось все меньше, так как научно-технический прогресс носил анклавный характер и был связан в основном с ВПК. Значительная часть трудящихся - около 40% в промышленности, 80% в сельском хозяйстве - все еще была занята малоквалифицированным физическим трудом.

Продолжалось массовое привлечение рабочей силы из деревни в город. Промышленный переворот, на протяжении жизни одного поколения превративший страну из преимущественно крестьянской в преимущественно урбанизированную, коренным образом изменил условия жизни десятков миллионов людей. Глубина этих изменений была одной из величайших в истории, а сроки - бесспорно кратчайшими. Чтобы в новых условиях достойно вписаться в новые жизненные обстоятельства, новым горожанам требовалась работа качественно более квалифицированная, чем оставленная в деревне. Выработка нового стиля жизни даже при таких условиях была бы для них делом длительным и непростым. В реальности же город оказался затопленным массой людей с низким уровнем образования и квалификации, кадровый рабочий класс был размыт. Стала складываться специфическая социальная группа "лимитчиков"¹⁶ - городских маргиналов, утративших традиционную деревенскую культуру и не воспринявших никакой городской, кроме мещанской. Но маргинализации подверглись не только мигранты из деревни, а фактически и значительная часть горожан - люди не только физического, но и умственного труда. Росло число дипломированных специалистов, но на предприятиях и в учреждениях они сплошь и рядом выполняли работу в лучшем случае техников, в худшем - клерков. Зарплата инженеров, научных работников, преподавателей и врачей была нередко ниже, чем зарплата рабочих средней квалификации.

Ожидания новых поколений, оказавшись завышенными, порождали разочарование и недоверие. Как всегда в случаях массовой неудовлетворенности, широкое распространение получило пьянство. Вместо принятия своевременных мер против этого социального зла руководство страны продолжало четырехвековую традицию пополнения бюджета посредством винной монополии. Участились немотивированные правонарушения, в первую очередь хулиганство. В борьбе с ними власть шарахалась от попыток обойтись прежними методами общественного воздействия до непомерно широкого применения лишения свободы. В результате заметная часть молодежи за не особенно тяжкие правонарушения попадала за решетку и подвергалась влиянию настоящих преступников. Губительные последствия имела практика призыва в Вооруженные Силы ранее судимых, которые приносили туда нравы криминальной среды. Армейская служба, бывшая прежде школой общинно-коллективистских традиций, стала превращаться в один из факторов их подрыва. Таким образом,

проявления маргинализации в разных сферах жизни общества приобретали собственную динамику и, в свою очередь, ускорили разрушение прежней социальной структуры.

Неспособность верно выбрать и на деле выдержать приоритеты развития руководство СССР пыталось компенсировать экспортом нефтяного и газового сырья в капиталистические страны и импортом оттуда продовольствия и потребительских товаров. Облегчая на время жизнь народа, оно тем самым постепенно возвращало страну на путь зависимого развития. Она все больше привыкала к наркотику нефтегазодолларов и иностранных кредитов, включалась в заведомо проигрышную гонку за стереотипами "общества потребления". Тенденция к сырьевой специализации выдвигала на первый план социальные группы, связанные отнюдь не с научно-техническим прогрессом, а с распределением (даже не производством) предметов потребления. "Дефицит" разного рода (ибо ни на какие нефтедоллары невозможно было закупить в изобилии западный ширпотреб) создавал почву для возникновения теневой экономики - сначала в сфере торговли, а потом и в сфере производства.

В том же направлении действовало фактическое ослабление плановых начал хозяйства, в частности, плановой дисциплины: так называемый долгострой, "корректировка" планов и т.п. Становилось ясно, что старые принципы и методы планирования, сложившиеся в период индустриализации, в новых условиях работают все хуже. Но вместо сверки перспективных ориентиров и разработки исходя из них новых методов планирования руководство СССР предпочло провести так называемую "косыгинскую реформу", заключающуюся в замене натуральных показателей стоимостными. В условиях единого экономического организма это не только не принесло желанных плодов, но открыло широкие возможности для всякого рода махинаций - завышения издержек производства, представления старых моделей как новых и т.п. Упор на материальное стимулирование повел к снижению роли моральных мотивов, хотя ясно, что всякий серьезный труд направляется в первую очередь именно ими (это, кстати, превосходно понимает руководство капиталистических фирм). Продолжение экстенсивного развития промышленности и особенно ориентация на экспорт сырья приводили к тяжелым экологическим последствиям.

Сплошь и рядом в порядке "соревнования" с центрами капиталистической системы, прежде всего США, заимствовались их образцы без должного учета природных условий нашей страны, ее культурных традиций и социального строя. Например, строились все новые тепловые и атомные электростанции, в то время как СССР располагал колоссальными запасами экологически чистой энергии - водной, ветровой, солнечной, приливной, геотермальной. Делалась ставка на массовую автомобилизацию западного типа, хотя гораздо рациональнее было бы приоритетное развитие общественного транспорта. Уповав на дорогостоящие автомобильные и воздушные перевозки, так и не собрались построить скоростные железнодорожные магистрали и завершить создание единой системы водных путей, хотя в крупнейшей стране мира это напрашивалось само собой и давным-давно предлагалось учеными. В сельском хозяйстве шла сплошная химизация, поставленная еще Хрущевым на одну доску с ленинской электрификацией. Разработанные отечественной наукой биологические методы поддержания плодородия почв и защиты растений востребовались все меньше - с точки зрения стоимостных показателей они были менее выгодны, а долгосрочные последствия, которые именно при плановом хозяйстве можно и нужно учитывать, в расчет не принимались.

В таких условиях даже необходимые мероприятия власти превращались в свою противоположность. Рост жизненного уровня связывался прежде всего с повышением заработной платы, которое съедалось дефицитом; никому не приходило в голову, что следовало бы при той же зарплате увеличить отпуска рабочих, составлявшие 15 рабочих дней. Всеобщее среднее образование приняло такой вид, что учитель фактически не имел права поставить ученику неудовлетворительную оценку, а вынужден был за уши тянуть его до конца десятилетки. Развитие высшего образования вылилось в создание университета в каждом областном центре, хотя такого количества специалистов с университетским образованием вовсе не требовалось.

*Правящая группа, помня сталинские времена, позаботилась о том, чтобы создать себе гарантии не только личной безопасности, но и необратимости должностного возвышения. Теперь всякий, кто попадал в номенклатурную "обойму", за любые просчеты и провинности в худшем случае мог быть перемещен на другую должность или отправлен на персональную пенсию. Станным образом в место почетной ссылки превратились должности послов, что говорит о действительном отношении

руководства к вопросам внешней политики. Партийно-политическая и тем более судебная ответственность высоких руководителей практически стали табу. Стоило кому-то заикнуться о ней, в номенклатурно-чиновничьей среде поднимался шум об угрозе повторения 1937 года. “Аппаратчики” безошибочно чувствовали свой корпоративный интерес, начавший выделять их в обособленную, уже не только в тенденции, но и в реальности привилегированную, социальную группу. Продвижение наверх в этой среде требовало теперь не столько политических и профессиональных способностей (не говоря уже о теоретических), сколько навыков приспособленчества и демагогии, которые стали пониматься под “политическими и деловыми качествами”.

Такая же “номенклатура”, только неофициальная и потому еще худшая, сложилась и в науке, культуре, искусстве; она состояла из людей, сильных не дарованием, а пробивными способностями и связями с себе подобными, и все больше подменяла дело его имитацией.

В союзных и автономных республиках положение осложнялось системой преимуществ для “национальных кадров”. Она была введена еще в первые десятилетия Советской власти с целью преодоления фактического неравенства наций. С тех пор социальный и национальный состав населения республик значительно изменился, но власти искусственно консервировали прежний порядок, постепенно превращавшийся в средство распределения престижной работы и прочего дефицита среди “своих”. Например, * в Башкирии один из руководителей еще в конце 60-х гг. на встрече со студентами на вопрос: “Может ли республика, в которой башкир меньше 30%, называться Башкирской?” ответил: “Мы даем преимущества национальным кадрам”. И давали. Дело доходило до того, что многие татары (их там живет не меньше, чем башкир или русских) всякими путями добивались, чтобы им записали в паспорта башкирскую национальность - это давало многие преимущества по службе. Разумеется, такая практика порождала у одних иждивенчество и националистическую спесь, у других - глухое недовольство и обиду.

Нехватка рабочих мест, отвечающих притязаниям молодежи на социально значимый, творческий труд, не позволяла ей испытать силы, проявить способности в настоящем деле. Отсюда - разные формы инфантильности. Старшие - от большинства родителей до убеленного сединами высшего руководства, - сами когда-то проявившие себя уже в юные годы, смотрели на молодежь 60-х - 70-х годов, такой возможности не имевшую, как на великовозрастных детей. “Нам в свое время жилось тяжело, так пусть наши дети имеют все”, - такая жизненная позиция стала массовым явлением. Недостаточные возможности самореализации компенсировались престижным потреблением. С другой стороны, в школах, вузах, на производстве и особенно в пионерской организации и комсомоле утвердилась практика мелочной опеки, “вождения на помочах” не только детей и подростков, но и молодежи. Консерватизм и перестраховка в отношении молодежи особенно усилились после бурных студенческих выступлений 60-х годов за рубежом, которые сильно напугали наших недалеких чиновников.

Подобное “воспитание” нескольких поколений наряду с другими, рассмотренными выше, причинами привело к тому, что значительная часть общества привыкла не особенно напрягаться и почти ни за что не отвечать, но исправно получать все блага социализма и в придачу к ним - импортные предметы престижного потребления. Первые воспринимались как должное, а вторые поддерживали и усиливали традиционный российский комплекс неполноценности перед “цивилизованным Западом”. Старшие же поколения усиленно старались убедить себя в том, что молодежь, несмотря на некоторые отклонения, все же по сути остается советской и способна выдержать испытание историей. “Мы тоже пижонками¹⁷ слыли когда-то, а время пришло - уходили в солдаты”, - писала поэтесса-фронтовичка Юлия Друнина в конце шестидесятых годов. “Эти дети закрыли и нас собой!” - восклицала она в 1991 году по поводу героических защитников московского “Белого Дома” от никого. “Как летит под откос Россия - не могу, не хочу смотреть!” - были ее последние строки в 1993 году, перед самоубийством. Логично.

Внутренняя уязвимость социализма в СССР резко усиливалась исторически обусловленными особенностями общественного сознания. В отличие от Китая, КНДР, Вьетнама, Кубы, где революция с самого начала осознавалась как антиимпериалистическая, а социальное освобождение - как продолжение и дополнение освобождения национального, в нашей стране защита независимости Отечества традиционно связывалась только с обороной от прямого военного нападения. Зависимый характер капиталистического развития России игнорировался. Вытекающие из него

антиимпериалистические задачи раннего социализма не только не ставились во главу угла, но и вообще не были ясно осознаны как первоочередные, по крайней мере в послевоенные десятилетия. И в массовом сознании, и в официальной идеологии революция связывалась почти исключительно с утверждением социальной справедливости. В результате любые отступления верхов от нее, особенно пресловутые привилегии партийно-государственного аппарата, воспринимались как покушение на святыню. С другой стороны, и верхи и низы, издавна привыкнув относиться к своей стране как к великой европейской и мировой державе, сопоставляли социализм “вообще” с капитализмом “вообще”, не отдавая себе отчета в том, что под капитализмом они понимают лишь Западную Европу и США. Никто не объяснял людям, особенно молодежи, что конкурировать с мировыми эксплуататорами по части стандартов потребления невозможно, а реальная перспектива страны в случае утраты социализма - не американский или шведский вариант капитализма, а латиноамериканский или южноафриканский. Наоборот, сверху звучали безответственные обещания и раздавались векселя, которые нечем было оплачивать.

В результате в 70-е - 80-е гг. в массовом масштабе складывалось общественное сознание, которое готово было принять неудачи социализма - как в плане социальной справедливости, так и в плане “соревнования двух систем” по наполнению прилавков - за его полный провал и утрату самого смысла его существования.

Другим катализатором назревавшего кризиса стала специфика социальных условий некоторых республик СССР, где Советская власть установилась либо в период нэпа (Закавказье, юг Средней Азии), либо уже в годы Второй Мировой войны (Прибалтика, запад Украины и Молдавии). *Там сельская община была давно уже разрушена, мелкобуржуазный уклад в городе и деревне пустил глубокие корни; революционные преобразования были менее глубокими, а социалистическое развитие - менее продолжительным. Старая контрреволюция не была полностью уничтожена и не успела вымереть естественным путем. По географическим и историческим причинам гораздо сильнее был демонстрационный эффект западного “общества потребления”.

Социально-экономическая политика последних десятилетий не преодолевала, а даже усиливала эти неблагоприятные факторы. Трудоемкие производства размещались в Центральной России, где рабочих рук не хватало, а в республиках Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа, на западе Украины эти руки были в избытке. Оттуда в центр страны устремлялся поток отходников, чей труд, не учитываемый статистикой, находил применение в теневой экономике. Средняя Азия превращалась в край хлопковой монокультуры, Закавказье и Молдавия - в регионы выращивания дорогостоящих овощей и фруктов для московских и северных рынков. Вместо того, чтобы решать сложную задачу подготовки в республиках СССР местных рабочих кадров, власти нередко уповали на привлечение работников издалека, невольно создавая предпосылки межнациональных трений. Само собой разумеется, что все это формировало отнюдь не социалистические отношения.

Именно в этих республиках теневой капитал уже к началу 80-х гг. стал мощной силой. Попавшее в его орбиту чиновничество было поражено коррупцией. Оно использовало должностные полномочия не столько в общественных, сколько в собственных интересах. Процессы предкризисного, а затем и кризисного развития шли там с опережением и оказывали значительное влияние на остальные республики СССР, способствуя социальному, идейному и организационному вызреванию антисоциалистических сил.

9. Кризис

В конце 70-х - начале 80-х гг. развитие СССР приняло кризисный характер. Кризис был обусловлен, в первую очередь, исчерпанием ресурсов экстенсивного развития и выходом экономики на принципиально более высокий уровень. В урбанизированном обществе возникали все более разнообразные потребности. За их динамикой прежние формы управления не поспевали.

Товарный голод, инфляция рубля, развитие черного рынка создали почву для разрастания теневой экономики. Ее дельцы еще не имели своего политического представительства, но завязывали все более прочные связи с частью хозяйственных работников и государственных, партийных, профсоюзных, комсомольских функционеров. Стали формироваться социальные группы, *объективно*

враждебные социалистическому строю, который не позволял им законно пользоваться накопленным богатством и узурпированными привилегиями. Познакомившись в условиях “разрядки” с образом жизни буржуазно-мещанских кругов и бюрократии капиталистического мира, теневые дельцы и коррумпированные функционеры смотрели на Запад как на рай земной. С его помощью они надеялись установить в СССР порядки “цивилизованного мира”.

Снижение уровня жизни абсолютного большинства граждан при резком повышении уровня жизни дельцов теневой экономики и связанной с ней коррумпированной части аппарата, естественно, вызывало в народе недовольство и, с другой стороны, стимулировало стремление к обывательскому благополучию, достигнутому неважно какими способами. Эти две тенденции начали определять морально-психологический климат в обществе. Ориентация на труд и знание уступала место тяге к престижному потреблению. Маргинализация значительной части общества создавала “критическую массу” людей, которыми можно легко манипулировать посредством самой примитивной демагогии.

Впервые за несколько десятилетий в идеологии и политике заявили о себе антисоциалистические силы. С одной стороны, переродившуюся часть функционеров возглавили высокопоставленные деятели, которые, независимо от наличия конспиративных связей с западными спецслужбами, выполняли роль “агентов влияния” международной и внутренней контрреволюции. С другой стороны, с 70-х гг. при активной поддержке западных спецслужб стали создаваться якобы правозащитные, а на деле антисоветские, группировки. Они состояли в основном из недовольных советскими порядками представителей научной, художественной и т. п. номенклатуры. К их числу принадлежали академик А.Д. Сахаров; З. Гамсахурдиа, сын особо приближенного к грузинскому руководству писателя; лауреат Ленинской премии виолончелист (очень плохой по мнению авторов этих строк, но зато разрекламированный) М. Ростропович; его жена, знаменитая (и тоже очень плохая) певица Г. Вишневецкая и т.п. Их правозащитная деятельность сводилась к обращениям к “мировой общественности” по поводу нарушения в СССР прав человека, его агрессивной внешней политики и прочих воображаемых и действительных прегрешений. Об этом всем западные СМИ настойчиво информировали мировую и советскую аудиторию, создавая видимость наличия в СССР серьезной оппозиции. “Агенты влияния” наверху прикрывали этих деятелей от ответственности перед законом.

Выход из кризиса был возможен на пути интенсивного развития экономики при опоре в первую очередь на достижения НТР, более совершенные методы планирования. Кроме того, требовалось выработать и начать осуществлять на деле социальную стратегию, направленную не на потребительство, а на повышение качества жизни и общественной активности. В условиях кризиса социалистического патернализма надо было найти в реальной жизни действенные формы социалистической демократии и открыть простор их развитию. Руководство СССР оказалось неспособным ни понять необходимость таких мер, ни тем более провести их в жизнь. Оно сначала пыталось не замечать тревожных явлений, а потом избегало любых серьезных перемен, опасаясь, что они выйдут из-под контроля. Власть лишь постфактум реагировала на те или иные события в стране и за рубежом, по мере сил затыкая дыры.

Не были своевременно осознаны глубокие изменения в мировом развитии, происшедшие с середины 60-х до середины 80-х гг. Как и раньше, не давалось серьезного анализа пройденного исторического пути, научный прогноз и выбор стратегических приоритетов тем более отсутствовали. На официальном уровне по-прежнему использовались пропагандистские стереотипы предшествующего периода, которые уже никто не мог принимать всерьез. Средства массовой информации не распространяли прямой лжи, но тем активнее применялось замалчивание. Общество было лишено информации о многих внутренних и международных событиях. Все это сильнее и сильнее дискредитировало политику правящей партии и социалистические идеи. Массовый характер приняло чувство разочарования, охватывавшее в первую очередь прежде наиболее оптимистически настроенных людей.

Переоценив результаты “разрядки” и ее стабильность, советское руководство не сумело выработать внешнеполитической стратегии, которая отвечала бы новым условиям. Международная деятельность партии и государства все больше начинала определяться зависимым по сути типом внешнеэкономических связей. Опасаясь оттолкнуть зарубежных “друзей” и торговых партнеров, советское руководство с начала 70-х гг. по существу отказалось от распространения в массах

революционно-антиимпериалистической идеологии. Размеры и характер советской помощи зарубежным странам, наше участие в локальных войнах даже десятилетия спустя оставались под непроницаемой завесой секретности. СССР и его союзники в обмен на расширение экономических связей с Западом и формальное признание послевоенных границ фактически легализовали вмешательство в свои внутренние дела под предлогом “защиты прав человека”.

Между тем, в начале 80-х годов международная обстановка резко осложнилась. События в Польше показали, что над социализмом нависла непосредственная угроза контрреволюции. США начали новый тур гонки вооружений, против союзников СССР велось одновременно 6-7 региональных войн. Впервые с 1945 г. в одной из таких войн - в Афганистане - непосредственно участвовали крупные контингенты советских войск. Руководство СССР было поставлено перед выбором: или сдача позиций во внешней и внутренней политике, или крутой поворот к более твердому и стратегически выверенному курсу. Последнее с необходимостью предполагало очищение партийного и государственного аппарата от перерожденцев и ренегатов, резкое повышение дисциплины и ответственности, идеологическое перевооружение в антиимпериалистическом духе. Прежде же всего надо было самим руководителям осознать напряженную ситуацию в стране и мире, честно и откровенно объяснить ее народу, сказать вслух об угрожающей социализму опасности и возможных последствиях его утраты для каждого советского человека. Но этого сделано не было.

Осложнение социальной и международной обстановки совпало со сменой поколений в верхнем эшелоне КПСС. На несколько лет в нем возникла неустойчивость, за которой скрывалась глухая борьба. Один за другим, часто при странных обстоятельствах, уходили из жизни или из большой политики лидеры, прошедшие военную закалку, знавшие о классовой борьбе не понаслышке. Последнее их поколение, достигшее к 1985 г. 60-65 лет, оказалось отсеченным от высшей власти.

Через его голову к власти шагнули кадры “шестидесятников”, которые и составили опору группы Горбачева. Если раньше на высшие партийные посты выдвигались люди, прошедшие все ступени партийной и государственной иерархии, имевшие опыт руководства союзной республикой или важнейшими союзными структурами, то теперь началось продвижение на самый верх кадров среднего уровня. Эти люди не имели серьезного политического опыта, зато в полной мере восприняли влияние теневой экономики и обывательские иллюзии о “цивилизованном” Западе. На местах, особенно в республиках, такая кадровая политика воспринималась как пренебрежение их правами и интересами. Понятно, какие последствия это имело для эффективного управления огромным федеративным государством, а в перспективе и для его целостности.

М. Горбачев до своего выдвижения руководил Ставропольским краем и продовольственной программой, причем в обоих случаях ничем, кроме звонкой фразы, себя не проявил. Впрочем, и речи его не обнаруживали ни грамотного владения родным языком, ни какого-либо содержания. Зато он успел получить красноречивое прозвище “Конверт”, ибо отнюдь не отказывался от мзды за разного рода услуги. Люди, знавшие Горбачева по Ставрополю, восприняли его избрание генсеком как знак беды. Зато госпожа М. Тэтчер, встретившись с ним в Лондоне в декабре 1984 г., осталась очень довольна: Горбачев первым из советских гостей не счел нужным побывать на могиле Маркса. Британскому премьеру это было особенно приятно потому, что дело было в разгар небывалой забастовки британских шахтеров, длившейся почти год. Тэтчер посоветовала президенту США Р. Рейгану обратить внимание на восходящую звезду советской политики. Теперь Горбачев задним числом изображает из себя нового Конрада Валленрода, сознательно проникшего во вражеский стан, дабы разрушить “коммунизм” изнутри. Смешно даже представить его в такой роли - личность, мягко говоря, не того масштаба. Главным агентом влияния был, судя по всему, другой деятель.

Идеологический отдел ЦК КПСС возглавил А. Яковлев. Он старше других героев перестройки, и в его биографии больше всего загадок. По официальной версии, он был тяжело ранен на фронте, - почему-то разрывной пулей такого типа, который на фронтах Второй Мировой войны не применялся, а использовался лишь в карательных операциях нацистов против партизан; но, по той же официальной версии, в партизанах Яковлев никогда не был. Много лет он служил в аппарате ЦК незаметным чиновником. (Лишь много лет спустя в печати появятся сведения о его поездке 1959 г. в США в компании офицера КГБ О. Калугина, который несколькими годами раньше спас от неприятностей студента Борю Ельцина, нахулиганившего в пьяном виде. За океаном оба мелких функционера почему-

то встречались с высоким чином из ЦРУ). В 1972 г. в “Литературной газете” вышла разгромная статья против писателей - “деревенщиков” за подписью Яковлева. Аргументацию в ней заменяла “марксистская” фраза, так что догматикам не к чему было придраться. Эта статья натравливала друг на друга будущих “демократов” и “патриотов” и заодно восстанавливала тех и других против марксизма. “Деревенщики” обратились в ЦК, и Яковлева по обыкновению “сослали” послом в Канаду. В 1982 г., незадолго до смерти Брежнева, КГБ раскрыл в московском Институте мировой экономики и международных отношений группу, издававшую “самиздатовский” журнал. Преступление было столь ужасно, что нескольких научных сотрудников арестовали, кое-кого исключили из партии и комсомола, а директор института Н. Иноземцев покончил с собой. В его кресло сел Яковлев, тут же разразившийся книгой, где в выражениях 50-х годов клеймил американский империализм. Горбачев знал Яковлева еще по Канаде, куда приезжал перенимать сельскохозяйственный опыт, и сразу поставил его, как говорили в аппаратных кругах, “на идеологию”.

Министром иностранных дел вместо кадрового дипломата А.А. Громыко был назначен Э. Шеварднадзе. У него не было никакого опыта во внешней политике, зато был богатый опыт руководства Грузией. При нем республика окончательно превратилась в заповедник коррупции. Грузинские юноши и девушки, чьи родители не имели толстых кошельков, учились в вузах России - дома без многотысячных взяток нечего было и думать попасть в вуз. Так было и в Азербайджане, где много лет правил Г. Алиев, тоже взятый на повышение в Москву: в ЦК ему поручили курировать самоуправление трудовых коллективов. Чем еще отличились оба будущих президента, так это совершенно неприличной лестью сначала Брежневу, потом Горбачеву.

Такова была компания, занявшая ключевые посты в партии и государстве.

10. Контрреволюция

Начало “перестройки” фактически стало началом первого этапа контрреволюции. Но на этом этапе ее сущность еще была скрыта от народа и от большинства ее участников иллюзиями в духе “социализма с человеческим лицом”. Официальная и полуофициальная пропаганда навязывала представление, что двигающие “перестройку” силы суть самые прогрессивные, “левые”, а противостоят им консерваторы, “правые”.

Провозглашенная Горбачевым политика “перестройки” была начата под лозунгом “больше социализма, больше демократии”. Лозунг, казалось, соответствовал объективным потребностям развития советского общества, интересам советского народа, и перестройка была поддержана самыми широкими слоями трудящихся и нашими друзьями за рубежом. Призыв к гласности также упал на благодатную почву: люди истосковались по объективной информации о своей стране и окружающем мире. Но вскоре выяснилось, что перестройка и гласность, подобно хрущевской “критике культа личности и его последствий”, предназначались для демагогического использования против соперников по борьбе за власть. Цинично эксплуатировались не только фрондерство молодых и не особенно молодых интеллигентов, но и накопившееся у рабочих и крестьян глухое недовольство властью, и одновременно - далеко еще не исчерпанный запас доверия к той же власти, особенно высшей. Людям показывали пальцем на привилегии и злоупотребления начальства, многократно преувеличивая и те и другие, и делалось это с благословения первого лица в партии и государстве. Давняя привычка народа уповать на “бога, царя и героя” в одном лице, умеющего, когда надо, призвать “бояр” к ответу, позволила инициаторам “перестройки” несколько лет имитировать революционность и демократизм, действуя с точностью до наоборот.*

На XXVII съезде КПСС не было и речи о коренном изменении системы управления народным хозяйством (февраль - март 1986 г.). С трибуны звучали клятвы в верности делу Ленина, причем особенно отличался Ельцин. Но уже ликвидировалось среднее звено отраслевого управления, которое было основой информационной системы планового хозяйства. Вместо того, чтобы переводить ее на компьютерную технологию, почти 600 тысяч специалистов в центре и республиках просто уволили, а их картотеки свалили в кладовки (впрочем, некоторые из уволенных, сообразив, куда дует ветер, взяли картотеки с собой и стали торговать информацией). Снова, как при Хрущеве, пошло слияние и разделение министерств. Аппарат управления хозяйством был совершенно дезорганизован.

Одновременно был нанесен удар и по другому устою советской экономической системы: была фактически ликвидирована государственная монополия внешней торговли. С 1 января 1987 г. 20 министерствам и 70 крупным предприятиям было разрешено самим заниматься экспортом и импортом; через год были упразднены Министерство внешней торговли и Госкомитет по внешнеэкономическим связям. В том же 1987 г. был принят закон, разрешивший государственным предприятиям переводить безналичные средства в наличные. В СССР существовал совершенно иной, чем на мировом рынке, уровень цен, который определялся экономическими и социальными потребностями страны и поддерживался монополией внешней торговли, а также четким разделением безналичных расчетов между предприятиями (своего рода филиалами единой корпорации) и наличных расчетов на потребительском рынке. Теперь и то, и другое было отменено.

Новый импульс спекуляции и коррупции дали попытки административными методами бороться с уже укоренившимся пьянством. Сокращение продажи водки было полностью компенсировано ее "теневым" производством (140-150 декалитров в 1987 г.). Теневые доходы, изъятые из бюджета, в 1989 г. составили 23 млрд. руб., в 1990 - 35 млрд. На этой основе организованная преступность впервые стала крупной экономической силой. Разрастание черного рынка и его легализация сразу ударили по жизненному уровню трудящихся.

Участились катастрофические аварии, самой трагической из которых была чернобыльская. Были ли они следствием недосмотра или сознательной диверсии, так и осталось неизвестным, но за каждой большей или меньшей бедой непременно следовала перетряска руководящих кадров. Так, на Украине после Чернобыля был смещен В.В. Щербицкий и открыта дорога будущему "беловежскому зубру" Кравчуку. Неслыханная военно-политическая провокация - посадка М. Руста на Красной площади - имела целью дискредитацию и чистку Вооруженных Сил СССР, что и было достигнуто.

Горбачев волевым порядком заменил первого секретаря ЦК Компартии Казахстана своим назначенцем. Это вызвало возмущение студентов Алма-Аты. Их митинг был грубо разогнан, а участники исключены из вузов. В то самое время, когда газеты клеймили сталинизм, в Узбекистане шел погром кадров в лучших традициях 30-х годов, с той лишь разницей, что арестованных обвиняли не в шпионаже, а в коррупции - как принято в "цивилизованных странах". Следственная группа во главе с Гдляном и Ивановым выбивала признание не менее, если не более жестоко, чем в "тоталитарные" времена: допрашивали сутками напролет, лишали воды и пищи, угрожали арестовать близких. Так добывались не только показания против других подследственных, но, главное, - "компромат" на противников Горбачева в центре, например на Е.К. Лигачева. Иными методами, без арестов и допросов, но не с меньшим размахом велась чистка кадров в Московской парторганизации. Во главе ее был поставлен Ельцин. Возглавляя до этого Свердловский обком, он если чем и выделялся, то в худшую сторону. Руководить экономикой он не умел (в области одной из первых пришлось вводить талоны на продовольствие), с людьми был груб, зато гостей из центра встречал роскошным застольем и послушно исполнял любые указания сверху, например, снести дом Ипатьева, где в 1918 г. были расстреляны Николай П и его семья.

"Перестройка" вызвала стихийное, но почти всеобщее неприятие со стороны кадров КПСС, а также критику руководителей социалистических стран, коммунистических и других дружественных СССР партий. К осени 1987 г. обозначился политический кризис. На встрече левых партий в Москве по случаю 70-летия Октября критика высказывалась практически открыто. Почти одновременно на пленуме ЦК КПСС Лигачев выступил с резкой критикой Ельцина, а косвенно - и Горбачева, получившей на пленуме почти единодушную поддержку. Ельцин совершенно пал духом, униженно каялся, но с партийных должностей все же был снят. Однако, Горбачев не дал пропасть своему выдвиженцу, заботливо пересадив его в кресло министра строительства. Тем самым был создан опаснейший для страны "синдром Имре Надя" - полуоппозиционного деятеля, прикрываемого сверху и "опального" ровно настолько, чтобы обеспечить ему репутацию страдальца за народ у недовольной части общества, а у него самого поддерживать чувство обиды и озлобления на партию. Через несколько месяцев именно Ельцин первым озвучит идею вывода советских войск из Афганистана.

Весной 1988 г. организаторы перестройки получили желанный повод для пропагандистского наступления. В марте газета "Советская Россия" опубликовала статью доцента ленинградского вуза Н.А. Андреевой, никому, кроме студентов, не известной преподавательницы химии. Статья называлась "Не

могу поступаться принципами” и была направлена против очернения в печати исторического пути, пройденного Советским Союзом. Недели три противная сторона хранила молчание, видимо, выжидая, кто победит наверху. 5 апреля в “Правде” появилась установочная статья Яковлева, сделавшая из Нины Александровны олицетворение сталинизма (хотя в ее статье речь шла не о персоналиях, а именно о принципах, и о Сталине говорилось лишь между прочим). Это был сигнал всей перестроечной рати из номенклатурных интеллигентов-шестидесятников, заранее расставленных на ключевые посты в руководстве телевидением, радио, ведущими газетами, творческими союзами. В СМИ началась истерика, превзошедшая все виденное страной за многие десятилетия. Слова “не поступаться принципами” были превращены в какой-то жупел, олицетворение всех злодеяний, инкриминируемых “правым”, “консерваторам”; напротив, ренегатство, готовность в любой момент поступиться чем угодно возводились в добродетель.

Была развернута новая кампания против Сталина, на сей раз уже отчетливо антисоциалистической направленности: под предлогом борьбы с “командно-административным стилем” огонь постепенно переносили со Сталина на Ленина, с эпохи 30 - 40-х годов на Октябрь 1917 года. Переписывание истории велось по принципу Геббельса: чтобы лжи поверили, она должна быть чудовищно большой. С каждым месяцем назывались все большие цифры жертв репрессий; наиболее рьяные разоблачители говорили о 100 миллионах, хотя всякому нормальному человеку ясно, что в таком случае остальное трудоспособное население страны должно было бы стать охранниками и надзирателями. “Литературная газета” вполне серьезно обвиняла М. В. Фрунзе в “командно-административном стиле руководства армией”, хотя иного способа в военном деле донине не придумано.

Вероятно, авторы многих статей и сами верили в глупости, которые писали. Но дирижеры кампании, выплескивая все это на головы читателей, явно стремились распалить эмоции до такой степени, чтобы заглушить здравый смысл и получить возможность почти гипнотического внушения.

С той же целью на народ буквально напустили доморощенных и заезжих магов, колдунов и собственно гипнотизеров. Сеансы массового внушения Кашпировского, Чумака и прочих экстрасенсов транслировались на всю страну по Центральному телевидению. Была открыта зеленая улица религиозной проповеди всякого толка - от Русской православной церкви (ее будущий патриарх сразу после избрания Горбачева Генеральным секретарем направил ему письмо, предлагая сотрудничество в воспитании народа) до тоталитарных сект вроде “церкви” Муна, АУМ - Синрике и т. п. Атеизму и вообще материалистическому мировоззрению места в СМИ уже не было.

Кампания против “правых” помогла Горбачеву и его группе на общепартийной конференции в июне 1988 г. удержать и даже укрепить свои позиции. Однако, цели ставились гораздо более широкие: скомпрометировать не отдельных лидеров, не отдельные властные институты и структуры, даже не советскую историю, а историю каждого отдельного человека. Под крики о тоталитарном промывании мозгов теперь действительно его устроили. “Агенты влияния” хорошо знали, как велико у большинства советских людей доверие к печатному и произнесенному в эфире слову: несколько поколений привыкли к тому, что власть может молчать о правде, но не позволит лгать от своего имени.

“Я плыву”¹⁸ - слышали мы в эти месяцы от многих, казалось бы, разумных и образованных людей. И как не поплыть, если опорочивались не только знания, усвоенные на школьной и студенческой скамье - даже стихи Маршака, читанные в детстве, даже праздничная иллюминация улиц, в детстве же виденная. “Жалкие лампочки, которые казались нам роскошными”, - писала некая дама в “Учительской газете”. Роскошными? Какой ребенок думает о роскоши? Они казались нам праздничными, они и были праздничными, роскошь - отнюдь не синоним праздника. Но борцы против тоталитаризма выполняли политический заказ, не жалея собственного детства.

А тем более чужого. Первыми жертвами перестройки оказались именно дети. Так, в один прекрасный день “Комсомольская правда” сообщила читателям ужасающую новость: в Элисте, в детской больнице, во время прививок несколько детей были инфицированы вирусом СПИД. Откуда в детской больнице в общем-то провинциального города, центра Калмыцкой автономной республики, взялся этот вирус и, даже если произошел такой ужасный случай, то можно ли из него одного делать выводы - этими вопросами газета не задавалась. Она с ходу призвала родителей не делать детям прививок. Идиотов, видимо, нашлось достаточно много - к концу перестройки и после нее страна переживала бум детских болезней. Дифтерит распространился так, что пришлось проводить повторную

вакцинацию школьников и даже учителей. Кстати сказать, тогда же во Франции служба переливания крови заразила СПИДом 4 тысячи человек, но ни одна перестроечная газета об этом не сообщила.

Еще одной мишенью демократов стала система образования. Никто не вспоминал, что она в кратчайшие сроки вывела страну из массовой неграмотности на уровень сплошной грамотности, что в любой точке Земли ученики наших школ садятся на два класса выше. Пресса устроила истерику вокруг “гуманизации и гуманитаризации” образования, не стыдясь подтасовок. Одна из авторов этих строк, будучи в те дни школьной учительницей, позвонила однажды в редакцию “Учительской газеты”, чтобы ответить на вопрос, заданный на страницах этой газеты: кому мешает Ягодин? Ягодин, перестроечный министр просвещения, мешал мне, о чем я честно сообщила и даже объяснила - почему. Через некоторое время в газете появилось резюме: даже те учителя, которые не поддерживают министра, все же считают необходимой реформу школы и, значит, поддерживают перестройку. Спасибо! Я действительно, считала реформу необходимой - да только прямо противоположную той, которую проводил Ягодин, и сказала об этом вполне отчетливо. Победила, конечно, реформа Ягодина. Теперь учителям платят копейки, в армию идут функционально неграмотные юноши, в школах распространяются хулиганство и наркотики.

“Демократы” и “патриоты” сообща учинили в СМИ настоящую свистопляску вокруг проекта так называемого поворота северных рек на юг. Специалистам слова не давали, и разъяснить, как на самом деле обстоит дело, было некому. Между тем, “поворачивать” предполагалось от силы 10% всего стока, что позволило бы хоть частично осушить северные болота. Соединение северной воды и южного тепла - это единственный способ сделать земледелие в СССР не столь рискованным и получить возможность обойтись без импорта продовольствия. Без северной воды высохнет Аральское море, потому что воду впадающих в него рек разобрали на орошение, и тогда действительно произойдет экологическая катастрофа (она теперь и происходит). Поскольку же среднеазиатские республики развивали орошение не для себя, а для нужд всего СССР и при этом десятилетиями рассчитывали на подачу воды с севера (об этом говорилось в Программе КПСС), то заставить их одних расплачиваться за все значило развалить Союз. Но какое нашим “патриотам” дело до всяких там казахов и узбеков? Людям вдалбливали в головы, что “поворот рек” - экологическое преступление глобального масштаба и одновременно - разрушение последнего уголка русской самобытности, “резервации русского этноса” Один “патриот” дописался до исторической фразы: “Каждый народ имеет право на свою резервацию” (индейцев и аборигенов Австралии загоняли в резервации силой, наши патриоты стали рваться туда сами). У “демократов” же был свой интерес: во что бы то ни стало подтолкнуть республики к отделению и развалить “советскую империю”. С этой целью “демократические” СМИ и вспомнили об Арале; в некоторых статьях КПСС ругали за то, что море высыхает, и тут же - за намерение перебросить в него воду с севера. Правда, спровоцировать народы Средней Азии на активный сепаратизм все же не удалось. Между прочим, среднеазиатские республики даже теперь, обретя не по своей воле независимость, пытаются вернуться к этому проекту, но Всемирный банк накладывает вето. А патриоты и даже коммунисты до сих пор с гордостью вспоминают, как спасали Россию от поворота рек.

Ярым сторонником “поворота” был в свое время академик Аганбегян. Когда ветер подул в другую сторону, он развернулся на 180 градусов. Став советником Горбачева по экономическим вопросам, он принялся доказывать несостоятельность плановой системы, в которой проработал всю жизнь. СССР якобы производил в 3 - 4 раза больше тракторов, чем надо. На самом деле к 1988 г. их было в среднем 12 на 1000 га пашни - в 10 раз меньше, чем в странах ЕС. Вопросы депутатов-аграрников этот яркий представитель “научной номенклатуры” просто игнорировал. Аналогичным путем внедряли в обывательское сознание легенды о перепроизводстве стали, удобрений, о нерентабельности колхозов и убыточности отраслей ВПК, в первую очередь - космических программ.

Оборотной стороной очернения советской истории был культ “цивилизованного Запада”, принявший в перестроечных СМИ карикатурные формы. Вот не самый крайний пример: репортажи из Сингапура, переданные Центральным телевидением в дни, когда США и их союзники готовились к войне в Персидском заливе. В одном сообщалось, что две транснациональные компании, снабжающие Сингапур нефтью, договорились между собой поднять ее цену вдвое. Вывод: как хорошо, что на Западе конкуренция - если бы вместо двух компаний была одна, она могла бы повысить цену и вчетверо. Другой репортаж велся из сингапурского зоопарка. Сообщалось, что помет животных используется как

удобрение, благо в островном государстве до ферм рукой подать. Вывод делался еще более сногшибательный: когда в СССР научатся хозяйствовать, наши колхозы будут поставлять гуано (именно так он и выразился) прямо на цивилизованный Запад; “в одну сторону потечет оно, а в другую - иностранная валюта и новые технологии”. Еще полутора-двумя годами раньше такой уровень идиотизма на ТВ вызвал бы только смех. Теперь же массовый зритель был оболванен настолько, что подобные перлы стали приниматься всерьез.

Кроме пропагандистского промывания мозгов, у заправил перестройки была еще одна палочка-выручалочка, излюбленная популистскими демагогами всех времен и народов. Чтобы скрыть от обывателя свою несостоятельность или свои подлинные планы и действия, надо подбросить ему деньжонок, даже если обеспечить их реальными товарами нет возможности. Этому послужил закон, разрешивший государственным предприятиям распоряжаться денежными фондами по своему усмотрению. Началось массовое проедание фонда накопления. В 1990 г. из прибыли предприятий в бюджет было внесено 36% (в 1985 г. - 56%), оставлено предприятиям 51%, в том числе в фонды экономического стимулирования - 48%. Иначе говоря, на развитие предприятий оставались жалкие 3%. Этому содействовало патронируемое Алиевым “развитие производственной демократии”. По стране, как смерч, прокатились выборы руководителей предприятий. Если директор честно говорил, что средства надо вложить в развитие производства, “демократы” и просто рвачи тут же объявляли его консерватором, не желающим думать о рабочем человеке, и продвигали на его место такого, кто готов был чуть не все деньги выдать на руки (обычно львиную долю - себе и приближенным). Денег выплачивалось больше, товаров производилось меньше. Ближайшим следствием такой, с позволения сказать, экономической политики был крах потребительского рынка. Товары буквально сдувало с полок магазинов. Теперь уже по всей стране пришлось вводить талоны на покупку водки, сахара, ботинок и т. д. В Москве каждому горожанину выдавалась “визитная карточка покупателя”, без которой нельзя было ничего купить. Был резко увеличен импорт, для чего пришлось брать кредиты за рубежом. В 1990 г. СССР впервые имел отрицательное сальдо внешней торговли, резко возрос внешний долг.

Сломив на время оппозицию в партии, группа Горбачева не могла не понимать, что это лишь отсрочка и долго удерживать власть посредством прежнего партийно-государственного механизма ей не удастся. Логика противостояния побудила ее срочно искать политический противовес партии и одновременно - способ отвести растущее недовольство народа от себя и направить на ставшую опасной партию. В 1988 г. была проведена конституционная реформа. Вместо рабочих сессий Верховного Совета, собиравшихся дважды в год, вводился Съезд народных депутатов, собиравшийся раз в год и избиравший из своего состава Верховный Совет, Председателя и первого заместителя Председателя ВС СССР. Более 70 лет Советом любого уровня избирался коллективный орган - исполком или президиум, и только теперь понадобилось сразу избирать единоличного главу. Выборы депутатов не были прямыми и равными, как устанавливалось Конституциями 1936 и 1977 гг. Треть (750 депутатов) избиралась гражданами по территориальным округам, треть - по национально-территориальным, а еще треть - невиданным ранее образом, “делегатами” от общесоюзных общественных организаций. 100 мандатов имела КПСС, 100 - профсоюзы, 50 - комсомол и т.д. Принцип “один человек - один голос” не соблюдался, голосовать можно было до 10 раз - и в своем округе, и как члену КПСС, профсоюза, Академии наук, общества филателистов и т. д. Причем в округах на один мандат приходилось по 230 тысяч избирателей, а в “общественных организациях” - по 21 делегату.

Царская Дума была верхом демократизма по сравнению с таким “народным представительством”, свидетельствующим, что Горбачев и его приближенные не надеялись победить на настоящих выборах. Обеспечив себе, т. е. номенклатурной верхушке, депутатские мандаты от КПСС, они в то же время организовали выборы по округам так, чтобы ослабить “свою” партию и подвергнуть ее очередной чистке. По закону 1988 г. о выборах работники исполкомов и руководящие партийные работники не могли быть избраны депутатами от территориальных и национальных округов. Партийным организациям давалась установка вообще не выдвигать там своих кандидатов, дабы не мешать “демократической инициативе” проявляться свободно. Тем самым фактически был возрожден лозунг контрреволюции 1910-х -20-х годов - “Советы без коммунистов”. Антисоциалистические силы получили возможность организационного оформления и объединения. В 1988 г. под опекой Кремля в Прибалтике возникли “народные фронты”, присвоившие популярное в народе название

антифашистских коалиций 1940 г. (и здесь правые мимикрировали под левых). Их целью объявлялась сначала “защита гласности”, потом - республиканский хозрасчет и наконец - выход из СССР. Главное же состояло в том, чтобы создать модель и школу “демократической оппозиции” для всего СССР.

Выборы 1989 г. стали ее дебютом. Именно тогда “демократы” нашли Б. Ельцина - лидера или, скорее, таран, вложив в его борьбу за личную власть антисоциалистическое содержание. По всей стране рекламировались его воспоминания - “Исповедь на заданную тему”. Мало кому было известно, что он стал уже законченным алкоголиком и вряд ли мог сам написать даже страницу связного текста. Заготовленную для него “исповедь” о том, что он - самый верный ленинец на свете и что “партократам” стыдно пользоваться привилегиями, когда народ бедствует, люди принимали всерьез. Потрясающая непривычных советских избирателей, Ельцин появлялся то в районной поликлинике, то в общественном транспорте. Сила внушения была такова, что его насквозь пропитая физиономия привлекала не одних пьяниц, недовольных горбачевским “полусухим” законом. Интеллигентная дама, родственница одного из авторов, воспринимала его как “русского богатыря”. На выборах в Верховный Совет его соперником выступал директор ЗИЛа Браков, и вся Москва была оклеена листовками: “Браков - от завода, Ельцин - от народа”. Партийные организации глухо молчали. Исход выборов сомнений не вызывал.

Среди “народных депутатов” было 23,7% рабочих и колхозников, а в избранном им Верховном Совете их практически не было. Абсолютное большинство составляли работники управления, СМИ и науки. Впрочем, наивно было думать, что в депутаты попали настоящие ученые: то были либо генералы от научной номенклатуры, либо бездари и бездельники, от которых в НИИ не знали, как избавиться, и не придумали ничего лучше, чем выдвинуть в депутаты; так было, например, с Шабдурасуловым - будущим представителем Ельцина по связям с общественностью.

Заседания Съездов народных депутатов радио и телевидение транслировали на всю страну. Так было в эпоху бури и натиска нашей юной демократии. Когда “демократы” захватят власть, этому сразу настанет конец. Пока же блистали красноречием Гдлян и Иванов, обвиняя Лигачева в преступных связях с узбекскими коррупционерами. Доказать они ничего не доказали, но из руководства Лигачева убрали. Больше о его “вине”, да и о самих Гдляне с Ивановым, не вспоминали. Кстати, на родине Лигачева, в Сибири, не поверили наветам и уже в 1999 г. избрали его в Думу - теперь он дуайен депутатского корпуса. За клевету, конечно, никто ответственности не понес, как и за применявшиеся методы сбора компромата. Героев борьбы с коррупцией на съездовских трибунах сменяли то будущий мэр Москвы Г. Попов, ранее изгнанный за взятки с должности декана экономического факультета МГУ, то А. Станкевич, которого вскоре за то же самое милиция будет разыскивать по всей Европе.

“Демократы” особенно отличились по части избирательных технологий в городе на Неве. Главным их оппонентом на выборах мэра города был Ю.В. Севенард - директор строительства дамбы через Финский залив. Эта дамба защитила город от наводнений, случающихся там регулярно, а раз в 100 лет - в катастрофическом масштабе. Ко времени выборов строительство было почти закончено. Однако, “демократы” развернули против него такую же кампанию, как против “поворота рек”. Чего только не писалось в газетах, не звучало с телеэкрана, не говоря уж о предвыборных митингах! Всерьез доказывали, что дамба превратит залив в болото, за нею разведутся ядовитые сине-зеленые водоросли и даже псевдотуберкулезная палочка (до тех пор обитавшая в организме мышевидных грызунов). Летом 1991 г. авторы ехали по этой дамбе на экскурсию в Кронштадт и имели возможность выслушать от гида-демократа весь набор ругательств. Севенард разъяснял, что дамба оснащена системой циркуляции воды, но его не слушали. Демократические кандидаты клялись снести дамбу немедленно после победы. Денег, правда, не нашлось ни на снос, ни на завершение строительства. Значит, дамба скоро развалится сама, и наводнения будут происходить, как раньше.

Мэром города стал А. Собчак, переименовавший Ленинград обратно в Санкт-Петербург. Но это не единственный его подвиг на поприще демократии. Собчак председательствовал в комиссии Верховного Совета по расследованию обстоятельств событий в Тбилиси в апреле 1989 г. Тогда грузинские националисты устроили митинг, заявляя свои “права” на Абхазию, а местное партийное руководство для поддержания порядка привлекло войска. Собчак с дрожью в голосе докладывал съезду, а “демократы” из СМИ расписывали во всех леденящих душу подробностях, как солдаты с саперными лопатками чуть ли не километры гнали за старушками и беременными женщинами.

Генерал Родионов, командовавший войсками округа, объяснил, а экспертиза подтвердила, что первыми применили силу боевики Звиада Гамсахурдиа, использовавшие женщин как живой щит. У солдат не было при себе ни оружия, ни пресловутых саперных лопаток; погибшие были задавлены толпой. Но “демократы”, монополизировавшие СМИ, умело создавали общественное мнение, обвиняя во всем военных. У людей не возникало даже естественного вопроса: почему беременные женщины оказались на ночном митинге, в обстановке, в которой может произойти всякое? Устраивать такое нормальным людям не пришло бы в голову нигде, а на Востоке особенно.

Родионова сняли. Гамсахурдиа выбрали президентом Грузии. Правда, через полтора года при поддержке тех же российских демократов, уже пришедших к власти, его свергнут, заменив проверенным Шеварднадзе, а потом и убьют, как и его друга Дудаева в Чечне - лишние свидетели в таких делах ни к чему. Конец Собчака достоин “демократа”: он умер, находясь под следствием за взятки.

Несмотря на все усилия по промыванию мозгов, перестройка снова подошла к кризису доверия. Слишком ощутимо сказывалась она на жизни абсолютного большинства граждан. Намерение создать многоукладную экономику путем поощрения кооперативов и мелкого предпринимательства на практике обернулось искусственным созданием дефицита товаров теперь уже первой необходимости, легализацией теневых капиталов, перекачкой денежных средств из государственного сектора в формирующийся частный. Закон 1988 г. о кооперативах открыл путь созданию сети “кооперативных” и смешанных с иностранным капиталом предприятий, занятых вывозом товаров за рубеж. Многие товары при этом давали прибыль до 50 долларов на 1 рубль затрат. Например, дешевая в СССР алюминиевая посуда экспортировалась как лом. К началу 1991 г. в Турции было свыше миллиона советских телевизоров, хотя по официальным данным туда не было продано ни одного. По оценкам экспертов, в 1990 г. была вывезена треть потребительских товаров¹⁹.

Обострились не решенные ранее национально-государственные вопросы: Нагорный Карабах, Абхазия, Крым. Резко активизировались националистические и клерикальные группировки. Пролилась кровь в Сумгаите, Фергане, Тбилиси, где боссы теневой экономики и коррумпированные чиновники начали выяснять отношения руками толп подкупленных или одурманенных погромщиков. Сначала Горбачев по обыкновению не мог или не хотел ни на что решиться, отдавая национальный вопрос на откуп национал-экстремистам. Потом началась сознательная игра в поддавки, которой дирижировал Яковлев. При всякой попытке республиканских компартий поставить вопрос об угрозе целостности страны главный идеолог КПСС разъяснял: не волнуйтесь, все идет как надо. Он же сделал царский подарок прибалтийским и другим сепаратистам - опубликовал более чем сомнительные копии так называемых секретных протоколов к советско-германскому договору 1939 г. с латинской подписью Молотова, оригиналов которых никто не видел.

Под демагогическим прикрытием “нового мышления” одна за другой делались односторонние уступки США и их союзникам в ущерб оборонной мощи СССР. Им на блюдечке преподнесли уничтожение даже таких ракетных систем, которые не упоминались в договорах (например, “Ока” или “Буран”), даром (если не считать взятки) уступили нефтеносный шельф Берингова моря и полярные владения СССР. Группа Горбачева стала на путь прямого предательства союзников СССР, рассчитывая этой ценой купить поддержку западных “друзей”. Горбачев и его окружение в декабре 1989 г. на Мальте пошли на прямой сговор с США, а вскоре - с ФРГ, фактически санкционировав аншлюс ГДР. При сохранении НАТО и группы американских войск в Европе Варшавский договор был распущен, начался вывод советских войск из Центральной Европы. Были нарушены международные обязательства СССР перед Кубой, КНДР, Вьетнамом, многими странами “третьего мира”. Кремлевское руководство проявило абсолютное нежелание отстаивать не только интересы социализма, но и национально-государственные интересы своей страны, геополитические условия ее безопасности, завоеванные ценой огромных усилий и жертв.

Недовольство Горбачевым и его политикой снова стало нарастать, но теперь уже не в узком кругу руководящих кадров, а в народе. После Николая Кровавого и императрицы Александры Федоровны никого из правителей так не презирали, как Горбачева и его супругу, навязчиво вылезавшую на телеэкран в изысканных, как ей казалось, туалетах. Летом 1989 года грянули шахтерские забастовки - первые столь масштабные выступления рабочих за 70 лет. Шахтеры в нашей стране - весьма

специфический отряд трудящихся, во многих местах (Воркута, Кузбасс и т. д.) состоящий в значительной мере из бывших заключенных. Среди них, конечно, немало обиженных и недовольных. Тем не менее, попытки западных профлидеров и местных агентов влияния направить острие протеста против КПСС не имели успеха. Ничего подобного польской “Солидарности” сколотить не удалось.

С конца 1989 г. начался второй этап контрреволюции - разрушение СССР как социалистического государства, этап превращения “контрреволюции в себе” в “контрреволюцию для себя”. На съездах народных депутатов СССР и РСФСР сложилась группировка так называемых “демократов”. Мы не случайно берем это название в кавычки: в ней не было ничего демократического даже в буржуазном понимании. Альфой и омегой ее программы был “просвещенный авторитаризм”, призванный ввести или, скорее, загнать наше варварское общество в “мировую цивилизацию”, основанную на “рыночной экономике”. Впервые эта программа была изложена в тезисах Межрегиональной депутатской группы в сентябре 1989 г. Тогда мало кто задумывался над тем, чьи интересы она выражает. Советские люди за многие десятилетия привыкли думать, что народ един, партия и государство должны выражать общенародные чаяния, если же не выражают (что и доказывали “демократы”) - это безобразие, и руководство должно навести порядок. Возмущаясь ценами на рынках, искусственным дефицитом и прочим, почти никто не задумывался о том, что имеет дело не просто с уголовщиной, а с *теневым капиталом*. Коррупцию, конечно, видели, но связывали никак не с “демократами”, а с “консерваторами”. Еще труднее было поверить в существование антисоциалистической “пятой колонны”: еще во времена “оттепели” людей убедили, что “врагов народа” в нашем обществе ищут только зловерные сталинисты, желающие вернуть времена репрессий. Трудно было понять самому и еще труднее объяснить другим, что “демократы” - никакие не борцы с коррупцией, что они-то и выражают интересы коррумпированной бюрократии, теневых дельцов и пятой колонны.

Вдохновленные примером своих братьев в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, “демократы” добивались уже не использования государственной собственности в своих интересах, а превращения ее в частную; не влияния в партийно-государственных структурах, а их слома, замены буржуазной системой властных институтов. Тем самым процесс подрыва социализма перешел в стадию его разрушения, т. е. собственно контрреволюции.

“Межрегиональная депутатская группа” поставила вопрос об отмене шестой статьи Конституции СССР, которая законодательно закрепляла руководящую роль КПСС. Вероятно, включение этой статьи в Конституцию 1977 г. было ошибкой: партия и до ее принятия 60 лет руководила страной, а создавать законодательным путем иллюзию, будто эта роль гарантирована на вечные времена, ни в коем случае не следовало. Но в ситуации начала 90-х гг. отмена этой статьи открывала путь к государственному перевороту. Горбачев, по обыкновению, сначала призывал демократов к умеренности и аккуратности²⁰. На II Съезде Межрегиональная группа осталась в меньшинстве. На ее призыв к всеобщей забастовке никто не откликнулся. Однако, клика Горбачева совместно с “демократами” использовала кампанию против шестой статьи для очередной чистки партийного руководства. С весны 1990 г. по всей стране прокатилась волна “демократических” митингов, вынуждавших к отставке одного секретаря обкома за другим. Большую группу членов ЦК вынудили срочно уйти на пенсию. Наконец, летом 1990 г. прошел XXVIII съезд КПСС. Запугивая делегатов угрозой гражданской войны, Горбачев и иже с ним не только избежали грозившего им снятия с постов, но и ликвидировали прежнюю структуру партийного руководства. Политбюро как орган проведения практической политики было заменено недееспособной коллегией первых секретарей республиканских компартий. В партии были легализованы платформы, в их числе “демократическая”. Тем самым ядро политической системы СССР было расколото и предельно ослаблено. Второй кризис перестройки остался позади.

Стремясь к “прихватизации”²¹ государственной собственности и самого государства, антисоциалистические силы в различных республиках СССР вступили в противоречия с федеральными структурами СССР. Поэтому на втором этапе контрреволюции была поставлена в порядок дня задача ликвидации СССР и создания на его развалинах капиталистических государств. Начался разгул национализма в Прибалтике, Закавказье, на западе Украины. Руководство Союза сначала прибегало к неуклюжим силовым действиям, а затем позорно отступало. Так было в Грузии в 1989 г., в Азербайджане в канун 1990 г., потом в Таджикистане, Молдавии. “Демократы” получили возможность

еще активнее шельмовать КПСС и Вооруженные Силы. Сторонники единого социалистического Отечества были преданы, а экстремистам продемонстрировано безвластие союзного центра, возможность безнаказанно захватывать власть и расправляться с неугодными. Результаты не заставили себя долго ждать. Весной 1990 г. началось одностороннее провозглашение суверенитетов союзных республик. Первыми были прибалтийские, за ними - закавказские. Вчерашние партийные лидеры и национал-диссиденты вроде Гамсахурдиа наперегонки спешили порвать с "империей" и взвалить на нее вину за все подлинные и мнимые беды. Национальными праздниками стали годовщины создания кайзеровскими оккупантами марионеточных правительств.

Однако, что бы ни воображали одержимые манией величия националисты, ни Прибалтика, ни Закавказье никак не могли сыграть решающую роль в разрушении СССР (это, между прочим, доказывает, что он не принадлежал к числу *империй*, каковые всегда распадались или разрушались с окраин). Поэтому был взят курс на "суверенизацию" исторического ядра многонационального государства - России. Так называемые патриоты завели песню о том, что не худо бы России отделиться от прочих республик и "перестать кормить нахлебников". Никого не остановила абсурдность самой идеи "независимости" России фактически от самой себя - от многонационального государства, вне которого она никогда в своей истории не существовала. По-видимому, довольно многих опьянила возможность обособиться от бурливших республик, где социальные и национальные противоречия были гораздо острее, чем в России, и самим распоряжаться ее сырьевыми богатствами и индустриальной базой. Идею первыми озвучили главный "деревенщик" В. Распутин и главный антикоммунист А. Солженицын. За ними потянулись называвшие себя коммунистами. Доктор экономических наук, секретарь парткома солидного института, в те дни уверял одного из авторов, что России надо только отделиться от "аппендиксов", и она заживет припеваючи.

С другой стороны, часть партийного руководства, пытавшаяся сохранить основы советского строя, ухватилась, как утопающий за соломинку, за идею создания Компартии РСФСР. Идея эта в истории партии высказывалась неоднократно и всегда отвергалась на том основании, что такой шаг мог подорвать Союз ССР, возродив в других республиках опасения великорусской гегемонии, а в самой России - настроения обособления от Союза. Но именно в момент наибольшей опасности для СССР этим пренебрегли. Весной 1990 г. КП РСФСР провела учредительный съезд. Одни все еще надеялись повлиять на Горбачева, другие - создать противовес контролируемым им руководящим структурам КПСС. Ни того, ни другого не произошло. Зато идея "суверенизации России" была еще глубже внедрена в сознание. "Демократам", целенаправленно добивавшимся разрушения СССР, оставалось только взять инициативу в свои руки.

Это произошло на Съезде народных депутатов РСФСР в июне 1990 г. В порядке подготовки депутатам показали фильм режиссера С. Говорухина - не то "демократа", не то "патриота" - под названием "Россия, которую мы потеряли". Кадры хроники начала века комментировались им в том духе, что не было на свете страны счастливее Российской империи, пока ее не разрушили злодеи-революционеры. Впечатление было настолько сильным, что 12 июня депутаты, включая так называемых коммунистов, почти единодушно приняли "Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической республики". В ней содержалось немыслимое в едином федеративном государстве положение о верховенстве российских законов над союзными, создавшее формально-правовую основу для "войны законов". Новому государству требовались символы, и депутаты дружно проголосовали за трехцветный "флаг Российской империи". На самом деле он был лишь флагом ее торгового флота; правда, Александр III и Николай II хотели утвердить его в качестве государственного, да так и не успели. Этого депутаты могли и не знать. Но неужели все они, включая так называемых коммунистов, забыли, что под этим флагом шли в Гражданскую войну белогвардейцы, а во Вторую Мировую - предатели-власовцы?

"Демократы" получили не только "суверенитет" и подобающий ему флаг. Им удалось провести Ельцина на новый пост Председателя Верховного Совета РСФСР. Правда, ставить на голосование его кандидатуру пришлось четыре раза: большинство депутатов не были сторонниками Ельцина. Но у одних теплилась надежда хоть что-то противопоставить осточертевшему Горбачеву, других запугали призраком гражданской войны, хотя это был чистейший блеф - никаких предпосылок такой войны в

России не существовало. Уровень политической культуры депутатов и понимания ими происходящего говорит сам за себя.

Однако, если в залах съездов “демократы” овладели положением, то на улице начинало происходить обратное. Раньше партийная структура, неотделимая от структур государственного управления, служила контролируемым каналом проявления оппозиционных взглядов и не позволяла ему выходить из-под контроля. Теперь, впервые за много лет, открылся некоторый простор для *самоорганизации* трудящихся, выразившей их подлинное отношение к перестройке и ее “архитекторам”. Этот процесс начался в тех республиках, где народ еще не забыл, что такое классовая борьба, и где уже разворачивали травлю коммунистов “народные фронты”. В противовес им в Прибалтике, Молдавии, Абхазии, Южной Осетии были созданы Интернациональные фронты. В сентябре 1990 г. под красным знаменем Советской Молдавии была провозглашена Приднестровская Молдавская республика.

Затем становление подлинно левой оппозиции распространилось и на центр. Одна из возникших в КПСС платформ - “инициативное движение” - вышла из берегов горбачевского “плюрализма” и стала проявлять себя как зачаток не только обновленной коммунистической партии, но и самостоятельного рабочего движения, совсем не похожего на “Солидарность” пана Валенсы.

Горбачев и его окружение не могли не понимать, что вместе с союзной государственностью потеряют и власть. Но еще больше они опасались того, что в борьбе за сохранение Союза верх возьмут подлинно левые силы, которые не только лишат их власти, но и привлекут к ответственности за все содеянное. Оставалось одно: срочно сколачивать такой аппарат власти, который был бы под полным их контролем. С подачи Горбачева на Ш съезде народных депутатов сама КПСС внесла пакет поправок к Конституции, в котором отмена шестой статьи совмещалась с введением поста президента. Президент СССР должен был избираться всеобщим голосованием, но Горбачеву уже нечего было надеяться победить на таких выборах, поэтому он “в порядке исключения” был избран на должность президента Съездом народных депутатов. В канун 1991 г. “по состоянию здоровья” был отправлен в отставку премьер Рыжков, а затем упразднен и Совет Министров. Вместо него в марте 1991 г. учредили Кабинет министров с гораздо более узкими функциями, жестко подчиненный президенту. Еще раньше был создан аппарат подавления в лице “отрядов милиции особого назначения” (ОМОН).

Мечты “демократов” о просвещенном авторитаризме, казалось, сбывались. В январе 1991 г. Горбачев попытался пустить его в ход, произвести бонапартистский маневр между правыми и левыми. Местом действия был Вильнюс, поводом - социальный кризис, спровоцированный правившими там националистами. Провозгласив в одностороннем порядке независимость, они попробовали сразу “отпустить” цены. Народ, еще не привыкший к таким вещам, вышел на улицы. “Суверенная” полиция стала разгонять митингующих, поливая их из брандспойтов *горячей* водой. Это только усилило гнев. Правительство пало. Стоило союзным властям поддержать трудящихся Литвы, и с сепаратизмом было бы, скорее всего, покончено без кровопролития. Но это не входило в расчеты Горбачева. Он распорядился применить военную силу - взять телебашню, где окопались националисты. Повторилась тбилисская история: пролитая кровь разъединила людей не по социальному, а по национальному признаку. Убедившись, что националисты сдаваться не собираются, а “цивилизованный Запад” на их стороне (дело было в тот самый день, когда США и их союзники начинали “Бурю в пустыне”), Горбачев дал отбой. Как обычно, он сделал вид, что все произошло без его ведома. Стали искать козлов отпущения среди военных и партийных деятелей, только теперь вместо саперных лопаток говорили о пулях. Через несколько месяцев литовские правители найдут “виновных” в лице руководителей коммунистов Бурокаявичюса и Ермалавичюса. В 1994 г. их захватят на территории Белоруссии и будут держать за решеткой даже после того, как главари националистов публично признают, что в январе 1991 г. первыми стреляли их боевики, а не военные.

Очередное предательство “центра” укрепило позиции сепаратистов, и не только в Прибалтике. Ельцин пошел на антиконституционное, изменническое признание “независимости” прибалтийских республик. Горбачев продолжал лавировать. Он предложил провести 17 марта 1991 г. референдум по вопросу о сохранении СССР. “Демократы” заранее знали, что их позиция не получит большинства, и предприняли обходный маневр: в России в бюллетени референдума включили и второй вопрос: “Согласны ли вы с суверенитетом РСФСР?” Большинство избирателей, конечно, были согласны: за

советские годы они привыкли, что конституционный суверенитет союзных республик не исключает, а предполагает их вхождение в СССР.

Цель российских “демократов” была достигнута: они могли трактовать результаты референдума в свою пользу и явочным порядком выводить Россию из-под власти союзного центра. Горбачев и не подумал опереться на закон и ясно выраженную на нем волю абсолютного большинства народа (74%) к сохранению Союза. Он уповал на верхушечные интриги и западных “друзей”. Однако, основная ставка ими делалась уже не на него. Ельцину, как когда-то самому Горбачеву в Лондоне, устроили смотрины за океаном и убедились, что имеют дело с нужным человеком. Президент Дж. Буш “случайно” вышел из другой комнаты и встретился-таки с неофициальным российским визитером, несмотря на просьбы Горбачева воздержаться от этого. А пьяный от восторга и алкоголя Ельцин, дважды облетев на вертолете вокруг статуи Свободы, сказал журналистам, что стал вдвое свободнее. Обзаведясь “демократическим” окружением, он поминал в речах уже не Ленина, а его величество рынок. Положение председателя Верховного Совета его уже не устраивало - требовался пост президента, избранного - не то что Горбачев - народом.

Чтобы согласия на это добиться от союзных властей, “демократы” впервые решились вывести на улицы Москвы тысячи людей. Следуя примеру национал-сепаратистов и перехватывая инициативу у настоящих левых, они сумели использовать массовое недовольство Горбачевым. Однако, недовольных, видимо, было все же меньше, чем требовалось. Поэтому “демократы” вербовали статистов за приличный гонорар - кое-кого за пол-литра с закуской. В марте - апреле 1991 г. демонстрации и митинги явились эффективным средством раскачивания ситуации, шантажа союзных властей и психологической обработки масс. Многие лозунги находились на грани абсурда, а то и за ней. Что сказал бы человек, не утративший здравого рассудка и чувства юмора, о плакатах со словами: “Узники психушек - за Ельцина!”²², “Мы больше не скоты!” ?

Первые выборы президента России, назначенные на 12 июня, были достойны книги рекордов Гиннеса.. Где и когда предвыборная кампания укладывалась в один месяц? “Демократы” и сам кандидат превзошли себя. Народу сулили “рыночную экономику” и жизнь, как на благословенном Западе, всего через несколько лет (по Г. Явлинскому, через 500 дней). Ельцин клялся лечь на рельсы, если поднимутся цены. С такой рекламой не мог конкурировать никакой другой кандидат, в том числе поддержанный КП РСФСР экс-премьер Рыжков: большинство связывало с ним все безобразия последних лет. Правда, многих мог отпугнуть крикливый антикоммунизм приближенных Ельцина. Но и тут был найден выход: в паре с ним в вице-президенты был выдвинут отставной полковник Руцкой, который еще недавно клеймил “демократов”, а теперь примкнул к “демократической платформе” в КПСС. Вдвоем они создавали видимость широкого фронта, нейтрализующего опасность конфронтации. Так удалось посеять в массах иллюзию, будто Ельцин и Руцкой - “народная” альтернатива Горбачеву. Именно эти настроения, видимо, помогли им победить уже в первом туре. Большинство проголосовавших за них избирателей и в кошмарном сне не могли увидеть, чем обернется их выбор. Вскоре 12 июня было объявлено национальным праздником - Днем независимости. Известный юморист объяснил это название так: “С этого дня от нас больше ничего не зависит”.

Принеся присягу советской Конституции РСФСР, Ельцин вступил в должность президента и первым делом выдернул краеугольный камень всего образа жизни, сложившегося за 70 с лишним лет в Советской стране. Им был подписан указ, запрещающий деятельность партийных организаций на производстве и направленный против КПСС: других сложившихся партий, да еще с организациями на предприятиях, в стране не было и в ближайшее время не предвиделось. Но дело не сводилось к тому, что КПСС лишалась своей организационной основы.. Трудящиеся теряли последнюю возможность как-то организованно заявить о своих интересах, дать отпор зарвавшемуся администратору, т.к. профсоюзы, десятилетиями занимавшиеся в основном распределением социальных пособий, почти везде были - и остаются до сих пор - послушными начальству.

Новоиспеченный президент и поддержавшие его мэры Москвы и Ленинграда бросили прямой вызов всей сколько-нибудь сознательной и организованной части трудящихся. Вызов не остался без ответа. В городе на Неве - для одних Петербурге, для других Ленинграде - авторы летом 1991 г. видели на стенах недвусмысленные надписи: “Северо-Западом правит Собчак, Сибирью когда-то правил Колчак”²³. Инициативное движение в КПСС нарастало, появилась еще более радикальная

Большевистская платформа. Зашевелились и национал-патриоты, до которых стало, наконец, доходить, кто и зачем их использовал. Летом в нескольких газетах появилось “Слово к народу”, подписанное несколькими писателями, журналистами, военными и партийными деятелями, в числе последних - мало кому известным Г. Зюгановым. Вскоре “Советская Россия” напечатала его статью “Архитектор у развалин”, направленную персонально против А. Яковлева. Статья возымела действие: в середине августа ЦК КП РСФСР исключил Яковлева из партии. На осень 1991 г. был назначен внеочередной съезд КПСС, на котором Горбачева скорее всего ожидала та же участь.

Контрреволюция не имела такого перевеса сил, чтобы сломить Советскую власть в открытом противоборстве. Будь наша страна унитарным государством вроде КНР, кризис скорее всего завершился бы примерно так же, как известные события на площади Тяньаньмэнь и вокруг нее. Но СССР был федерацией, причем весьма необычной - с элементами как унитаризма (это была прежде всего роль КПСС как единой союзной партии), так и конфедерации (это было конституционное право союзных республик на выход из СССР, причем законодательный механизм реализации этого права отсутствовал). Это обстоятельство давало контрреволюции возможность создавать свое государство не путем немедленного слома старой власти, а вне ее - путем суверенизации союзных республик, прежде всего РСФСР. Нечеткость социальных противоречий и прямо-таки младенческая наивность абсолютного большинства граждан в политике позволяли “демократам” вовлечь сами Советы в строительство новой государственной машины, по сути антисоциалистической и антисоветской.

Ельцин и другие лидеры союзных республик начали заключать договоры, взаимно признавая суверенитет друг друга. Верховный Совет России принял даже закон об уголовной ответственности за *выполнение* не ратифицированных им законов СССР. В свою очередь, Горбачев и его окружение вопреки Конституции начали готовить новый вариант Союзного Договора, превращавший страну в конфедерацию. Его подписание было намечено на 20 августа. Чем все это грозило, уже наглядно показывала война в Югославии. До сих пор Горбачев и Ельцин могли блефовать, делая вид, что спасают страну от гражданской войны; теперь становилось ясным, что их действия ведут к противоположному результату. Летом 1991 г. назрел третий, финальный кризис “перестройки”.

Большинство высшего руководства СССР, до того поддерживавшее Горбачева, теперь не могло не понимать, что, если не примет срочных мер, неминуемо потеряет и страну, и власть. Но сами эти люди не представляли себе иной перспективы, кроме так называемых рыночных реформ, и не искали поддержки ни в партии, ни в народе. Выход они видели во введении чрезвычайного положения по образцу Польши 1981 и Китая 1989 г., не учитывая, что контрреволюционный процесс в СССР зашел гораздо дальше. Стремясь сохранить легитимность в глазах Запада, а следовательно, возможность кредитов, инвестиций и т. д., они решили действовать от имени Горбачева. Судя по всему, расчет делался на то, что в дальнейшем он санкционирует и возглавит их действия, как поступил в 1989 г. Дэн Сяопин.

19 августа было объявлено, что Горбачев по состоянию здоровья временно не может исполнять обязанности президента и его функции принимает на себя Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). Позднее Горбачев заявлял, будто “заговорщики” изолировали его от внешнего мира, но, по свидетельству начальника спецсвязи, это было технически невозможно. Президент, никогда не отличавшийся смелостью, попросту выжидал, кто возьмет верх.

В обращении ГКЧП к народу убедительно описывалось катастрофическое положение страны, но не было никаких призывов к активным действиям. Тем не менее, трудящиеся восприняли это обращение с надеждой. Многие партийные организации приняли резолюции о поддержке ГКЧП. Правда, ЦК, многократно вычищенный Горбачевым, подобно ему выжидал.

Трудно сказать, на какую реакцию российских властей рассчитывали члены ГКЧП, но факт, что их застали врасплох действия “демократов” во главе с Ельциным, выступивших “в защиту конституционного президента” - того же Горбачева. “Демократы” собирали своих сторонников, строили баррикады вокруг Дома Советов, окрещенного ими “Белым домом”, связывались с посольством США, благо оно находилось поблизости, призывали ко всеобщей забастовке. Правда, не забастовал никто, кроме недавно организованной в Москве биржи. На случай неудачи в Москве Ельцин имел резервный центр на Урале. Позднее в печати появлялись данные о том, что посольство США внедрялось в систему правительственной связи, следило за переговорами ГКЧП с военными и связывало Ельцина с

”подававшими надежды” генералами. Таких, привыкших уже делать бизнес на войсковом имуществе или соблазненных обещаниями легкой карьеры, к тому времени хватало. Известные впоследствии генералы Лебедь и Грачев привели своих десантников к “Белому дому”, и Ельцин, взобравшись на танк, держал речь перед толпой “защитников демократии”. Командующий ВВС Шапошников вместе с полковником Руцким готовы были даже бомбить Кремль. У наших “демократов”, правда, не нашлось даже боевиков. Пришлось ограничиться идейными интеллигентами и бездельниками, которых американское посольство обильно снабжало водкой и колбасой, а “демократы” собирали для них со всей Москвы веселых девиц. Трое “защитников демократии”, выпив для храбрости, попробовали остановить в тоннеле бронетранспортер и были задавлены. Каким-то мистическим образом они оказались принадлежащими по рождению к народам, исповедовавшим три основные в России религии: православную, мусульманскую, иудейскую. За странной смертью героев “обороны” Белого дома последовала попытка организовать их похороны на престижном Ваганьковском кладбище в центре Москвы не по сложившемуся за советские десятилетия гражданскому ритуалу, а с обрядами соответствующих конфессий. Впрочем, эта затея не имела особого успеха в силу советского воспитания родителей юношей, и не пробудила в “демократических” массах чувства “исторической национально-религиозной принадлежности”. Погребение состоялось под единодушный рев проклятий в адрес “тоталитарного коммунистического режима”. “Демократия” получила-таки своих героев.

Но победу над ГКЧП одержали, конечно, не они. Самым главным врагом ГКЧП была его собственная неготовность к решительному разрыву с горбачевщиной. Стоило ему сместить ненавистного почти всей стране Горбачева - и на сторону сделавших это перешли бы очень многие из тогдашних сторонников Ельцина. Но это означало бы бойкот со стороны “цивилизованного мира”, выражавшего в те дни поддержку Горбачеву и Ельцину. Пойти на второе издание “холодной войны”, противостоять натовским войскам на границах, “демократам” и сепаратистам внутри страны, - все это потребовало бы крутого поворота влево, к чему не были готовы ни члены ГКЧП, ни большинство общества, сперва избалованного нефтедолларами, а потом расколотого и дезориентированного годами перестройки. О степени этой дезориентации свидетельствует тот факт, что защищать “Белый дом” явились многие коллеги одного из авторов, научные сотрудники гуманитарных НИИ. Это были люди разных взглядов - кто считал себя демократом, кто патриотом, кто даже коммунистом, - но все были напуганы жуткой перспективой реванша “консерваторов”. Что произойдет в случае победы “народа”, никто из них себе не представлял. Только три дня спустя, когда толпа “демократов” начала крушить памятники революционерам, до “левых ельцинистов” стало доходить, что происходит не народная революция, а нечто противоположное.

ГКЧП вместо того, чтобы разъяснить народу происходящее, транслировал по телевидению “Лебединое озеро”. В Москву были введены войска, но и им ничего толком не объяснили. Никто не попытался изолировать лидеров “демократов” или заблокировать “Белый дом”, тем более взять его штурмом. Депутация ГКЧП полетела в Крым к Горбачеву, но поддержки, конечно, не получила. Руцкой привез президента в Москву, и тот стал вместе с Ельциным клеймить “путчистов”. ГКЧП сдался без сопротивления. Горбачев, пытаясь удержаться на плаву, обвинил во всем КПСС и призвал ее к самороспуску, а членов ГКЧП без всякого суда назвал преступниками. Но старался он напрасно: Ельцин сразу дал ему понять, кто теперь хозяин. Под его нажимом в начале сентября Съезд народных депутатов СССР объявил о самороспуске, а его председатель А. Лукьянов был арестован.

В августе 1991 г. начался третий этап контрреволюции. Основным содержанием его был разгром КПСС. Указами президента России деятельность партии была сначала приостановлена, а потом запрещена, ее имущество конфисковано. Антикоммунизм стал официальной политикой Ельцина и ему подобных руководителей в других республиках, сделавших карьеру в партии, которую теперь уничтожали. Вчерашняя номенклатурная верхушка избавилась от партийного и народного контроля, перекусавшись в президентов, губернаторов и мэров. Коммунисты, не отрекшиеся от своих убеждений, повсюду подвергались травле и преследованиям. Российский премьер Силаев призвал расстрелять “путчистов” немедленно, и с некоторыми, видимо, так и поступили. После того, как известный демократ Явлинский явился арестовывать министра внутренних дел Б. Пуго, было объявлено, что министр и его жена застрелились - потом из их голов извлекли по две пули. Начальник

Генштаба маршал Ахромеев почему-то не воспользовался личным оружием, а якобы повесился в своем кабинете, причем в сидячем положении, способом, известным в криминальном мире. Начальник управления делами ЦК Кручина “выбросился из окна”. Остальных пришлось все-таки отправить в тюрьму - надо же было прилично выглядеть перед “цивилизованным миром”, который вовсю праздновал победу над “империей зла”. В конце концов все арестованные по делу ГКЧП были амнистированы. Понятно, для чего понадобилась амнистия - на суде могли вскрыться факты, опровергающие официальную версию событий. Только генерал Варенников, участник парада победы 1945 г., отказался от амнистии и настоял на судебном разбирательстве; суд оправдал его, не найдя в его действиях состава преступления.

Победа “демократии” сделала процесс разрушения СССР необратимым. Уже в начале сентября Горбачев официально признал независимость Эстонии, Латвии и Литвы. Захват Ельциным реальной власти в центре поставил другие республики СССР перед выбором: либо отделение, либо подчинение “новой России”. Ельцин в своей хамской манере давал им это понять, заявляя, например: “Россия без Украины проживет, а Украина без России - нет”. Неудивительно, что на Украине, где еще полгода назад абсолютное большинство было за Союз, на новом референдуме такое же большинство проголосовало за “независимость”. Горбачев все еще пытался согласовать с президентами республик новый союзный договор и сохранить хоть тень власти. Однако, такой возможности ему не дали. 8 декабря 1991 года в заповеднике Беловежская Пуща на территории Белоруссии собрались высшие должностные лица России (Б. Ельцин), Белоруссии (С. Шушкевич) и Украины (Л. Кравчук). После банкета с обильной выпивкой они подписали декларацию о том, что Советский Союз прекращает свое существование, и соглашение о создании Союза Независимых Государств. Показательно, что об этом событии Ельцин вначале доложил президенту США Дж. Бушу и лишь затем сообщил Горбачеву.

Беловежская акция была антиконституционной. Три республики не имели полномочий распускать Союз без участия других республик, в обход союзных органов власти. Союзный договор 1922 г., который они якобы денонсировали, давно не имел юридической силы, т. к. был заменен Конституцией СССР. Ельцин и его сообщники сознавали, что нарушают закон, потому и встретились в нескольких сотнях метров от польской границы: в случае чего им было куда перебраться в ожидании помощи “цивилизованного мира”. Но тревожились они напрасно. Горбачев ничего не предпринял для пресечения беззакония. Верховные Советы республик послушно проштамповали соглашение; единственным депутатом, проголосовавшим против него, был депутат Верховного Совета Белоруссии, нынешний Президент республики А. Лукашенко.

После подписания Беловежских соглашений начался четвертый этап контрреволюции. С этого времени динамика общественных процессов в бывших республиках СССР начинает существенно различаться, и рассматривать ее здесь нет возможности. Нам придется сосредоточить внимание на Российской Федерации. С разрушением СССР она оказалась в крайне тяжелой геополитической ситуации: была отрезана от удобных выходов к Балтийскому и Черному морям и заключена в границы, которые никогда в прошлом не были рубежами государства, не приспособлены для охраны и обороны. Русский народ, как и многие другие народы России и СНГ, стал разделенным народом.

Основным содержанием четвертого этапа была ликвидация экономического фундамента социализма - общественной собственности на основные средства производства, экспроприация абсолютного большинства народа. Это делалось двумя путями.

Первым была форсированная приватизация. По действовавшему закону всем гражданам должны были выдаваться именные приватизационные чеки - своего рода акции былого общенародного предприятия. Но выполнялся не закон, а очередной указ президента, по которому выдавались анонимные “ваучеры”. Строго говоря, в нынешней России нет законной частной собственности - приватизация была незаконна с самого начала. Отвечавший за нее А. Чубайс уверял, что реальная стоимость ваучера равняется двум автомобилям “Волга”. Однако, предприимчивые чиновники и особо приближенные к власти дельцы скупали их за гроши - от цены стиральной машины до цены породистого котенка, почему в некоторых городах России их называли “мяучерами”. Достояние нации за бесценок прибрала к рукам кучка “новых русских”. “Демократы” хотели с ходу приватизировать и собственность колхозов, преобразовав их в акционерные общества. Имелось в виду, что крестьяне

смогут выходить из них с получением пая. Еще 1991 года на стенах московских домов появились листовки с призывами к скорейшей приватизации земли, “чтобы новый урожай смогли убрать сами хозяева со своей земли”. Но сразу приватизировать землю “демократам” не удалось, а крестьяне не спешат становиться “хозяевами”, и большинство колхозов сохраняется до сих пор под именем акционерных обществ. Попытка создать в России класс “цивилизованных фермеров” провалилась в очередной раз. Провал “фермеризации” лишний раз подчеркнул, что российскому крестьянству практически невозможно что-либо навязать даже теперь, когда оно составляет не более 25% населения. Что же говорить о годах гражданской войны и коллективизации, когда в деревне жило абсолютное большинство!

Другим путем экспроприации народа был отказ самого государства от защиты жизненных интересов трудящихся. С 1 января 1992 г. были “отпущены” цены. Ельцин на рельсы не лег. Накопленные десятилетиями сбережения превратились в ничто. Если бы не запас продовольствия и вещей, оставшийся почти в каждой семье от советских времен, возник бы массовый голод. В страну прибыли многочисленные эксперты Международного валютного фонда. Их требования урезать бюджетные расходы на поддержание промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, образования и здравоохранения легли в основу социально-экономической политики первого “демократического” правительства. За нее отвечал вице-премьер Е. Гайдар, внук двух выдающихся писателей-революционеров, живое доказательство той истины, что “на детях гениев природа отдыхает”.

Экспорт нефти и газа, за который “демократы” ругали КПСС, теперь вырос в несколько раз, хотя объем добычи снизился (между прочим, крупный пакет акций “Роснефти” принадлежит русской православной церкви). Везде, где можно и где нельзя - от Дальнего Востока до берегов Черного моря, - хищнически вырубались леса; на экспорт шла необработанная древесина. Российские бизнесмены наводнили зарубежные рынки цирконием, редкоземельными металлами, сбив мировые цены и спустив по дешевке стратегические запасы, создававшиеся много лет. Экспортировать стратегическое сырье было еще запрещено, но они находили способы. Например, появились невиданные в мире изделия - титановые лопаты, которые и вывозились за границу. Что уж говорить о меди и алюминии - их вывозили все, от крупных предприятий до одиночек, кривых проводов с линий электропередачи и памятники с кладбищ. Эстония, не добывающая ни грамма цветных металлов, внезапно превратилась в крупнейшего их экспортера - там удобнее всего было заключать подобные сделки. Выгоднейшим бизнесом стал импорт алкоголя и его производство в самой России. Государство впервые за 400 лет отказалось от винной монополии, а народ поплатился не только оскудением бюджета, но и здоровьем и жизнями тысяч людей, отравленных дешевыми алкогольными суррогатами. Столь же неудержимым потоком хлынула в Россию продукция американских табачных фирм; ее реклама, запрещенная в самих США, и поныне смотрит с аршинных щитов чуть не на каждой московской улице, в переходах метро, льется с телеэкранов. (Между прочим, в алкогольном и табачном бизнесе одну из главных ролей играет Русская православная церковь.) Еще одной золотой жилой для “новых русских” стали лекарства. Цены на них взлетели до астрономических высот.

Самым простым способом обогащения было строительство “финансовых пирамид”. Для этого не надо было даже отвинчивать от дверей бронзовые ручки - достаточно было выпустить и поактивнее разрекламировать акции некоей фирмы. Самую нахальную из них - МММ - рекламировали пока еще государственное телевидение и даже оппозиционная газета “Советская Россия”. Люди, не имевшие опыта обращения с такими беспардонными обманщиками, покупали акции, не уточнив даже, чем фирма занимается. “У МММ нет проблем!” Зато сколько их появилось у доверчивых акционеров, с которыми вовремя лопнувшая фирма не рассчиталась до сих пор...

Передовая часть трудового народа не молчала. На основе Инициативной и Большевицкой платформ КПСС после ее запрета возникли новые партии - Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП) и Всесоюзная коммунистическая партия большевиков (ВКПБ). Находясь на полулегальном положении, они не имели оформленного членства, но к ним тяготело несколько сот тысяч человек. Связанное с ними движение “Трудовая Москва” уже 22 декабря 1991 г. провело “Марш голодных очередей”, и надо было видеть, как смотрели люди на красные знамена, развевавшиеся над колоннами. 23 февраля последовала новая мощная демонстрация. О том, насколько напугана была

“демократическая” власть, можно было судить по перегородившим подступы к Кремлю грузовикам и жестокому избиению ОМОНОм ветеранов войны, шедших возложить цветы к Вечному огню. 17 марта, в годовщину референдума, было созвано Всенародное вече. Не меньше 100 тысяч человек заполнили Манежную площадь возле самого Кремля. Перепуганное “правительство” Москвы (к тому времени Попова в мэрском кресле сменил Лужков) бросило огромные средства на строительство никому не нужного подземного торгового центра под Манежной, лишь бы на этой площади больше не могли собираться демонстранты.

Когда первый испуг прошел, правители, видимо, сообразили, что дубинками и разрытием площади тут не обойтись - эффект получался обратный желаемому. Пришлось легализовать умеренную часть бывшей КП РСФСР, не вернув ей, конечно, партийного имущества. Так возникла Компартия Российской Федерации (КПРФ), во главе которой встал Зюганов. В нее вступили и некоторые из амнистированных по делу ГКЧП. Большинство членов КПСС старшего поколения приняло КПРФ как преемницу своей старой партии. Численность и влияние левых компартий были тем самым ограничены. Уступая им на митингующей улице, КПРФ была сильнее своими связями в аппаратно-чиновничьих кругах, среди директоров заводов и институтов, председателей колхозов и т. д. Среди них было много людей, подхваченных потоком событий и не ставших, в отличие от “демократов”, законченными дельцами криминально-компрадорского толка. Они придерживались расплывчатых идеалов патриотизма и социальной справедливости, слово “коммунист” ассоциировалось у них со спокойной зажиточной жизнью, безопасностью и величием Советской державы. Неприятие ими “демократов” носило не революционный, а консервативный характер: остановить разрушение страны, сохранить от прошлого все хорошее. Эти настроения улавливал Зюганов, заявлявший во всеуслышание: “Россия исчерпала лимит на революции”.

Другой узел противоречий завязался между президентской властью и Верховным Советом, тем самым, который провозглашал “суверенитет” России, совместно с Ельциным вел “войну законов” против СССР, санкционировал августовские репрессии. Даже он не мог не реагировать на явно антинародные меры новых властей. В конце 1992 г. Съезд народных депутатов подверг правительство резкой критике. Гайдари пришлось уйти с поста вице-премьера; специально для него организовали микроскопический Институт проблем переходного периода, щедро - не то что другие НИИ - финансируемый. Ельцин вынужден был отказаться от совмещения постов президента и премьера. Во главе правительства встал В. Черномырдин - “премьер от Газпрома”.

В стране фактически установилось двоевластие президентства и Советов, причем каждая власть, в свою очередь, была внутренне противоречива. Президентская власть существовала как на уровне федерации, так и в бывших автономных республиках, правители которых последовали совету Ельцина “братъ столько суверенитета, сколько смогут проглотить”. Советы совмещали черты буржуазного парламентаризма и былого советского народовластия.

Советская власть как таковая качественно отличается от парламентаризма. Депутаты - непрофессионалы, работающие по основной специальности и собирающиеся только на сессию или съезд, - совсем не то, что профессионалы-парламентарии. Советы нельзя было превратить в парламент, даже если этого хотелось им самим. Они не просто законодательная власть, конституционно отделенная от исполнительной в рамках одной, буржуазно-демократической, системы власти. Советы - это именно другая система власти, рожденная революцией и стоявшая на пути контрреволюции независимо от своей идеологии. Другое дело, что реформистская идеология может ее погубить. Сами депутаты принимали поправки к Конституции, создавшие зачаток иной системы власти - пост президента. Абсолютно чуждый системе Советов, апеллирующий к неорганизованной массе избирателей через голову Советов, пост президента мог быть только зачатком буржуазно-проимпериалистической системы власти. В то же время никакие поправки не устранили ключевой нормы всех советских конституций - полновластия высшего форума Советов. Съезд народных депутатов не был подчинен президенту и имел право отрешить его от власти. Это противоречие выглядело как противостояние разных *институтов* власти, но на самом деле было столкновением *систем* власти.

Ельцинский режим и поддерживавшие его “демократы” называли свои действия реформами, на деле же совершали насильственную контрреволюцию, коренной слом законной власти. Советы пытались действительно придать событиям характер реформ, т.е. плавного, постепенного, наименее

болезненного перехода к “социально ориентированной рыночной экономике”. Однако, реформистский путь не устраивал империалистические круги, которым нужны не конкуренты, а источники дешевого сырья, места складирования ядерных отходов, наемные солдаты для войн в “третьем мире”. В защиту Советской власти выступили силы антиимпериалистические, правда, в составе более широкого блока, включавшего национал-реформистов. Так было, несмотря на антикоммунистические предубеждения некоторых лидеров, несмотря на мелькание на телеэкранах немногочисленных правых националистов из “Русского национального единства” с чем-то отдаленно похожим на свастику на рукавах. Идейная путаница обычна в любом “широком фронте”. Но объективно победа Советской власти над президентской начала бы обратное движение маятника, отклонившегося далеко вправо. Сложился бы новый правящий блок во главе с той частью управленцев-профессионалов, которая намеревалась защищать промышленность, сельское хозяйство, науку, культуру, образование, здравоохранение от разрушительных требований МВФ и других империалистических институтов. Пусть эти люди субъективно желали всего только “социально ориентированной рыночной экономики”, собирались только притормозить приобщение страны к “мировой цивилизации”. Даже самые скромные их *действия* в таком духе привели бы к противостоянию с воинствующими империалистическими силами, не желающими ни с кем делить власть над миром. А значит, неизбежно началась бы дифференциация “советского” лагеря, и инициатива вполне могла бы перейти к левым силам, к тому же и организованным лучше других.

До поры до времени буржуазно-проимпериалистическая власть держалась, как и в период двоевластия 1917 г., на незаметности другой власти - Советов. Ельцин готовился к столкновению, неизбежности которого еще не сознавало большинство депутатов. Председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов делал все возможное и невозможное для компромисса с президентом. Верховный Совет несколько раз предоставлял президенту чрезвычайные полномочия. Пользуясь ими, Ельцин изгнал со службы негодных и расставил в правительстве, армии, органах безопасности своих людей. Вокруг него объединились те, кто нес личную ответственность за “дешевую распродажу” природных ресурсов России на Запад, за присвоение имущества группы советских (российских) войск в Германии. Только весной и летом 1993 г. Верховный Совет вплотную занялся окружением президента, изобличая в коррупции одного “придворного” за другим. С изменением настроений в оппозицию Ельцину перешел и Хасбулатов. Еще в феврале он внес предложение провести референдум о доверии обеим “ветвям власти” и о досрочных перевыборах Президента и Верховного Совета.

Ельцин выдвинул проект новой конституции, в которой Советам не оставалось места, и во всеуслышание заявлял, что депутаты не примут его. Значит, ее можно было ввести только путем переворота. Для его политического обеспечения президентская власть провела очередной “всенародный референдум”, перехватив, как водится, идею у своих политических противников. В бюллетень были включены вопросы: “Доверяете ли Вы президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину?”, “Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую с 1992 года?”, “Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?”, “Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов депутатов Российской Федерации?” Депутатов какого именно органа власти - не уточнялось. Однако не было и вопроса о разгоне Съезда Советов.

Президентская сторона призвала ответить на вопросы референдума “Да, да, нет, да”. Эта формула неслась с экранов телевизоров, из радиоприемников, смотрела со стен домов и витрин магазинов. Это была даже не агитация, а просто выработка условного рефлекса, как у лабораторной собаки. Референдум должен был проводиться 25 апреля, около праздника Пасхи, и в те дни ходил такой анекдот: встречаются на Пасху около церкви две старухи, одна говорит “Христос воскрес!”, а вторая вместо “Воистину воскрес!” отвечает “Да, да, нет, да!”. Агитация, впрочем, тоже имела место и сводилась в основном к тому, что Ельцин - истинно русский патриот, а Хасбулатов - чеченец. Противостояние систем власти постарались свести к противостоянию лидеров. По итогам голосования Ельцину насчитали около 60% голосов.

21 сентября, после посещения Таманской и Кантемировской дивизий, Ельцин подписал указ от о роспуске Верховного Совета. Действовавшая Конституция не давала президенту таких полномочий. Это был государственный переворот:

Реакция рассчитала точно: широта и разнородность национал-реформистского и антиимпериалистического фронта, усиливающая его при *демократических* выборах, ослабляет его шансы на победу в силовом противостоянии. Тут требуется единство воли, а его-то как раз быть не могло. Судя по всему, у руководства Верховного Совета не было заранее разработанного плана борьбы за власть в чрезвычайных условиях.

Верховный Совет в соответствии с решением Конституционного суда квалифицировал действия Ельцина как переворот, объявил о его смещении и возложил полномочия президента на Руцкого. Срочно собрался Съезд народных депутатов. Некоторые лидеры оппозиционных партий и местных Советов предлагали перенести руководящий центр Советов в одну из областей, вставших на их сторону; этого сделано не было. Провинция выжидала развития событий в Москве. Лидеры Федерации независимых профсоюзов России заявили о поддержке Советов и призвали к забастовке, но не смогли ее организовать: в профсоюзном руководстве тоже не было единства. Руководители КПРФ ограничились призывами разрешить конфликт путем переговоров, хотя объективной возможности такого решения не было. Исполнительная власть намеренно подводила законодательную к насильственной развязке. Дома Советов, где заседал Съезд народных депутатов, был подвергнут военной блокаде, ОМОН зверски избивал мирные демонстрации. В Москву съехались активисты оппозиции со всей страны, из них были созданы отряды народного ополчения для защиты Дома Советов. Одна искра могла привести к взрыву.

Как и в 1991 г., в события активно вмешивался “цивилизованный мир”. Незадолго до переворота послом США в России был назначен Т. Пикеринг, имевший опыт руководства подобными акциями: в начале 80-х гг. он был послом в Сальвадоре. В печати сообщалось о переброске в Москву боевиков американских и израильских спецслужб. Госсекретарь США предупредил, что просто так штурмовать Дом Советов нельзя - этого не поймет “мировое общественное мнение”. Тут же патриарх Русской православной церкви, прервавший визит в США для посредничества в переговорах президента и Советов, заявил, что церковь предаст анафеме тех, кто первыми прольет кровь - как будто кровь уже не была пролита полицейскими из ОМОНа. На следующий день “мировому общественному мнению” продемонстрировали “боевиков”, якобы напавших на защитников президента.

Как было дело, видели те, кто находился на Октябрьской площади, где “Трудовая Москва” созывала Всенародное вече. В начале митинга от него отделилась группа людей во главе с депутатом Уражцевым. Бывший ярый “демократ”, он сделался столь же горячим оппозиционером и громче всех говорил митингующим у Дома Советов, что режим Ельцина вот-вот падет. Именно его люди двинулись по Садовому кольцу к мэрии и Дому Советов, и “стражи порядка” вдруг побежали, бросая оружие, шлемы, щиты и грузовики. Из здания мэрии какие-то неизвестные открыли по демонстрантам стрельбу; в ответ люди из “Русского национального единства” пошли на штурм, не встретив сопротивления. Почти одновременно были отведены внутренние войска, блокировавшие Дом Советов. В это время митингующие с Октябрьской площади во главе с лидером “Трудовой Москвы” В. Анпиловым только что направились к мэрии вручить свои требования, а не штурмовать что-либо. Но весть о взятии мэрии и снятии осады Дома Советов разнеслась подобно молнии, демонстрация стала стремительно расти. Защитники Дома Советов и руководители митинга должны были выбирать: либо бездействовать (тогда их все равно обвинили бы в подготовке столкновения), либо попытаться возглавить движение, вызванное не ими (как поступили большевики в январе 1905 г. и в июле 1917 г.). Они выбрали второе.

С балкона Дома Советов перед митингующими выступили Хасбулатов и Руцкой. Первый призвал идти на Кремль, но второй на правах профессионала-военного, знающего, что надо делать, направил колонну к телецентру Останкино - символу правительственной монополии на информацию. Правительственное радио поспешно сообщило об этом на всю страну. Неизвестно, какой реакции ждали заказчики этого сообщения, но наверняка не той, которая последовала: на улицы Москвы вышли еще сотни тысяч людей. Провокация вышла из-под контроля ее организаторов и переросла в стихийное невооруженное восстание.

Размах событий не уступал восстанию 1905 г. на той же Красной Пресне, где Дом Советов находится рядом с памятником тогдашним бойцам. В 1993 г. в историю России было вписано еще одно Октябрьское восстание. Несколько часов чаши весов колебались. По телевидению выступил насмерть перепуганный Гайдар, призвавший на защиту власти добровольцев и обещавший раздать им оружие.

Ни командующие военными округами, ни даже министр обороны Грачев не решались ввести в дело армию. Исход решила не армия в целом, а несколько тысяч офицеров, заранее нанятых режимом Ельцина. Первые выстрелы раздались вечером у радицентра Останкино. Потом по безоружным людям открыли пулеметный огонь бронетранспортеры. 3 октября 1993 года стало еще одним Кровавым воскресеньем.

Пятый этап контрреволюции начался 4 октября 1993 года расстрелом Дома Советов из танковых орудий и последующим его штурмом. Пленных, как в Сантьяго 20 лет назад, загнали на стадион. Там многие были расстреляны без суда. Тела убитых и расстрелянных были ночью вывезены в неизвестном направлении; точное число погибших не установлено до сих пор. По официальным данным - более ста человек, по оценкам оппозиции - несколько тысяч.

Героизм рядовых участников восстания контрастировал с малодушием руководителей. Они так и не выдали ополченцам оружие, которым еще с 1991 г. были забиты подвалы Дома Советов, а сами сдались без сопротивления. Особенно трусливо вел себя Руцкой, получивший в августе 1991 года генеральские погоны за защиту того же "Белого дома", на который тогда никто не нападал. Теперь же, когда его вправду понадобилось защищать, Руцкой, офицер, несколько часов назад посылавший безоружных людей под пули, демонстрировал свой автомат в смазке, доказывая, что не сделал ни одного выстрела. Затем повторилась история с ГКЧП: Хасбулатов, Руцкой и их коллеги также на некоторое время оказались в тюрьме, а потом их амнистировали - открытый процесс никому не был нужен.

С двоевластием было покончено, Советы как органы народовластия были ликвидированы, начало действовать указное президентское право. Но для того, чтобы обрести респектабельность в глазах "цивилизованного мира", режим нуждался в демократической декорации. Узаконить заготовленную заранее конституцию должен был еще один референдум, назначенный на декабрь 1993 г. Требовалось участие не менее 50% избирателей. Оппозиция могла лишит режим демократического фасада, бойкотировав референдум. Чтобы избежать этого, режим совместил его с выборами в создаваемую по этой конституции Государственную Думу. Руководство КПРФ решило в них участвовать. Оно ссылалось на отказ большевиков от бойкота царской Думы, умалчивая о том, что выборы в нее не совмещались с референдумом по конституции и никаких иллюзий посеять не могли. Теперь же отказ от бойкота означал серьезный компромисс с режимом, только что пролившим кровь народа.

Никто не знает, собрал ли референдум более 50% избирателей или не обошлось без фальсификации. КПРФ и ее национал-патриотические союзники получили думскую фракцию с соответствующими материальными и организационными возможностями, а также свои газеты, закрытые в дни переворота. Но режим получил гораздо больше - ему удалось обрести подобие легитимности после *трех* государственных переворотов. Кроме того, был внесен раскол между КПРФ и левыми компартиями, бойкотировавшими референдум и выборы.

Конституция, навязанная стране Ельциным, сосредоточила почти всю власть в руках президента. Законодательное собрание состояло теперь из двух палат: Совета Федерации, где заседали по должности главы "субъектов федерации", и почти бесправной Государственной Думы (название, взятое из времен царизма). В то же время конституция закрепляла бесконтрольную власть губернаторов и президентов республик РФ, данную им ельцинским режимом в обмен на активную или пассивную поддержку переворотов 1991 и 1993 гг. Сместить кого-либо из них с поста никто не мог, сами же они получили в Совете Федерации право вето в отношении законов, одобренных Думой. Такое государственное устройство, во-первых, лишало трудящихся реальных возможностей защиты своих прав и интересов через своих представителей в высшем законодательном органе, во-вторых, несло в себе угрозу распада Российской Федерации.

Всей полнотой реальной политической власти овладела буржуазно-бюрократическая олигархия, сложившаяся из коррумпированной бюрократии и дельцов криминально-компрадорского типа. Основные источники их наживы были связаны со сферой обращения. Повседневной практикой стало "прокручивание"²⁴ денег в коммерческих банках, приводившее к многомесячным задержкам зарплаты, пенсий и пособий. Продолжалось строительство "финансовых пирамид". Экспортируя по бросовым ценам сырье, "новые русские" ввозили потребительские товары, которые продавали по спекулянтским

ценам. Сразу после переворота 1993 г. в США и Израиль через подставные фирмы был вывезен почти весь государственный фонд алмазов. Средства, вырученные от подобных сделок, оседали на счетах в зарубежных банках, вкладывались в покупку недвижимости в Испании, на Лазурном берегу Франции и т. п. Россия, как и до Октября 1917 г., была втянута в долговую кабалу. Прекрасно зная о коррупции, пропитавшей все поры ельцинского режима, транснациональные банки давали ему кредиты, чтобы как можно крепче привязать страну к мировой капиталистической системе.

В то же время в сфере производства преобладали отношения государственно-капиталистические со многими пережитками социализма. Олигархия не могла подчинить ее себе, не разрушив этих отношений. Поэтому основным содержанием пятого этапа контрреволюции стал разгром промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, образования, здравоохранения путем отказа в финансировании, кабальных займов, организованных банкротств, скупки предприятий иностранным и криминально-компрадорским капиталом с целью их закрытия или перепрофилирования и т. п. Многие миллионы людей были лишены возможности трудиться по специальности и из рабочих, инженеров, ученых насильственно превращены в мелких торговцев, “челноков”²⁵ и т. п. Сотни тысяч высококвалифицированных специалистов покинули страну. Процесс маргинализации приобрел невиданные масштабы. Возникла целая социальная группа обездоленных, лишенных крова и средств к существованию. Значительная часть общества, особенно молодежи, была втянута в болото преступности, проституции, наркомании. Началось вымирание русского и других народов страны: с 1992 г. смертность превышает рождаемость.

В конце 1994 г. была развязана так называемая первая чеченская война. Исторические предпосылки чеченского конфликта - тема особого исследования. Скажем лишь, что по ряду причин “теневая экономика” получила в Чечне такое развитие, как нигде в России. “Демократы” сумели обработать служившего в Прибалтике генерала-чеченца Д. Дудаева и поставить его во главе движения за “независимость” Чечни. Сразу после августа 1991 г. это движение захватило власть, свергнув Советы. Российские “демократы” закрыли глаза на воцарившийся в Чечне террор, насилие над всеми неудобными, особенно над сотнями тысяч живших там русских. По указанию из Москвы Дудаеву было передано вооружение воинских частей, дислоцированных в Чечне. Ельцину надо было во что бы то ни стало противопоставить Дудаева другому популярному чеченскому деятелю, главному противнику сепаратизма - Р. Хасбулатову. Именно Дудаев уже летом 1993 г. устроил генеральную репетицию ельцинского переворота - разогнал законодательное собрание Чечни и расстрелял митинг его сторонников. Обещая превратить Чечню во второй Кувейт, он превратил ее во внутреннюю оффшорную зону, место отмывки криминальных капиталов со всей России.

После октября 1993 г. надобность в Дудаеве отпала, и ельцинский режим попытался отделаться от него. Поддержать чеченскую оппозицию по-настоящему он не хотел и не мог - за нею опять маячил Хасбулатов. Оставалось компенсировать политическую неспособность военной силой. В декабре 1994 г. министр обороны Грачев продемонстрировал свои военные дарования, двинув танки на улицы Грозного, где боевики спокойно расстреливали их с заранее подготовленных позиций. Затем был пущен в ход специфически американский метод - ковровые бомбардировки, от которых гибло прежде всего мирное население. Когда сепаратисты были загнаны в горы и близки к полному поражению, “демократические” СМИ в Москве начали всю обличать жестокости войны. Виновными у них выходил, конечно, не Ельцин и его окружение, а военные. “Демократы” все еще не считали армию своей, видя в ней потенциальную союзницу левых сил. Поэтому они, как и во времена Горбачева, стремились к ее максимальному ослаблению и дискредитации.

На таком фоне в конце 1995 г. прошли выборы в Думу. Исход их поразил “демократов”, как гром среди ясного неба. В ночь после голосования в пресс-центре уже шел пир горой в ожидании неизбежного, как казалось “демократическим” журналистам, триумфа. Когда на экране появились предварительные итоги выборов, один телекомментатор истерически закричал: “Россия, ты одурела!”

Крупнейшей в Думе стала фракция КПРФ. На второе место вышла популистская Либерально-демократическая партия во главе с В. Жириновским, изображавшим себя ярким патриотом. Наспех сколоченная под началом Черномырдина “партия правительства”, носившая нелепое название “Наш дом - Россия”, заняла третье место. Коалиция левых компартий “Коммунисты - Трудовая Россия за Советский Союз”, по официальным данным, получила 4,5% (на самом деле, вероятно, больше 5%,

необходимых для получения депутатских мандатов, но данные были фальсифицированы, чтобы не пропустить левых в Думу).

Выборы показали, что ельцинский режим снова переживает кризис и на гребне массового недовольства народа оказалась КПРФ. Лидеры партии сочли это доказательством правильности своей, и только своей, идеологии и политики. Они всерьез вознамерились победить на президентских выборах 1996 г., тем более, что опросы общественного мнения показывали падение рейтинга Ельцина до 2%. Вся деятельность партии была подчинена поддержке кандидатуры Зюганова. Был создан оппозиционный блок “Народно-патриотический союз России” (НПСР), куда вместе с КПРФ вошли Аграрная партия во главе с М. Лапшиным и движение “Народовластие”, руководимое экс-премьером Рыжковым. И те, и другие мало кого представляли; чтобы создать их фракции в Думе, КПРФ пришлось делегировать часть своих депутатов. Набрать недостающие до абсолютного большинства голоса предполагалось путем максимального расширения круга союзников, причем только в одну сторону - вправо. К НПСР примкнули сомнительные группировки, например, “Духовное наследие” (подозрительно похожее названием на мозговой центр правых республиканцев США) во главе с профессором Российско-американского университета А. Подберезкиным, отдельные сомнительные деятели вроде С. Говорухина. Они претендовали на роль идеологов оппозиции, хотя практически не имели за собой избирателей. Зюганов и его окружение всячески стремились перетянуть на свою сторону даже активных участников переворотов 1991-1993 гг., таких, как мэр Москвы Ю. Лужков и генерал А. Лебедь. Что об этом подумают левые избиратели, никого не волновало: считалось, что они в любом случае проголосуют за Зюганова. При таком курсе левые компартии превращались в досадную помеху, отпугивающую умеренных союзников.

Руководители оппозиции в очередной раз недооценили противника. Сразу после думских выборов вся мощь официозных СМИ была направлена на рекламу “своих” кандидатов - не только Ельцина, но и Лебеда. Ближе к выборам города были оклеены плакатами с изображением храброго генерала и словами: “Одну войну я уже прекратил”. Имелось в виду, что Лебедь прекратил войну в Приднестровье и может прекратить войну в Чечне. Мало кто знал, что война в Приднестровье прекратилась до его назначения, а он отличился только интригами против руководителей республики. На другом плакате, украшавшем чуть не каждую улицу Москвы, обменивались рукопожатием Лужков и Ельцин, а надпись гласила: “Москвичи свой выбор сделали”.

Приняв навязанный ей стиль предвыборной кампании, оппозиция пыталась конкурировать с режимом на поприще демонстрации спортивных и танцевальных навыков кандидатов, а не соревнования идей и принципов. Меньше чем за три недели до выборов НПСР опубликовал свою программу - огромный наукообразный документ, набранный мельчайшим шрифтом. Кто мог дочитать его до конца, узнавал, что блок “признает всю законную собственность новых владельцев” и намерен “исходить из многоукладности российского сельского хозяйства... при ограничении права купли-продажи земли сельскохозяйственного назначения”. Возникал естественный вопрос: стоит ли менять коней на переправе, если оппозиция предлагает почти то же самое, что действующий президент?

По итогам первого тура (16 июня) Ельцин и Зюганов получили немногим больше 30% каждый, Лебедь - 15%. За Зюганова голосовали черноземные области с крепким сельским хозяйством и научно-промышленные центры: для тех и других “реформы” были губительны. Ельцин и Лебедь получили большинство, во-первых, в привилегированных анклавах (Москва, Петербург, Екатеринбург, области добычи нефти, морские порты), снимающих сливки с экспорта сырья и импорта западной продукции; во-вторых, в бедных областях Нечерноземья, где и город, и деревня сильно маргинализированы; в-третьих, в отдаленных северных и восточных районах, где люди почти лишены информации и где легче всего фальсифицировать итоги голосования. Кроме того, за Ельцина, видимо, проголосовали и “узники психушек”, которым он дал право участвовать в выборах.

Сразу после первого тура Лебедь был введен в аппарат президента и призвал своих сторонников поддержать Ельцина. Оппозиция также пыталась расширить свой электорат, но делала это таким путем, который мог привести скорее к обратным результатам. Зюганов огласил принципы формирования “правительства народного доверия” в случае победы. Его идейной основой мыслился “пакт о национальном согласии”, имевший целью защитить национальное производство всех форм собственности, обеспечить эволюционный путь социально ориентированных реформ, “который не

раскалывает общество на горстку богатых и море бедных и не ведет к гражданскому противостоянию” (как будто все это не стало уже свершившимся фактом). В этот пакт по-прежнему зазывали Лужкова и региональных деятелей вроде президента Башкирии М. Рахимова. Последний, однако, предпочел собрать глав районных администраций и пригрозить прекратить строительство жилья, газопроводов и закрыть всякое финансирование районов, где Ельцин не одержит победу во II туре. То же самое было в Татарии, Дагестане и многих других “субъектах федерации”, где в первом туре лидировал Зюганов, а во втором вдруг вышел вперед Ельцин. По официальным данным II тура, его перевес в целом по стране составил 13%. Позднее Зюганов говорил, что КПСР знал о фальсификации выборов, однако решил признать их результаты, чтобы избежать конфронтации.

Сразу после второго тура Ельцин предложил включить в правительство “широкий спектр политических сил”. Видимо, на это и надеялись лидеры оппозиции, особенно такие, как Подберезкин и Лапшин. Расширение спектра, однако, ограничилось назначением упомянутого выше генерала Родионова министром обороны и А. Тулеева - на номинальную должность министра по делам СНГ. Решать они ничего не могли (стоило Родионову выразить обеспокоенность положением армии, как он тут же был снят), но оппозиция в какой-то мере разделила ответственность за политику правительства Черномырдина. Что еще хуже, фракции КПРФ и ее союзников несколько раз голосовали за правительственные проекты бюджета после того, как сами же называли их антинародными. При этом ссылались на то, что иначе Ельцин разгонит Думу, хотя при таких условиях досрочные выборы наверняка дали бы КПРФ еще больше голосов. Но ее руководство предпочитало дожидаться выборов 2000 г., а пока продвигать “своих” людей на должности губернаторов. Оно поддержало, например, Руцкого, пожелавшего стать губернатором Курской области. У местных коммунистов был свой кандидат, но он по требованию Зюганова снял свою кандидатуру, обеспечив Руцкому победу. Сев в губернаторское кресло, экс-вице-президент забыл о всякой оппозиционности и стал ревностно поддерживать Ельцина. Курская область превратилась в кормушку для родни и приближенных Руцкого. Такого разгула коррупции, как там, не было почти нигде.

Укрепив свои позиции, ельцинский режим попытался выпутаться из войны в Чечне и вознаградить сепаратистов за поддержку на выборах (они требовали голосовать за Ельцина под угрозой расправы). Переговоры вел Лебедь. По условиям соглашения федеральные войска были из Чечни выведены и там состоялись “свободные” выборы. Победил, конечно, лидер сепаратистов Масхадов, сменивший убитого Дудаева. В Чечню, считавшую себя независимой, стали вкладываться федеральные средства “для восстановления разрушенного”. На самом деле была восстановлена и расширена “офф-шорная зона”, через которую и эти средства, и другие капиталы утекали в неизвестном направлении.

Российская армия была глубоко оскорблена тем, что ее лишили уже одержанной победы. К тому же с 1992 г. в угоду МВФ было урезано бюджетное финансирование как армии, так и оборонной промышленности. Месяцами задерживали не только зарплату рабочим и инженерам, но и жалованье офицерам. Хамское обращение с армией сходило властям с рук только потому, что военные еще меньше, чем народ в целом, были готовы к самостоятельной политической активности - таких традиций в истории России не было со времен декабристов. Тем не менее, чаша терпения начала переполняться. В 1997 г. было создано Движение в поддержку армии и оборонной промышленности. Его возглавил генерал Л. Рохлин - участник войны в Чечне, один из немногих командиров, старавшихся избегать бессмысленных потерь. Раньше он принадлежал к “Нашему дому - России”, но теперь стал переходить на все более радикальные позиции.

Не меньше оснований для недовольства было и у другой силовой структуры государства - органов государственной безопасности. “Демократы”, питавшие к ним особую ненависть, в августе 1991 г. хотели устроить штурм здания КГБ; вероятно, многие были бы рады уничтожить компромат на себя. Но спровоцировать его сотрудников не удалось даже демонстративным демонтажом памятника Ф.Э. Дзержинскому прямо под окнами КГБ. Пришлось ограничиться чисткой ненавистного ведомства и отделением от него службы внешней разведки и пограничных войск. При Ельцине органы госбезопасности еще несколько раз реорганизовывали; то, что осталось, получило название Федеральной службы безопасности (ФСБ). Под шумок “демократы” не забывали делиться - надо думать, не бескорыстно - с “друзьями” из посольства США многими секретами КГБ. Ясно, как должны были относиться к происходившему профессионалы разведки и контрразведки. Многие ушли, не желая

служить интересам новых “хозяев жизни”; другие вроде бы выполняли приказы об охране режима от своего народа, но усердия не проявляли, а по возможности прикрывали оппозицию. Например, в октябре 1993 г. бойцы антитеррористического подразделения “Альфа” имели приказ уничтожить защитников Дома Советов, но вместо этого помогли им уйти из осажденного здания. Не доверяя армии и ФСБ, Ельцин встал на испытанный многими диктаторами путь - принялся создавать параллельные силовые структуры и разжигать соперничество между ними. Войска Министерства внутренних дел (МВД) были значительно увеличены, получили новое вооружение и боевую технику. То же самое произошло с формированиями Министерства по чрезвычайным ситуациям.

Недовольство режимом, проявлявшееся в силовых структурах, усиливало оптимистическое настроение оппозиции. Ей казалось, что режим чужероден (в оппозиционной прессе его называли оккупационным), народ и даже государство враждебны ему.

Имея вместе с союзниками более трети голосов в Думе, КПРФ не могла, конечно, проводить там свои законопроекты, но могла блокировать неприемлемые. Ей удалось сорвать приватизацию сельскохозяйственных земель, которая лишила бы крестьян земли; жилищно-коммунальную реформу, которая оставила бы без крова очень многих горожан. Эти достижения оппозиции поддержали в народе ее престиж, а лидерам вскружили головы. Им стало казаться, что дни ельцинского режима сочтены. Зюганов, по-прежнему избегая слова “революция”, на митингах заявлял, что оппозицию поддерживает 90% народа и режим рухнет не то к 9 мая, не то к 7 ноября. Примерно так же были настроены лидеры национал-патриотов и левых компартий. Однако, слова не подкреплялись делами. Митинги не могли уже играть той мобилизующей роли, как в 1991-1993 гг., а новых форм организации трудового народа создано не было. Размножались делением лишь сами оппозиционные партии, но их активистов не становилось больше.

Весной 1998 г. Ельцин внезапно отправил в отставку кабинет Черномырдина. Формировать новое правительство президент поручил молодому “реформатору” С. Кириенко - комсомольскому функционеру горбачевских времен, прошедшему выучку у “сайентологов” школы Р. Хаббарда, которую в Европе считают тоталитарной сектой. Всем было ясно, что к власти возвращаются прозападные неолибералы чистейшего образца. Казалось бы, оппозиции настало время проявить свой радикализм на деле. Однако, все под тем же предлогом - не давать повода для роспуска Думы - фракции КПРФ и ее союзников утвердили кандидатуру Кириенко.

2 июля 1998 г. страну облетела весть об убийстве генерала Рохлина. Это было далеко не первое убийство известного стране человека, но бесспорно самое громкое за годы после победы “демократии”. Если из предыдущих *ни одно* не было расследовано, то теперь страну сразу оповестили: генерала убила жена. Правда, в первые дни в печать просочились и другие версии; в частности, под подозрение бралась ФСБ. Но вскоре разговоры на эту тему смолкли, как по команде. Ни Дума, ни оппозиционная пресса даже не пытались начать собственное расследование или хотя бы вступить за женщину, которую вопреки закону назвали убийцей до следствия и суда.

11. На распутье

Через полтора месяца эхо выстрелов заглушил грохот финансового обвала. 17 августа премьер Кириенко объявил страну банкротом. Рухнула самая большая финансовая пирамида под названием “Государственные казначейские обязательства” (ГКО). Режим Ельцина финансировал свою предвыборную кампанию 1996 г. и прочие текущие расходы примерно тем же способом, что глава МММ С. Мавроди - свою фирму. На мировые финансовые рынки выбрасывались ГКО. Покупателям были обещаны немислимо высокие дивиденды, долго выплачивать которые возможности не было. Очевидно, Черномырдина затем и убрали с поста премьера, чтобы вывести из-под удара: крушение “пирамиды” близилось. Как водится у мошенников, узкий круг “своих людей” был оповещен заранее и имел возможность спасти капиталы. Но большинство вкладчиков из “новых русских” помельче потеряли все. Множество коммерческих банков лопнуло; без работы остались тысячи молодых маклеров и брокеров, уже считавших себя хозяевами новой русской жизни. Но пострадали не только и не столько они. Рубль пришлось девальвировать, и за несколько дней цены подскочили в несколько раз. Уровень жизни большинства народа, и без того отброшенного “демократами” на грань нищеты,

упал примерно вдвое. Недовольны остались и зарубежные вкладчики, хотя они, в отличие от российских, знали, на что идут. Ельцин и его окружение начали терять поддержку за рубежом, тем более, что главному его покровителю - президенту Клинтону - угрожал импичмент. Прокуратура Швейцарии и США впервые заинтересовалась финансовыми делами приближенных российского президента.

Социальная база режима внутри страны тоже сузилась. До сих пор его поддерживала прежде всего та часть населения, которая прямо или косвенно наживалась на экспорте сырья и импорте западных товаров. Теперь девальвация рубля удорожила импорт и впервые сделала выгодным производство многих товаров в России.

С августа 1998 г. очередной кризис режима перерастает в кризис контрреволюции. Поскольку условий для революционного выхода из этого кризиса в стране не было, он мог разрешиться либо отливом контрреволюции, сдвигом политического маятника к центру или даже левее центра, либо переходом к реакции. Какая из этих возможностей будет реализована - зависело от конкретного соотношения политических сил.

Кириенко был отправлен в отставку. Ельцин пытался вернуть на должность премьера Черномырдина, но Дума трижды отвергла его. Президенту пришлось вступить в переговоры с оппозицией. Так возникла кандидатура дипломата и ученого-востоковеда Е. Примакова. В первые годы "демократии" он руководил Службой внешней разведки, а затем был министром иностранных дел. Выдвижение Примакова означало начало реализации первой возможности.

КПРФ и ее союзники вторично оказались на гребне событий. Президент не мог обойтись без их голосов, и они могли бы твердо обусловить свою поддержку внесением поправок в Конституцию, превращением Думы в полноправный парламент с правом контроля над деятельностью исполнительной власти или хотя бы ограничением права президента отправлять правительство в отставку без согласия Думы. Но лидеры КПРФ вновь дали себя запугать роспуском Думы, хотя в тот момент Ельцин вряд ли мог себе это позволить: досрочные выборы дали бы еще более радикальную Думу. Возможно, этого-то и опасались не только Ельцин, но и лидеры умеренной оппозиции. Зюганов говорил, что страна на краю пропасти и надо срочно спасать ее, а для этого входить в правительство (как будто иной возможности "спасать страну", как вхождением во власть, эту страну губившую, у партии нет). КПРФ поддержала кандидатуру Примакова, не получив никаких конституционных гарантий компромисса. Не было даже заключено межпартийного соглашения. Примаков подчеркивал, что правительство не является коалиционным. Член КПРФ Ю. Маслюков был назначен министром промышленности, но лишь "как специалист". Впрочем, за те несколько месяцев, которые он занимал эту должность, в экономике действительно произошли заметные сдвиги к лучшему. Сказались объективные процессы: замещение импорта, рост мировых цен на нефть и газ, а также профессионализм и честность старых кадров.

Первые успехи правительства Примакова вызвали у лидеров КПРФ восторг. "Правда" сравнивала его с коалиционным правительством, которое в 1917 г. предлагал Ленин. В оппозиционных кругах распространились иллюзии, будто Примаков - скрытый коммунист и страна начинает возвращаться на путь социализма. Однако, практика вскоре показала, что президент тормозит многие мероприятия правительства, особенно по борьбе с коррупцией. Тогда КПРФ решила начать кампанию по импичменту президента, хотя шансов на успех практически не было: по ельцинской конституции даже две трети голосов за импичмент позволяют думе лишь поставить вопрос в Конституционном суде, а Ельцин еще в октябре 1993 г. заставил негодных ему судей уйти в отставку, так что рассчитывать на его объективность не приходилось. Тем не менее, вся деятельность партии на несколько месяцев была сосредоточена на этой кампании. Упор делался на физическую недееспособность президента. Целые страницы оппозиционных газет посвящались доказательству того общеизвестного факта, что страной управляет хронический алкоголик. Руководство КПРФ давно уже подменило борьбу против социального строя борьбой против режима, теперь и режим по существу подменялся фигурой одного потерявшего человеческий облик пьяницы. Другим излюбленным коньком многих оппозиционных деятелей, в том числе считавших себя коммунистами, стала тема еврейского засилья в окружении президента. Классовая характеристика "олигархов" подменялась этнической.

Одновременно руководство оппозиции зондировало почву в западных столицах, где разгорался скандал вокруг финансовых махинаций лиц из окружения Ельцина. Зюганов прямо заявлял, что “правительство народного доверия” сможет выплачивать внешний долг лучше, чем коррумпированный режим Ельцина, а также создаст более выгодные условия для иностранных инвестиций. Значительная часть фракции КПРФ поддержала “соглашения о разделе продукции” предприятий добывающей отрасли - самую кабальную форму отношений с иностранным капиталом, при которой он получает львиную долю добытого сырья без инвестиций в разведку и эксплуатацию месторождений. Было поддержано и невыгодное России соглашение по стратегическим вооружениям. Но тут разразился балканский кризис, и все попытки найти союзников на Западе пошли прахом.

По конституции в случае отставки президента власть переходит к премьеру, и дело с импичментом выглядело так, будто Примаков ведет подкоп под Ельцина. Премьер решительно отмежевался но это не помогло. В мае 1999 г. президент отправил правительство в отставку. Зюганов ранее обещал, что в таком случае оппозиция выведет народ на улицы, но этого не произошло. Через несколько дней законопроект об импичменте провалился, не набрав требуемого числа голосов. Оппозиция была деморализована. Президент поручил формировать правительство бывшему министру внутренних дел Степашину. Самым значительным событием в его жизни была защита диссертации о партийно-политической работе среди пожарных. Фракция КПРФ послушно проголосовала “за”.

Обиженный на КПРФ Примаков решил создавать свою партию. Не имея достаточно денег, он решил объединиться с Лужковым, а затем к ним примкнули несколько президентов республик. Так летом 1999 г. возникло движение “Отечество - вся Россия”, претендующее на роль левоцентристской оппозиции. Претензии эти были более чем уязвимы. Всем известно, что Москва, управляемая Лужковым, концентрирует 80% банковского капитала и *всей Россией* справедливо воспринимается как эксплуататор. Новые союзники Примакова и Лужкова: М. Шаймиев (Татарстан), М. Рахимов (Башкирия), Р. Аушев (Ингушетия) - славились тем, что по совету Ельцина всю “глотали суверенитет”. Они вводили собственные законы вразрез с федеральными (Аушев даже разрешил законом двоеженство), довели до абсурда привилегии “титულных наций”, бесцеремонно фальсифицировали выборы в свою пользу и в пользу Ельцина. Такой “левоцентризм” вряд ли мог надеяться на симпатии народа. Он с полным основанием воспринимался как еще одна угроза единству федерации.

Через считанные дни эта угроза материализовалась. В Дагестан из Чечни вторглись отряды боевиков - исламских фундаменталистов. Они рассчитывали на поддержку ваххабитов, которые еще несколько лет назад ввели в нескольких аулах порядка “исламской республики”. Степашин в бытность министром побывал там и во всеуслышание заявил, что оснований для беспокойства нет.

Кавказский кризис вызвал смену правительства. Премьером был назначен В. Путин. Вскоре Ельцин объявил его своим преемником. Тех, кто знал основные вехи его биографии, многое настораживало. Он отвечал за внешние связи в правительстве Ленинграда-Петербурга при Собчаке. В июле 1998 г. он возглавил ФСБ, вскоре отличившееся высылкой из России курдского лидера Оджалана. Но такие детали теперь мало кого интересовали.

Путин выступил за решительный разгром боевиков, и это получило поддержку не только в Думе, но и в народе. Конечно, в любой другой стране вчерашнего руководителя спецслужбы прежде всего спросили бы: как могло случиться, что боевики застали всех врасплох? Но в России народ веками привык, если на Родину напали, ни о чем не спрашивать, а браться за оружие и воевать. Теперь же людям, и особенно военным, почудилось, что кончается унизительная сдача позиций и власть начинает защищать страну. Почти никто не задумывался, кому нужна эта война и каковы могут быть ее последствия. Первую чеченскую войну КПРФ характеризовала как несправедливую с обеих сторон, теперь ничего внятного не говорилось, а оппозиционная печать поддерживала действия властей.

Боевики не получили поддержки в Дагестане. Наоборот, народ взялся за оружие и дал им отпор. Даже ваххабиты не присоединились к ним. Руководители северокавказских республик пытались избежать расширения войны и добиться разоружения экстремистов мирным путем. Но тут начались взрывы домов в Москве и Волгодонске. Раньше бомбы рвались только на далеком Кавказе, а теперь московский обыватель впервые почувствовал дыхание войны у своего порога. Никто - ни в Думе, ни вне ее - теперь и подавно не задавал ФСБ законных вопросов. По Москве расклеили листовки с фотороботом лиц “кавказской национальности”, о которых до всякого судебного разбирательства

говорилось как о виновниках взрывов. (Между прочим, дело до сих пор не расследовано, и кто на самом деле совершил преступления, покрыто мраком). Кремль мог беспрепятственно применять на Кавказе силу. Все планы переговоров пресекались одним доводом: “Какие могут быть переговоры с террористами, убийцами мирных людей?”

Аулы, где укрепились ваххабиты, были взяты штурмом. Затем началась вторая чеченская война. Опять бомбили Грозный, опять его штурмовали. Правда, теперь воевали не так бездарно, как в первый раз. Главное же - изменилось отношение к войне в обществе. Власть использовала вековую установку народа: врага, напавшего на рубежи Родины, надо добить в его логове. Шум, поднятый на Западе вокруг событий на Кавказе, после бомбежек Сербии лишь усиливал впечатление агрессии, которую надо остановить любой ценой. Иначе вели себя и российские правые. Они больше не шумели о нарушении прав человека в Чечне, не поливали армию грязью, а, наоборот, изображали себя самыми большими патриотами. Отношение “новых русских” к государственной власти изменилось. Они больше не боялись этой власти, а их политические представители стремились сплотиться вокруг нее. Новая буржуазия впервые проявила себя как сложившийся класс.

В декабре 1999 г. предстояли выборы в Думу. Им, как водится, предшествовала кампания в СМИ с обливанием неугодных всяческой грязью. Но главной мишенью теперь была не КПРФ, а ОВР, в первую очередь Примаков. Телевидение изображало его чуть ли не сообщником чеченских террористов. Цель была достигнута: ОВР получила только 12%. Но и позиции КПРФ ослабли. Попутчики, которых Зюганов так долго приманивал, отошли от него. Лапшин сначала увел часть Аграрной партии в ОВР, затем стал искать подходы к Путину. “Духовное наследие” пошло на выборы отдельным списком, заняв последнее место (0,1%). КПРФ, как и раньше, не договорилась с левыми компартиями о едином списке; впрочем, и они сами не смогли преодолеть разногласия, из которых самым актуальным было отношение к Сталину, и пошли на выборы несколькими списками. Отдельно шло и Движение в поддержку армии - в НПСР решили, что так можно набрать больше голосов. Вышло наоборот: никто из левых, кроме КПРФ, в Думу не прошел. Оппозиция лишилась блокирующего пакета мандатов. На первое место вышла новая “партия власти”, сколоченная перед самыми выборами и неопределенно названная “Единство”. Неофициально ее называют “Медведь” - таков был ее символ на плакатах и бюллетенях.

Развивая успех, режим сделал ловкий ход. В канун 2000 г. Ельцин вместо новогоднего приветствия объявил о своем уходе с поста президента и передаче полномочий Путину. Президентские выборы были перенесены с июня на март. Уход любимого президента оказался для большинства граждан лучшим новогодним подарком. Что же касается оппозиции, то она не только лишалась времени на развертывание предвыборной кампании. КПРФ и ее поредевшие союзники окончательно попадали в ловушку, обнаружившуюся уже на думских выборах. Лозунги, под которыми они выступали почти 10 лет, оборачивались против них. Вы упирали на “государственный патриотизм” - вот вам, пожалуйста, и.о. президента, который не только словом, но и делом борется за целостность державы. Вы выступали за твердую власть - вот вам ее олицетворение. Вы клеймили коррупцию - он обещает решительно бороться с ней. Вы отождествили режим с впадающим в маразм алкоголиком - перед вами здоровый, в расцвете лет кандидат в президенты, на досуге занимающийся не выпивкой, а дзюдо. В довершение всего Путин избегал крикливого антикоммунизма в духе 1996 г., при каждом удобном случае подчеркивал, что в советское время было много хорошего. По телевидению показывали советские фильмы, правда, в такое время, когда смотреть их могли в основном пенсионеры.

Наглядно обнаружилось, что в идеологии “государственного патриотизма” нет ничего социалистического, и господствующий класс вполне может взять ее на вооружение. Конечно, если бы левые силы целенаправленно выступали против капиталистического строя, разъясняли народу, что никакой “добрый царь” не в силах изменить классовый характер власти, официальной пропаганде было бы труднее добиться своих целей. Но поскольку этого никто, кроме малочисленных левых компартий, не делал, массами овладела иллюзорная надежда на “хорошего президента”. Ничему не помешало ни то обстоятельство, что к Путину примкнули почти все правые; ни то, что при нем “новые русские” начали утверждать свои права на предприятия вооруженной силой (в Выборге ОМОН стрелял по рабочим); ни то, что уже в ходе предвыборной кампании новая Дума приостановила целый пакет социальных законов, принятых Думой предыдущего созыва. Второго тура выборов не понадобилось. Правда, в оппозиционной прессе сообщалось о грубой фальсификации, особенно все в тех же

Татарстане, Башкирии, Ингушетии (их президенты успели перебежать от Примакова к Путину), Дагестане. Но эта тема была быстро свернута.

Путин еще не был избран, когда руководство большинством думских комитетов поделили КПРФ и “медведи”. При этом первые не посчитались с вчерашним партнером Примаковым, а вторые - с другими правыми фракциями, которые изо всех сил поддерживали на выборах Путина. Председателем Думы стал один из руководителей КПРФ - Г.Н. Селезнев. Это соглашение в очередной раз посеяло иллюзии среди оппозиционеров. Селезнев стал создавать общественное движение “Россия”, которое считает себя левоцентристским, но при этом заявляет о поддержке президента. Оппозиционная пресса вместо того, чтобы требовать расследования фальсификации выборов, с ходу заговорила о “президенте, избранном народом” и принялась искать с ним точки соприкосновения на поприще “государственного патриотизма”.

12. Реакция

События 1999-2000 гг. знаменовали вступление России в новый этап. Задачи контрреволюции были в основном выполнены. Сложился новый господствующий класс. Он заинтересован в переходе от разрушения социалистического общества к целенаправленному формированию капиталистических отношений, прежде всего в сфере производства. Это уже задача не контрреволюции, а следующей за ней *реакции*. Она может быть решена двумя путями: либо путем консолидации господствующего класса, укрепления капиталистического государства и интеграции его как целого в мировую капиталистическую систему; либо путем перехода основных средств производства из рук местной олигархии непосредственно в руки ТНК, расчленения России подобно тому, как были расчленены СССР и Югославия, и включения ее обломков в эту систему в качестве сырьевых придатков. За каждым из путей стоят интересы определенных классовых групп. Борьба этих тенденций определяет основные направления внутренней и внешней политики.

В частности, правящий режим совершил крутой поворот от “парада суверенитетов” к централизации. Уже вскоре после вступления в должность президента Путин издал указы, меняющие структуру органов власти. Над губернаторами и президентами республик поставлены семь представителей президента. Они напоминают генерал-губернаторов и наместников царских времен, тем более, что подобраны из генералов армии и ФСБ (единственное исключение - экс-премьер Кириенко). Кроме того, в Совете Федерации должны теперь заседать не сами губернаторы, а их представители. Впрочем, губернаторов привлекли к консультациям с федеральным центром, создав для этого не предусмотренный конституцией Государственный Совет. Приведет ли все это к каким-либо результатам, кроме роста числа чиновников, пока не ясно. Очевидно лишь одно: центральная власть наконец потребовала от местных царьков привести “суверенные” законодательства в соответствие с общероссийским; суды начали рассматривать самые вопиющие злоупотребления. Например, Рущкой был отстранен от губернаторских выборов за нарушение избирательного законодательства.

Эти попытки укрепления центральной власти можно было бы считать более или менее прогрессивными, если бы одновременно федеральный центр не навязывал регионам такую социально-экономическую политику, которая разрушает страну хуже всякого сепаратизма. Во главе правительства поставлен М. Касьянов - бывший представитель России в международных финансовых организациях. Приоритет номер один этого правительства - выплата огромной внешней задолженности. Выплачивать ее будут не за счет олигархов, которые присвоили западные займы и тем создали этот неоплатный долг. Наоборот, эти господа, вроде долларового мультимиллионера Березовского, теперь платят - если платят - те же 13% подоходного налога, что и последний бедняк. Затягивать пояса предстоит народу, большинство которого и так бедствует.

В основу правительственной программы положены разработки аналитического центра Г. Грефа (сам он стал министром экономики) - неолиберализм значительно более жесткий, чем у Гайдара и Чубайса. Этим центром предусмотрена приватизация земли и лесов (правда, президент и премьер пока уходят от четкого выражения своей позиции на этот счет). Идет подготовка к дальнейшей приватизации и расчленению “естественных монополий”: “Газпрома”, железных дорог и Единой энергосистемы. Целые города уже сейчас отключают от электроснабжения за неплатежи. Программа предусматривает

фактический переход к платному образованию в вузах и старших классах школы, а также жилищно-коммунальную реформу, которая заставит жильцов самих оплачивать бóльшую часть, а в перспективе - все расходы на содержание жилья, снабжение водой, теплом, электричеством и т. п. При нынешнем уровне зарплат и пенсий у них не останется денег ни на что другое. Предполагать, что уровень повысится, нет оснований: для того, чтобы помешать трудящимся отстаивать свои права, правительство намеревается ввести новый Кодекс законов о труде. Им предусматривается наем по краткосрочным контрактам без ограничения, право хозяина привлекать занятых к сверхурочным и ночным работам без различия пола и возраста, увеличение рабочего дня до 12 часов - правда, с согласия работника, но ведь известно, как можно получить такое согласие. Деятельность профсоюзов на предприятиях будет фактически запрещена - хозяин получит право увольнять профсоюзных активистов без санкции профсоюза.

Таким образом, переход от контрреволюции к реакции не означает завершения *реставрации*. Наоборот, только сейчас правящий класс смог позволить себе наступление на *основные* социальные завоевания советского периода, затрагивающее повседневную жизнь десятков миллионов.

Вместе с тем, властям необходимо какое-то идеологическое прикрытие. “Демократические”, точнее, буржуазно-либеральные, идеи дискредитировали себя в рекордно короткий срок. Социал-демократические идеи режим не может себе позволить, а если бы и смог - у нас не найти приличных выразителей идей социального партнерства. Достаточно сказать, что на эти роли претендуют Горбачев и Попов. Остается перехватить лозунги оппозиционных национал-патриотов и пустить их в дело уже от имени власти. Этим будут убиты два зайца: режим Путина отмежует от одиозного ельцинского режима и сможет снискать поддержку значительной части оппозиции. И в самом деле, Путин уже изображает патриота и этатиста, а его идеологи поспешно раскручивают новый вариант “русской идеи”, подозрительно схожий с известным уже более ста пятидесяти лет принципом “православие, самодержавие, народность”.

В первую очередь, конечно, православие. Согласно Конституции Россия все-таки является светским государством. Однако, по сообщению, как говорится, близких к правительственным кругам источников, в некоторых подразделениях президентской администрации рабочий день начинается с молитвы. В школах вводится преподавание закона божьего. Власти не оставили своим вниманием и Московский Государственный Университет - требуют, чтобы там было введено преподавание богословия, чего не было со дня его основания и по сей день.

Затем - самодержавие. Собор русской православной церкви, прошедший в этом году, канонизировал последнего российского императора Николая II, прозванного в народе Кровавым, и его семейство. В первый день заседаний патриарх Алексий П говорил, что проблема канонизации требует взвешенного подхода и зрелых условий. Под явным нажимом властей условия созрели буквально за несколько дней. Ну, канонизация канонизацией, а реставрация ныне здравствующих Романовых, которые скорее Гогенцоллерны, провалилась. Вместо нее пропагандируется идея “державности” - сильной президентской власти, способной воссоздать влияние и престиж страны на мировой арене. Путин уже делает движения в этом направлении, чем и навлекает на себя неудовольствие некоторых кругов на Западе и одновременно вызывает восторг наших профессиональных патриотов. Чем это кончится - покажет уже недолгое время.

И, наконец, “народность”. Начинает проводиться идея, что “вечная Россия” существовала и под “тоталитарной” властью, что и в советский период все было не так уж плохо, были люди, которые строили и отстаивали державу. Называют имена деятелей государства, инженерии, науки, культуры, которых можно подогнать под эту идею. В обойму попадают маршал Жуков, кинорежиссер Бондарчук, композитор Свиридов и другие. Последнее достижение народности - одобренное Думой и Советом Федерации предложение президента о создании Гимна РФ на музыку Гимна СССР с новыми словами (которые написал Сергей Михалков, автор двух предыдущих вариантов текста) и о принятии красного знамени в качестве знамени Вооруженных Сил. За это власти добились от оппозиции согласия на трехцветный флаг и псевдомонархического орла-мутанта в качестве герба. Открывается сюрреалистическая перспектива: белогвардейско-власовский флаг будут поднимать под музыку Гимна СССР, а война в Чечне или где-нибудь еще пойдет под красным знаменем. И вот за такое примирение и

согласие, которое по ельцинскому еще указу празднуется в годовщину Октябрьской революции, дружно проголосовали не только “медведи” из “Единства”, но и почти вся фракция КПРФ!

Объяснить этот абсурд можно только одним: оппозиция, называющая себя коммунистической, по существу таковой не является. Идеология “государственного патриотизма”, внедряемая ею в общественное сознание прекрасно подходит для необонапартистского лавирования режима - пока не столько между классами, противоречия между которыми еще недостаточно созрели, сколько между советским прошлым и зависимо-капиталистическим настоящим. Последний пример: сразу после “компромисса” по государственной символике Дума отложила рассмотрение правительственного КЗОТа. Создана комиссия с участием правительства и думских фракций, которая будет рассматривать не только правительственный, но и оппозиционный проект кодекса. Конечно, чтобы такие компромиссы хоть к чему-то обязывали власть, оппозиции следовало бы заключать их гласно. Но этого-то и не умеют наши оппозиционеры, привыкшие к аппаратным играм, скрытым от общественности.

Что же касается властей, то, каковы бы ни были их намерения, возможности социально-политического лавирования жестко ограничены зависимостью их самих и страны от империалистических “партнеров”. Экономические, внешнеполитические и военные возможности нынешней России не идут ни в какое сравнение с огромным потенциалом мировой сверхдержавы - СССР. Они ослаблены распадом Союза, сменой общественного строя, разрушением социально-классовой основы могущества страны. Бюджет нынешнего российского государства гораздо меньше, чем годовой оборот таких транснациональных корпораций, как “Майкрософт” и “Дженерал моторс”. Наполнение даже этого скудного бюджета зависит от условий выплаты огромной внешней задолженности, от экспорта нефти и газа в страны НАТО, а жизнь миллионов людей - от импорта продовольствия из США и союзных им стран. Стоит правящему режиму в своих политических маневрах подзабыть об этом, как ему очень неделикатно напоминают - то по поводу гибели подводной лодки “Курск”, то относительно Югославии, то в связи с попытками российского правосудия заняться тем или иным олигархом. Подлинные хозяева капиталистического мира планомерно загоняют правителей России в очень узкий коридор, по которому страна движется к новым испытаниям и социальным потрясениям.

13. Итоги

Было ли общество, возникшее в СССР, социалистическим? Ответ на этот вопрос, вызывающий нескончаемые дискуссии в России и за рубежом, зависит от того, что понимать под социализмом. Если отождествлять его с первой фазой коммунизма, как было принято в советских общественных науках начиная с 30-х гг., то придется прийти к выводу, что такое общество в СССР создано не было и, видимо, в данных исторических условиях создано быть не могло. Но поставить на этом точку, как нередко делается, означало бы понимать социализм как “*состояние, которое должно быть установлено*” или как “*идеал, с которым должна сообразоваться действительность*”. Именно этого, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, не следует делать. Классики марксизма понимали под социализмом и коммунизмом “*действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние*”²⁶.

В дальнейшем произошло уточнение категорий. Классики стали понимать под коммунизмом сравнительно зрелые, бесклассовые, стадии этого процесса, а под социализмом, как правило, - *общественное движение*, направленное на уничтожение разделения общества на классы. Если руководствоваться таким пониманием термина “социализм”, то он, безусловно, применим к советскому обществу 30-80-х гг. При всей своей незрелости оно шло в авангарде “движения, уничтожающего теперешнее состояние”, и наилучшим доказательством этого служит непримиримая

враждебность к нему мирового империализма, триллионы долларов, потраченные на его истощение и подрыв.

В свое время классики марксизма пришли к выводу, что между капитализмом и коммунизмом должен лежать переходный период, и государством этого периода может быть только революционная диктатура пролетариата. История XX века в принципе подтвердила эту идею, но внесла важные поправки. Переходное состояние общества оказалось гораздо продолжительнее, чем представлялось классикам. За переходным периодом в узком смысле последовала целая эпоха *раннего социализма* - вторая, более продолжительная, стадия переходного периода в широком смысле, и определенно не последняя. Вопрос о дальнейших его фазах пока открыт, и его предстоит решить будущему.

Социализм XX века в любом случае мог быть только ранним, незрелым. В конкретной истории незрелость его была усугублена целым рядом обстоятельств.

Во-первых, страны, совершившие раннесоциалистические революции, отставали от центров мировой капиталистической системы по уровню экономического развития. В них не был даже завершен промышленный переворот. В большинстве этих стран, в том числе в России, сохранялись сильные пережитки докапиталистических эпох.

Во-вторых, это отставание уже давно было не столько причиной, сколько следствием сложившегося за столетия *зависимого* положения этих стран в мировой капиталистической системе. Поэтому закономерно, что на первый план выходили задачи преодоления не просто отсталости, но именно зависимости, эту отсталость воспроизводящей. Неудивительно, что ранний социализм XX века существенно отличался от теоретической модели, построенной классиками марксизма, исходившими из прогноза (имевшего в те годы серьезные основания) сравнительно быстрой победы пролетарских революций в основных центрах капиталистической системы.

В-третьих, возникновение и развитие раннего социализма от начала до конца происходило в условиях *революционного* процесса, шедшего первые несколько десятилетий по восходящей, а затем - по нисходящей линии. Такой характер раннего социализма обусловил некоторые его черты, свойственные именно революционным периодам общественного развития. Всякой подлинно народной революции присуще стремление трудящихся немедленно упразднить все формы эксплуатации, угнетения и отчуждения. Поэтому задачи, диктовавшиеся действительным уровнем развития революции и положением раннесоциалистических стран в мире, не могли не переплетаться с задачами собственно коммунистического преобразования общества, условия которого еще не созрели. Отсюда - слабое осознание современниками как тех, так и других задач в их действительном соотношении. Именно это обстоятельство, по-видимому, явилось самым сильным объективным препятствием на пути развития марксистской теории. Отсюда же трагический парадокс: в советском обществе проявились некоторые тенденции, которые в иных исторических условиях могли бы положить начало движению к коммунизму; но, не имея адекватных условий развития, эти процессы из источников силы социализма стали превращаться в факторы его ослабления и кризиса.

*Чтобы в таких обстоятельствах сохранять социалистический вектор развития, требовалась грамотная, гибкая и в то же время принципиальная политика политического авангарда. *Объективная* историческая ситуация предъявляла чрезвычайно высокие требования к *субъективному* фактору революции. К сожалению, в последние десятилетия XX века советское общество в целом и его политическое руководство в особенности не были на высоте этих требований. Такое состояние субъективного фактора было отчасти детерминировано объективными условиями нисходящего развития революции, отчасти же, как всегда бывает в альтернативных ситуациях мировой истории, - вызвано исторически случайными причинами. Последние сыграли важную роль в том, что объективные возможности прогрессивного разрешения противоречий раннего социализма неоднократно упускались, пока не были исчерпаны. С этого момента субъективный фактор превратился в форму проявления сформировавшейся *объективной* контрреволюционной тенденции.

Эта тенденция развивалась в условиях кризиса *революционного*, а не эволюционного процесса. Патерналистские формы социализма, видимо, не успели до конца исчерпать свое прогрессивное содержание и подготовить предпосылки более зрелых форм социализма, как произошло бы в случае сохранения политическим авангардом своих функций и выбора правильной стратегии. *Вопреки "демократическим" и некоторым крайне левым критикам, никакого всеобщего стремления отринуть

социализм не было и в помине. Власть, при которой люди труда впервые освободились от эксплуататоров и открыли для себя достойную человека жизнь, значила для народа так много, что узурпаторам этой власти можно было долго злоупотреблять инерцией доверия. Массы отвергали не социализм, а его буржуазно-бюрократическое перерождение и разрушение сверху. Предпосылок какой-либо *новой* революции в советском обществе не было и быть не могло, ибо объективные задачи раннего социализма не были еще разрешены. Во всемирно-историческом масштабе угрожавшая его жизни болезнь была не старческой, а детской. Поэтому объективной альтернативой контрреволюции было разрешение кризиса при сохранении преемственности социалистического развития - разрешение в этом смысле "реформистское". "Революционные" же лозунги организаторов перестройки могли объективно сыграть только контрреволюционную роль и действительно сыграли ее.

Это стало возможным потому, что сохранялось доверие масс к власти как своей и в то же время гипертрофировалась критика этой власти опять-таки как своей. И то и другое, при отсутствии у нескольких поколений элементарных навыков политической борьбы, позволило контрреволюции успешно манипулировать общественным мнением и одержать победу при невысокой, сравнительно с другими европейскими странами раннего социализма, зрелости своей социальной базы. Что дело обстояло именно так, доказывает, с одной стороны, необычайно сильное *стихийное* противодействие низов и части верхов насильственной ломке раннего социализма - на нее потребовалось более десятилетия; с другой - слабость *организованного* сопротивления контрреволюции, крайне низкий уровень осознания происходящего не только массами, но и идеологами и лидерами.

Контрреволюция в СССР явилась результатом прежде всего *объективных* причин, как социальных, так и международных. Теснейшая взаимосвязь, взаимообусловленность и взаимопереход тех и других отражают качественно новый уровень интернационализации всего мирового развития, при котором становится все менее возможным рассматривать "внутренние" и "внешние" факторы отдельно друг от друга. Вызревание антисоциалистических сил, превращение "контрреволюции в себе" в "контрреволюцию для себя" было значительно ускорено необъявленной войной империалистических сил против социализма. В свою очередь, ослабление социализма изнутри позволяло наращивать экспорт контрреволюции.*

Социальная группа социалистических управленцев, выступавшая гегемоном революции на этапе ее нисходящего развития, уже около 40 лет назад вступила на путь бюрократического перерождения. Это явилось решающей внутренней предпосылкой контрреволюции. Может быть, процесс перерождения и привел бы в конце концов к консолидации некоей "бюрократической буржуазии", которая и возглавила бы контрреволюцию. Но история распорядилась иначе.

В условиях резкого расширения международных связей гегемоном контрреволюции стала не эта социальная группа в целом, а ее часть, втянувшаяся в криминально-компрадорский бизнес. Связанная общностью интересов с набиравшим силу теневым капиталом, эта группа консолидировалась раньше, чем "бюрократическая буржуазия", и с началом "перестройки" сумела захватить инициативу. Воспользовавшись стихийным отторжением бюрократического перерождения большинством советских людей, а также заинтересованностью мирового империализма в устранении конкурентов, неоконпрадоры сумели "вылечить головную боль при помощи гильотины". Был нанесен сокрушительный удар и по социализму, и по тенденции к консолидации "бюрократической буржуазии" в класс-гегемон. Достаточно сказать, что после 10 лет "демократии" под контролем государства в России осталось менее 30% народного хозяйства - меньше, чем в любой развитой капиталистической стране после каких угодно неолиберальных реформ. Намечившееся было ядро нового господствующего класса оказалось расколото самим процессом установления его диктатуры. С тех пор консолидация класса идет не вокруг какого-то одного центра, а вокруг нескольких группировок, оспаривающих гегемонию друг у друга.

Одну из них составляют упомянутые неоконпрадоры, интересы которых связаны прежде всего с банковскими спекуляциями транснационального масштаба. Яркий пример - господа Гусинский и Березовский, вложившие огромные капиталы в разных местах от Украины до Испании, причем, как правило, в офшорные зоны, СМИ и тому подобные сферы, непроизводительные с точки зрения наших сограждан, но самые производительные с точки зрения извлечения прибавочной стоимости. Поскольку

связь неокомпрадоров с национальной экономикой сводится к их паразитированию на ней, они не могут консолидировать вокруг себя кого-либо, кроме высокооплачиваемой obsługi.

Другую группировку можно охарактеризовать как государственный и полугосударственный капитал. Ее возглавляют гигантские, мирового масштаба, корпорации, контролирующие экспорт сырья и необходимую для этого инфраструктуру. Таковы Единая энергосистема, Газпром, система путей сообщения. Они создавались еще при социализме, но теперь используются на сугубо капиталистический манер независимо от числа акций, принадлежащих государству. Капитал того же типа, но помельче калибром, тяготеет не к центральной, а к местной власти. Вокруг каждого президента входящей в РФ республики, губернатора, мэра быстро возникает целое скопление фирм и фирмочек, возглавляемых его родственниками и приближенными. Там, где есть прямой выход на зарубежные рынки, местный "госкапитал" тяготеет к зависимости от центра и естественно проявляет сепаратистские наклонности. Соперничество центра и регионов затрудняет обеим разновидностям "госкапитала" гегемонию, на которую он мог бы рассчитывать по своей доле в экономике.

Еще одна разновидность "хозяев жизни" - предприниматели средней руки, не приближенные ни к московскому, ни к губернскому "двору". Специфика этой социальной группы в сегодняшней России состоит в ее высокой криминализованности. Конкурировать с боссами преступного мира в такого рода бизнесе равнозначно самоубийству. Редкий номер газет обходится без сообщения об отстреле конкурентов. Небезызвестный Быков - уголовный "авторитет" из Красноярского края - сумел такими методами захватить контроль над АО "Сибирский алюминий", рвется в большую политику, и даже центральной власти не так-то просто посадить его на скамью подсудимых.

Особняком стоят высокотехнологичные отрасли, в основном входящие в ВПК. Это - разновидность государственного капитала, но такая, которая не вписывается в складывающуюся структуру *зависимого* капиталистического общества.. Всем остальным группировкам "хозяев жизни" эти отрасли ни к чему - иметь с ними дело сложно, хлопотно, а прибыль в любом случае меньше, чем от экспорта сырья и энергии, не говоря уж о банковских спекуляциях. Поэтому ВПК жизненно заинтересован в том, чтобы государство сохраняло видную (хорошо бы - ведущую) роль в экономике, помогало им пробиваться на мировой рынок, как поступают власти "цивилизованных" стран. Директора оборонных предприятий и НИИ хотели бы перенести на отечественную почву опыт Рузвельта, Кейнса и Эрхарда. Мечтая "приручить" наш "дикий", по их мнению, капитализм, многие из них симпатизируют "народно-патриотической оппозиции" во главе с КПРФ.

Единственной силой, способной на сегодняшний день если не консолидировать, то хотя бы внешне скрепить эти разнонаправленные интересы, "чтобы они не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе"²⁷ (поистине так!), оказалось "государство в собственном смысле". Под аккомпанемент антиэтатистской демагогии неолибералов оно разрослось как никогда - теперь в одной России чиновников чуть не вдвое больше, чем было во всем СССР. Со сменой президента на первый план выдвинулись силовые структуры - ФСБ и армия. Можно было бы видеть в этом очередное проявление тенденции, давно известной в капиталистическом мире, особенно на его периферии. Но есть осложняющее обстоятельство. Как сами силовые структуры, так и ожидания, связываемые с ними разными социальными силами, пришли из советского прошлого и несут на себе его отпечаток. Кадры, воспитанные в советское время, какому бы разложению они ни подверглись в последние 15 лет, - это все-таки не кадры Сухарто или Пиночета. Между тем новоявленная буржуазия ждет от людей в погонах именно пиночетовской политики, а большинство путинского электората - прямо противоположной, чуть ли не сталинской. Это, конечно, помогает правящей группе лавировать, но возможности лавирования обратно пропорциональны возможностям обеспечивать тем самым основные условия капиталистической эксплуатации, и "хозяева жизни" это чувствуют. Показательно, какую истерику устроили буржуазные СМИ по поводу принятия музыки гимна СССР. Власть имущие хотели бы консолидировать под своей эгидой класс имущих частную собственность, но сделать это сложнее, чем когда-либо в истории, и неизвестно, удастся ли вообще.

Над всеми разновидностями российского господствующего класса грозно нависает капитал транснациональный, которому ни одна из них в ее нынешнем виде не нужна. Он готов был терпеть и финансовые махинации неокомпрадоров, и контроль вчерашней и сегодняшней "номенклатуры" над самыми жирными кусками советского наследия, и амбиции новоиспеченных мафиози, и даже

державные лозунги - до тех пор, пока все это разрушало ненавистный “коммунизм” и отдаляло призрак его возвращения. Но теперь, когда призрак отступил, все это только ограничивает свободу действий транснациональных корпораций, мешает “правильной” капиталистической эксплуатации, тормозит утверждение принципа святости и неприкосновенности частной собственности. Используя налаженные за последние годы связи, транснациональный капитал пытается напрямую выйти на правящую группировку России и навязать ей свою программу действий. Не случайно начата уже - пока силами правых фракций в Думе - обкатка идеи реституции, т.е. возвращения собственности, национализированной революцией, наследникам “законных” собственников. А таких наследников надо искать не столько в России, сколько за ее рубежами, в эмигрантских кругах и среди старых капиталистических фирм Запада. Не этим ли вызвана странная поспешность с канонизацией Романовых и утверждением царской символики? На международных переговорах обсуждается и другая идея - конверсия внешней задолженности РФ в акции российских предприятий. Эта идея была выдвинута не кем иным, как канцлером Шредером. И то и другое вполне может послужить каналами “второй приватизации”, которая позволила бы транснациональному капиталу напрямую установить свое господство над сферой производства.

Как же обстоит дело на другом полюсе? Абсолютное большинство трудящихся объективно уже стали пролетариями или полупролетариями. Единственным или главным источником их существования является продажа своей рабочей силы собственникам средств производства. Но это - “класс в себе”, и до его превращения в “класс для себя” ой как не близко. На пути к этому стоит прежде всего отсутствие рабочего движения, в которое можно было бы вносить передовое сознание. Трудящиеся в массе своей ощущают себя людьми советского общества, в котором сформировались нынешние поколения кроме самых младших. У них нет и не может еще быть установки на организованную защиту своих прав и интересов, как у их братьев по классу, выросших и воспитанных в эксплуататорском обществе. У них не может быть и отношения к работодателю, государственному или частному, как к “нормальному” эксплуататору. “Нормой” для них пока остается социалистический патернализм, и они даже в крайних случаях пытаются разными путями - от обращений к депутатам, писем в газеты до забастовок, голодовок, перекрытия транспортных путей - побудить власть вести себя именно так. Вот почему самые, казалось бы, радикальные выступления уходят в песок после первых же обещаний властей или хозяев.

К этому надо добавить высокую степень маргинализации. Скажем, рабочий стоящего или работающего в четверть силы завода - он же ремесленник, выполняющий заказы “новых русских”, - он же мелкий торговец, вынужденный сбывать “свою собственную” продукцию, которой с ним расплачивается завод вместо денег. О какой четкости социальных интересов можно тут говорить? Социальная маргинализация дополняется сильнейшим психологическим шоком от крушения, казалось бы, неизбежного советского мира, дискредитации прежних жизненных ценностей, нарушения всей системы ориентиров. Все это вместе взятое заставляет многих смотреть не вперед, а назад, и при этом пребывать в уверенности, что они ищут или уже нашли реальный путь к лучшему будущему.

Очень многие люди и сейчас не понимают сущности происшедшего. Они возмущаются действиями власти так, как будто это прежняя власть, которая почему-то не выполняет своего долга перед народом. Мало кто осознает, что это принципиально новая власть, которая именно выполняет свой долг - не перед народом, а перед теми социальными группами, интересы которых представляет. И если рассказать этим людям о каких-либо акциях гражданского протеста, например, о том, что находятся ветераны войны, которые не принимают от режима медалей к юбилею Победы, они искренне изумляются: они и не подозревали, что такое возможно.

Некоторые идеологи так называемой патриотической оппозиции строят на этом непонимании надежды на грядущее “возрождение России”. Наше общество, по их мнению, отличается от западного тем, что в нем отсутствуют классы и классовая борьба. Надо только поторопиться со свержением прозападного режима или с его “выдавливанием” из власти путем вхождения в эту власть самим, пока он не переключил страну по западному образцу, не ввел в ней классовое деление. Это, разумеется, иллюзия, хотя и возникшая не на пустом месте. Как мы видели, общинные черты социальных отношений давно уже служили формой выражения классовых противоречий. Еще Энгельс отмечал, что община в условиях крепостничества давала русским крестьянам форму организации, которой не имело

уже к тому времени крестьянство Центральной Европы. Эта организация помогала ему выживать в условиях зависимого капитализма, а позже - и противостоять капиталистической экспроприации. Поэтому в ходе раннесоциалистической революции общинные традиции закономерно наполнились новым содержанием. Советское общество в самом деле объективно несло в себе немало черт, восходящих к обществу протоклассовому и даже доклассовому. Из-за этого классовая структура общества осознавалась гораздо слабее, чем наличествовала объективно. Патриотические идеологи разделяют это заблуждение и конструируют на его основе новый отрезок "особого пути России".

Может быть, до победы контрреволюции коммунистам действительно имело смысл опираться на общинные черты, сохранившиеся в бытии и сознании нашего народа. Может быть. Но сейчас, когда в обществе колоссальными темпами развивается не просто классовое расслоение, а классовые антагонизмы, надо быть слепым, чтобы не видеть этого и продолжать распространяться о русской "особости". Общинные традиции, основы которых подорваны промышленным переворотом, окончательно разрушаются контрреволюцией и реакцией, и нет такой силы, которая могла бы их восстановить. На новом витке исторической спирали для левых сил России вновь приобретает актуальность позиция, занятая марксистами еще 100 лет назад в полемике с народниками: опираться надо не на те силы и отношения, которые капитализм разрушает, а на те, которые им же создаются.

Последние 10 лет люди, стремившиеся быть коммунистами, ориентировались главным образом на остатки советского строя в общественной реальности и в сознании. Отсюда - поиск моделей в прошлом. Разные партии и группировки более или менее осознанно пытаются вернуться на 20, 40, 60, 70 или 80 лет назад, исправив допущенные тогда "ошибки" и отделив "хорошее" от "плохого". Те же истоки имеет установка на немедленный, с сегодня на завтра, приход к власти, несмотря на очевидное отсутствие революционной ситуации. Эта установка толкает одних вправо, других - "влево", а в последнее время, обнаружив несостоятельность, порождает разброд и шатания, питает настроения разочарования, если не отчаяния. Положение может заметно измениться лишь после возникновения левых сил нового типа, ближайшими задачами которых будут организация трудящихся для защиты их непосредственных интересов, а также серьезная теоретическая и просветительная работа, дающая как перспективу будущего, так и возможность оставаться людьми в сегодняшней действительности.

Эпоха раннесоциалистических революций в целом и самая грандиозная из них, охватившая 70 лет истории нашей страны, завершились на наших глазах. Возможна ли в ближайшем будущем новая революция, на которую рассчитывает (или до последнего времени рассчитывала) радикальная оппозиция? Не только история, но и простая логика побуждают к отрицательному ответу на этот вопрос. Перепрыгнуть сразу от завершения одной революционной эпохи к другой - дело объективно невозможное. Общественные противоречия должны оформиться и созреть, новые социальные отношения - сложиться и отстояться, обусловленные ими интересы - стать практическими побуждениями миллионов. Без этого невозможна та высокая активность масс, которую Ленин считал отнюдь не субъективным, а объективным фактором революционной ситуации. Без этого невозможно и формирование политического авангарда, который по определению немислим в условиях стратегического отступления, когда быть в авангарде - значит быстрее всех удирать от противника. Наша критика существующей левой оппозиции связана совсем не с тем, что следует звать народ на баррикады. Нет. Сейчас это либо бесполезно, либо даже вредно. Но Коммунистическая партия в таких условиях должна сыграть роль арьергарда: сохранять боевой порядок и не сдавать без боя ни одной позиции. А главное - ясно сознавать, что происходит отступление, и не выдавать его за поиск новых путей вперед.

* *
*

Сколько раз за последние пятнадцать лет мы слышали, что в крышку гроба коммунизма забит последний гвоздь! Контрреволюция торжествует, и ее идеологи изо всех сил пытаются внушить всем и каждому, что наконец-то наша страна вернулась на общечеловеческий путь развития, с которого ее совлекли злодеи-большевики, и будет теперь идти по нему вечно. Можно подумать, что буржуазные

революции побеждали сразу, и не было поражений при Липанах²⁸ и Бад-Франкенхаузене, реставрации Стюартов и Бурбонов. Что победа контрреволюции не есть всегда только пролог следующей волны революций.

*На шестой части суши, представлявшей собой не “отдельно взятую страну”, а целый субконтинент, произошло то, что Маркс в свое время назвал “штормом неба”. Октябрьская революция знаменовала начало перехода не просто от формации к формации, но от эксплуататорского общества, существующего в том или ином виде несколько тысячелетий, к неэксплуататорскому. Это - процесс, сопоставимый только с переходом от доклассового общества к классовому, и он требует сопоставимого времени. Ниоткуда не следует, что столь грандиозное общественное преобразование должно непременно осуществиться с первой попытки. Этого не удавалось еще ни разу и прежним революциям, решавшим куда менее масштабные задачи. После самых ранних буржуазных революций XIV-XV вв., бывших лишь течением в борьбе сословий зрелого феодализма, прошло около столетия до следующей волны ранних, но уже самостоятельных буржуазных революций XVI-XVII вв. Затем снова был примерно вековой интервал, после которого пришло время уже не ранних, а зрелых буржуазных революций (с конца XVIII в.).

Если пролетарские революции эпохи Маркса и Энгельса могли существовать только как течение в рамках революций общедемократического типа, то революции XX века сравнимы со второй волной буржуазных революций. Значит ли это, что нам тоже придется ждать сто лет? Неизвестно, но совсем не обязательно. После первой волны, завершившейся Парижской коммуной, прошло 34 года до 1905-го, 46 - до 1917-го. Длительное существование мировой системы раннего социализма не может пропасть впустую. А процессы глобализации, охватившие мир, готовят почву зрелой пролетарской революции - уже не опосредствованно, а непосредственно мировой. Альтернативой ей может быть только самоуничтожение человечества. Поэтому древнее римское изречение нуждается в корректировке. Не “Pereat mundi, fiat justitia!”, а “Либо мир погибнет, либо восторжествует справедливость”.

¹ “Черная сотня” - неофициальное наименование крайне правых монархо-клерикальных националистических организаций в России начала XX в. Их опорой составляла городская мелкая буржуазия, отсюда и название. “Черные сотни” в России Средних веков и начала Нового времени - наименование податных городских сословий.

² Разночинная интеллигенция - социальная группа, сложившаяся к середине XIX в. из представителей различных сословий (отсюда название). В отличие от “интеллектуалов” западных стран, российская интеллигенция XIX в. осознавала себя не только как профессионалов умственного труда, но главным образом как выразителей общественных интересов, заступников

угнетаемых и преследуемых, носителей всякой - от либеральной до леворадикальной - оппозиции самодержавию.

³ Мещанство (от славянского “место” - город) - в дореволюционной России непривилегированное городское сословие. Впоследствии - ироническое обозначение людей с узким общественным кругозором, ограниченными культурными запросами и примитивными вкусами.

⁴ Слово “кулак” - Großbauer звучит на русском языке так же, как “кулак” - Faust - сжатая ладонь, способная душить и ударять, сравните: “jeden unter der Faust halten”; “мироеды” - буквально “пожиратели общины”.

⁵ Ленин В.И. Великий почин. - ПСС. Т.39. С. 16.

⁶ Ленин В.И. О нашей революции. - ПСС. Т.45. С.380. Здесь имеется в виду письмо К. Маркса Ф. Энгельсу (16.04.1856): "Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно". - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 29. С. 37.

⁷ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта (издание 1852 г.). - Маркс К., Энгельс Э. Соч., 2-е изд. Т.8. С.607.

⁸ Ленин В.И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. - ПСС. Т. 39. С. 276.

⁹ Продразверстка - система обязательной сдачи излишков продовольствия государству. Нередко осуществлялась путем принуждения. Ввести продразверстку с целью снабжения городов собиралось еще Временное правительство, но не решилось, и ее пришлось вводить Советскому правительству в 1918 г. Отменена в марте 1921 г. в связи с переходом к новой экономической политике (НЭП).

¹⁰ Нэпманы (от НЭП - новая экономическая политика 20-х годов) - новая буржуазия, возникшая на базе НЭПа.

¹¹ Стахановское движение названо по имени Алексея Стаханова, шахтера из Донбасса, предложившего новый, более продуктивный метод добычи угля.

¹² КИМ - Коммунистический Интернационал Молодежи.

¹³ На севере Тюменской области, в Западной Сибири. Кратчайший путь из европейской части СССР к богатейшим рудным месторождениям в районе Норильска и месторождениям газа, открытым в районе Надыма через несколько лет.

¹⁴ Система восстановления естественного плодородия почв посредством севооборотов, включающих кормовые травы. Была разработана академиком Вильямсом.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Т.1, I. Соч. 2-е изд. Т. 3, с. 34.

¹⁶ Лимитчики - рабочие, набранные в деревне по “лимиту”. “Лимит” на привлечение рабочей силы из деревни определялся для крупных заводов, для которых в городе недоставало рабочих. (die Limitarbeiter aus Dorf, die Arbeitsangebotquote für großen Industriestädte).

¹⁷ Пижоны и пижонки - на молодежном жаргоне - ультрамодно одетые и вызывающе гордые этим юноши и девицы.

¹⁸ Т. е. теряю твердую почву под ногами и всякую ориентацию.

¹⁹ См.: “История государства и права России”. М., “Былина”. 1998 г. С. 506.

²⁰ Цитата из классического произведения русской литературы - комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума”. Используется для характеристики управляемой посредственности.

²¹ “Прихватизация” - от “прихватить” т.е. “ухватить лишнего” или “быстро схватить что-то”; etwas zu viel fassen, plötzlich und schnell.

²² Психушка - на “демократическом” жаргоне психиатрическая больница. “Демократы” утверждали, что в “психушка” при “тоталитарном режиме” содержались чуть ли не исключительно здоровые диссиденты, которых из соображений политического приличия не хотели сажать в тюрьму.

²³ Колчак А.В., адмирал - в годы Гражданской войны один из белогвардейских командующих, в 1918-1919 гг. был фактически военным диктатором Сибири со ставкой в Омске. “Демократические” депутаты Учредительного Собрания, расчистившие ему дорогу к власти, были по его приказу утоплены в реке. Среди белогвардейских диктаторов Колчак выделялся самыми жестокими репрессиями против восставшего народа и самой явной зависимостью от держав Антанты. В 1920 г.

командованием чехословацкого корпуса Колчак был выдан восставшим сибирским рабочим. По приговору Иркутского ревкома расстрелян. В сатирической песенке тех времен о нем пели: “Мундир английский, погон российский, табак японский, правитель омский. Мундир сносился, погон свалился, табак скурился, правитель смылся” . В 90-х годах “демократы” в Сибири собирали средства на памятник ему, однако не собрали.

²⁴ Имеется в виду задержка банками платежей для того, чтобы пустить средства в незаконный оборот для получения дополнительной прибыли путем валютных и финансовых спекуляций или выдачи краткосрочных кредитов под большие проценты.

²⁵ “Челноки” - мелкие импортеры товаров широкого потребления, которые закупаются за рубежом на взятые в частных банках краткосрочные ссуды. Прозваны так потому, что постоянно снуют туда-сюда через границу, как челнок в ткацком станке.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Том I, I. - Соч.. 2-е изд. Т. 3. С. 34.

²⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Гл. IX. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.21. С.170.

²⁸ Битва при Липанах 30 мая 1434 года произошла в Чехии в конце гуситских войн. В ней потерпели поражение табориты - радикальное течение гуситов, опиравшееся на крестьян, мелких рыцарей и городской плебс. Одержали победу утравквисты - умеренное течение, выражавшее интересы новых земельных магнатов и городского патрициата.